INSPIRIA

Annotation

ЛЕДЕНЯЩИЙ ДУШУ ТРИЛЛЕР О ТЕМНОЙ СТОРОНЕ НАШЕГО ПОДСОЗНАНИЯ И ПСИХОТРАВМАХ, СПОСОБНЫХ ДОВЕСТИ ДО БЕЗУМНЫХ ПОСТУПКОВ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН ОТ АВТОРА МИРОВОГО БЕСТСЕЛЛЕРА «КАК Я ТЕБЯ ПОТЕРЯЛА».

Что произойдет, если отношения между психиатром и его пациентом станут не просто напряженными… а смертельно опасными?

Карен буквально создана для того, чтобы решать чужие проблемы. Это ее работа как психиатра и ее долг как верной подруги. Но есть тайны, которые она скрывает…

Джессика Гамильтон другая. Кажется, она нуждается в помощи, и поэтому обращается к Карен. Вот только девушке известно слишком много о своем докторе. Она знает то, чего не может знать ни один пациент. И рассказывает Карен истории, из которых сквозит неприкрытая угроза ее подругам. А потом эти истории начинают происходить в реальности…

И когда однажды ночью Карен подбрасывают странное письмо, она понимает, что должна сделать выбор между врачебной тайной и защитой своих близких…

«Я знаю, что вы делаете. Я знаю, что вы натворили».

«Блэкхерст дополняет эту захватывающую историю о глубинах и границах дружбы искусными поворотами и хитроумными ложными следами». – Publishers Weekly

«Выдающийся и оригинальный триллер, в основе которого сложные отношения между тремя женщинами и взрывной финал». – Б. Э. Пэрис, автор мирового бестселлера «За закрытой дверью»

«Притягательная, волнующая и в высшей степени приятная». – Шэрон Болтон, автор остросюжетного романа «Маленькая черная ложь»

«Захватывающая, продуманная книга. Я влюбилась в нее, и мне не хотелось, чтобы она заканчивалась». – Клэр Дуглас, автор мирового бестселлера «Пара из дома № 9»

«"Когда я впущу тебя" – не только напряженный, пугающий триллер, но и нечто большее: он о выборе, который делают женщины, об осуждении, которое они получают, – о том, как они становятся матерями, об их сексуальной жизни и психологии. Мне понравился этот фантастически ненадежный рассказчик и хорошо подобранные женские образы. Блестяще написано!» – Джиллиан Макаллистер, автор остросюжетных романов

«Леденяще-поучительная история о женской дружбе, с героями, которые останутся в вашей памяти надолго после того, как вы перелистнете последнюю страницу». – Люси Доусон, автор остросюжетных романов

- Дженни Блэкхерст
  -
  - Благодарности
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19

- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30

- Часть вторая
  - Глава 31
  - Глава 32
  - Глава 33
  - Глава 34
  - Глава 35
  - Глава 36
  - Глава 37
  - Глава 38
  - Глава 39
  - Глава 40
  - Глава 41
  - Глава 42
  - Глава 43
  - Глава 44
  - Глава 45
  - Глава 46
  - Глава 47
  - Глава 48
  - Глава 49
  - Глава 50
  - Глава 51
  - Глава 52
  - Глава 53
  - Глава 54
  - Глава 55

        - Глава 56
        - Глава 57
        - Глава 58
        - Глава 59
        - Глава 60
        - Глава 61
        - Глава 62
        - Глава 63
        - Глава 64
        - Глава 65
        - Глава 66
        - Глава 67
        - Глава 68
        - Глава 69
        - Глава 70
        - Глава 71
        - Глава 72
    - Часть третья
        - Глава 73
        - Глава 74
        - Глава 75
        - Глава 76
        - Глава 77
        - Глава 78
        - Глава 79
        - Глава 80
        - Глава 81
        - Глава 82
        - Глава 83
        - Глава 84
        - Глава 85
        - Глава 86
        - Глава 87
        - Глава 88
        - Глава 89
- notes
    - 1

- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38

- 39
- 40
- 41

Дженни Блэкхерст
Когда я впущу тебя

Посвящается Кену. Нам всем тебя очень не хватает – так сильно, что это невозможно выразить словами

Jenny Blackhurst
BEFORE I LET YOU IN
Copyright © 2016 Jenny Blackhurst

В оформлении авантитула использована иллюстрация:
© macondo / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Жукова М.В., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Благодарности

В первую очередь, и, надеюсь, так будет всегда, я хочу поблагодарить своего замечательного агента Летицию Резерфорд. Одна женщина, которая оказалась гораздо мудрее меня, как-то назвала тебя «заклинательницей авторов». Очень точное определение – все так и есть. Ты всегда с энтузиазмом воспринимаешь все, о чем я болтаю, и веришь в мои способности больше, чем когда-либо верила я сама. Также спасибо Меган и всей команде «Уотсон Литтл», а еще Камилле и всем из агентства «Марш».

Конечно, я благодарю своего замечательного редактора Вики Меллор, без которой эта книга получилась бы в два раза длиннее и в два раза хуже. Спасибо всей команде издательства «Хедлайн», Саре Адамс, Китти Стогдон, Джо Лиддиарду, Милли Сивард и всем остальным сотрудникам, энтузиазм и любовь которых к своей работе меня поражают. Спасибо художественному отделу, в особенности Шивон, за восхитительную обложку.

На этом этапе я страшно боюсь кого-то забыть, поэтому, пожалуйста, не сомневайтесь: если вы когда-то поздравляли меня, спрашивали, как идет книга, присылали мне письма по электронной почте, твиты или сообщения в «Фейсбуке»[1], чтобы сказать, как вам понравилась книга, или называли меня «настоящим автором», то вам адресованы мои благодарности. Каждое послание от читателя похоже на крепкое объятие.

Нелегко иметь две работы и растить двух сумасшедших детей, поэтому я особо хочу поблагодарить Максин, мою начальницу на дневной работе. Написанием этой книги я во многом обязана ей. Не думаю, что я когда-нибудь закончила бы ее без твоей поддержки. Ты подставляла мне плечо, и я могла выговориться тебе обо всем, что меня беспокоило.

За год, прошедший после публикации моей книги «Как я тебя потеряла», мне повезло познакомиться с замечательными блогерами, читателями и любителями книг; их так много, что я просто не могу перечислить здесь всех. Однако я должна обязательно упомянуть поразительных Лиз Барнсли и Трейси Фентон за то, что потратили на

меня свое время и честно высказались по поводу последнего варианта этой книги. Я *всегда* буду вам благодарна. Также спасибо замечательной Анне Картер и ее команде по организации встреч, посвященных книгам. Всем членам Книжного клуба – было б безумием попытаться упомянуть вас всех поименно, но мне никогда раньше не доводилось встречать группу, которая оказывала бы такую поддержку авторам. Вы классные! Я должна поблагодарить Терезу Николич, которая, возможно, продвигала мою работу даже больше, чем моя мать (а это о многом говорит).

Писатели-детективщики представляют собой удивительное сообщество, мне очень повезло быть тепло принятой в нем и стать его частью. Спасибо каждому из вас, сумасшедшие, за вашу поддержку, за то, что вы искренне помогали мне в последний год продолжать работу. Особая благодарность Сьюзи Холлидей за то, что направила меня, куда надо.

А теперь к излишне сентиментальной части. Мне повезло, что у меня замечательные друзья и семья, которые всегда рядом. Мне кажется, никаких слов не хватит, чтобы отблагодарить маму и папу за их огромную любовь, поддержку и за то, что я смело могу оставить с вами своих детей, – я люблю вас обоих. Спасибо моей свекрови, которая всегда готова помочь несмотря на то, что последний год был самым трудным в нашей жизни. Дети не могли бы и мечтать о лучших бабушках и дедушках и никогда не забудут дедушку Кена.

Огромное спасибо моей великолепной парочке «рыжиков» – Коннору и Финлею. Если б не вы, я написала бы эту книгу в два раза быстрее, но я ни за что на свете не отказалась бы от вас. Благодаря вам жизнь имеет смысл.

И как обычно, в конце я выражаю самую важную благодарность. Это благодарность мужчине, которому приходится со мной жить, когда слова не идут, и приходится выполнять всю работу по дому, когда я пишу, и который только по тону моего голоса может точно определить, когда мне должны прийти правки редактора. Спасибо Эшу за то, что все еще остается для меня всем.

Часть первая

Глава 1

Сейчас

С чего вы хотели бы начать?

Хм-м.

Я сказала что-то смешное?

Я сама всегда говорила это своим пациентам. Так у них создается ощущение, будто они держат сеанс под контролем. Только мы обе знаем, что я тут ничего не контролирую, правда?

Для вас важно в это верить?

Я знаю, что вы пытаетесь сделать. Вы пытаетесь заставить меня расслабиться, чтобы я раскрылась и призналась в своих самых глубинных страхах, и тогда вы сможете сказать им, что я сумасшедшая. Я чувствую себя сумасшедшей. Можете это записать.

Почему бы вам не рассказать все с самого начала, Карен? С того дня, как вы впервые встретились с Джессикой Гамильтон.

Это не начало. Наверное, можно сказать, что с той встречи началось все *это*, но на самом деле это не начало. Все началось задолго до моего знакомства с Би, Элеонорой и Майклом. Когда мне было четыре года.

Вы хотите об этом поговорить? О том, что случилось в детстве?

Нет. Я не хочу об этом говорить, а они не хотят об этом слушать. Они хотят знать, как она умерла.

Продолжайте.

Вы не сможете меня изменить.

Простите?

Это были первые слова Джессики Гамильтон, которые она мне сказала. Они до сих пор крутятся у меня в голове. Я помню, как подумала, что она не права: я все время помогала людям измениться, это было моей работой. Но тогда я не понимала, что она никогда не хотела меняться. Она и не собиралась этого делать. Тогда я не знала, что она пришла, чтобы изменить меня.

Глава 2

Карен

25 октября

Обычный сеанс в институте имени Сесила Бакстера длился три тысячи секунд. Некоторые пациенты молчали все это время, и большинство молодых психиатров недоумевало – зачем тратить сто пятьдесят фунтов стерлингов, чтобы просто молча сидеть пятьдесят минут? Но только не доктор Карен Браунинг. Она все понимала. Она понимала это точно так же, как причины, по которым успешные мужчины покупают услуги проституток. Дело было не в деньгах и не в неразглашении, речь шла о контроле над ситуацией.

Карен услышала тихое постукивание каблучков по деревянному полу – этот звук предупреждал ее, что Молли, ее секретарь, находится прямо за дверью кабинета. «*Наш секретарь*», – напомнила себе Карен. Молли работала на всех шестерых младших сотрудников отделения психиатрии на втором этаже. Только управляющим с верхнего этажа полагались личные помощники. В дверь чуть слышно постучали. Карен добавила немного блеска на губы, убрала тюбик назад в верхний ящик стола и подождала, когда Молли войдет. Оформление каждого кабинета было тщательно продумано, и Карен своим очень гордилась – он символизировал все, чего она добилась.

«А ведь говорят, что гордыня предшествует падению». В это утро она потратила час до начала рабочего дня, читая записи в истории болезни, чтобы подготовиться к сеансу. Она должна была знать все, что только можно, о Джессике Гамильтон перед тем, как та войдет в дверь кабинета. На этой неделе только мисс Гамильтон записалась к Карен впервые – все остальные продолжали лечение. У Карен было мало информации о ней, и это в крайней степени ее раздражало. Тот, кто заполнял карточку при первом обращении, поработал совсем не так скрупулезно, как это сделала бы она сама. Под записями стояла закорючка, которую мог оставить любой из других психиатров. Карен отметила про себя, что на следующей летучке нужно поднять этот вопрос, только по возможности сделать так, чтобы это не восприняли как обвинение.

Возраст: 23 года.

Общий анамнез: депрессия и генерализованное тревожное расстройство[2] в прошлом диагностированы не были. О подобных проблемах у близких родственников неизвестно. В настоящее время не принимает никаких лекарств. Самообращение.

Причина посещения: головные боли напряжения и иррациональная когнитивная активность.

Как и всегда после прочтения записей о первом посещении, Карен не могла не нарисовать у себя в сознании образ женщины, которая вскоре войдет в ее кабинет. Вероятно, у нее есть деньги – судя по тому, сколько та готова платить за пятьдесят минут времени доктора Браунинг. Карен выполняла кое-какую работу на общественных началах, но Джессика Гамильтон, похоже, сама решала, к кому ей обращаться, и сама за себя платила. Карен подумала, что друзья зовут ее пациентку Джесс, а члены семьи – Джессикой.

В дверь постучали во второй раз. Молли так обычно не делала: если на двери Карен не висела табличка «Идет сеанс», то обычно она сразу же заходила. Карен встала, поправила пиджак, открыла дверь и увидела за ней не улыбающееся лицо своей помощницы, а хрупкую бледную девушку. Она казалась робкой, и ее щеки с каждой секундой становились все краснее.

Карен надеялась, что ее собственное лицо не отразило удивления. Скорее всего, так и было. Восемь лет в психиатрии научили ее скрывать эмоции – они находились внутри, никогда не прорываясь наружу и оставаясь незамеченными для окружающих. Из нее получился бы прекрасный игрок в покер.

Образ молодой, симпатичной, богатой женщины, который в сознании Карен связывался с именем Джессики Гамильтон, оказался очень далек от реальной девушки, которая сейчас стояла напротив нее. Карен протянула руку для рукопожатия и быстро отметила неухоженные обкусанные ногти новой пациентки. Рукопожатие оказалось таким же слабым и вялым, как улыбка на лице Карен.

– Джессика? – Карен обвела глазами приемную, но Молли нигде не было видно. – Приношу свои извинения. Обычно наш секретарь встречает посетителей в приемной. Проходите.

Карен пригласила девушку в кабинет, про себя ругая Молли за такой нетипичный для нее непрофессионализм.

– Пожалуйста, присаживайтесь.

Джессика Гамильтон словно ее не услышала или просто проигнорировала предложение Карен: вместо того чтобы сесть, она медленно пошла к книжным шкафам у дальней стены кабинета. Казалось, она впитывала каждую деталь, рассматривая полки из красного дерева и книги в кожаных переплетах, выбранные скорее по эстетическим соображениям, а не как наиболее подходящие для этого кабинета. Впервые за долгое время Карен ощущала, как ее пространство внимательно рассматривают, оценивают и находят не соответствующим ожиданиям.

– Вы не хотите присесть, чтобы мы могли начать сеанс?

На секунду ей показалось, что Джессика собирается снова ее проигнорировать, но вскоре та молча уселась напротив Карен.

Джессику нельзя было назвать непривлекательной. Конечно, если б ее лицо не раскраснелось от холода на улице или, возможно, от нервных переживаний, она могла бы считаться симпатичной. У нее были кудрявые волосы, которые естественно ниспадали на плечи. Из-за слишком темного оттенка блонда они казались вообще лишенными цвета, этакая серая масса, которая смирилась с тем, что приходится сидеть на голове, не привлекая внимания. Создавалось впечатление, что Джессика выглядит так, чтобы вызывать как можно меньше интереса к себе, и весь ее облик придуман для этой цели.

– Меня зовут доктор Карен Браунинг. Я не знаю, обращались ли вы к другим психиатрам, но мы стараемся, чтобы нашим пациентам было комфортно. Поэтому мне хотелось бы, чтобы вы называли меня Карен, но если не хотите – никаких проблем. Точно так же я хотела бы называть вас Джессика, но если вы предпочитаете мисс или миссис Гамильтон, то меня это тоже устраивает.

Она широко улыбнулась Джессике, надеясь помочь той расслабиться. Карен сочувствовала всем своим пациентам. Вероятно, им было непросто здесь в первый раз; их пугала необходимость делиться своими страхами и тем, что они считали недостатками, с человеком, у которого не было других оснований о них беспокоиться, кроме денег, которые они платили. В том числе и по этой причине она пыталась всем своим видом расположить к себе пациентов. На ее

одежде не было никаких дизайнерских логотипов, как у некоторых других психиатров, она не стягивала волосы на макушке в пучок, не носила бриллиантов размером с кулак – хотя не отказалась бы от такого подарка.

Джессика кивнула в ответ на стандартную вступительную речь, словно услышала что-то глубокомысленное, но так и не дала понять, какое обращение предпочитает.

– Может, хотите что-нибудь выпить?

Джессика почти незаметно качнула головой. Карен встала, налила себе стакан воды из кулера, стоявшего в углу, и снова опустилась на стул напротив Джессики. Его сиденье специально располагалось на дюйм[3] ниже дивана, что давало ее пациентам ощущение контроля над ситуацией, которого многим из них недоставало во внешнем мире.

– Хорошо. Я вижу, причина вашего обращения – головные боли напряжения. Хотите рассказать мне о них?

Джессика впилась взглядом в глаза Карен, которая не привыкла к подобному, по крайней мере, на первых сеансах. Она специально оформила свой кабинет без излишеств, чтобы людям нечего было разглядывать и чтобы ничто их не отвлекало. Только диван, письменный стол, два небольших книжных шкафа, одна фотография, никаких безделушек и большая картина с изображением причала и огромной бирюзовой водной глади, вид которой успокаивал. Тем не менее посетители все равно находили на что уставиться, кроме нее. Хотя к Джессике Гамильтон это не относилось.

– Вы не сможете меня изменить.

Тон был злобным и вызывающим и совершенно не вязался с поведением посетительницы. Именно от него, а не от произнесенных слов Карен опешила. Но на протяжении всех лет работы ее шокировали тысячи раз, и у нее чертовски хорошо получалось скрывать свои эмоции. Ее лицо оставалось ничего не выражающей маской, она не дернулась и даже не моргнула.

– Вы думаете, что произойдет именно это, Джессика? Что я попытаюсь вас изменить?

– А разве вы не этим занимаетесь, доктор Браунинг? Разбираетесь с небольшими душевными проблемами несчастных, делаете их жизнь такой же идеальной, как ваша?

Она не отводила взгляд. Ее глаза были голубыми, но слишком темными, поэтому их нельзя было назвать яркими. В них имелись коричневые крапинки, из-за которых глаза казались еще более тусклыми. Обыкновенные, ничем не примечательные – как и все остальное в ней.

– Нет, Джессика, это не то, что мы делаем. Я здесь для того, чтобы выслушать вас и помочь вам справиться с происходящим.

– Выслушать и помочь. Это не кажется очень продуктивным. Почему люди вам столько платят за то, что вы играете роль кирпичной стены? Что в вас такого особенного?

«В злости и агрессивности пациентов нет ничего необычного», – сказала себе Карен, пытаясь не позволить исходившей от девушки злобе вывести ее из себя, задеть ее лично. Иногда люди, приходящие на сеанс, злятся на саму жизнь; иногда язвительность и сарказм направлены на психиатра. Джессика Гамильтон не отличалась от других. И все же чем-то она выделялась.

– Часто бывает проще поделиться нашими проблемами с человеком, который лично не участвует в нашей жизни. Таким образом люди чувствуют, что их не судят, они оказываются в безопасном месте, где могут озвучить свои проблемы. Я здесь не для того, чтобы вас осуждать, Джессика, не для того, чтобы сделать вас лучше. Мы не считаем людей сломанными и не стремимся их «починить». Если вы хотите со мной поговорить, я попробую понять, что происходит в вашей жизни. С чего вам было бы комфортнее начать?

Карен видела, как Джессика переваривает ее слова, и почти ощущала ее разочарование от того, что она не поддалась на провокации. Карен не могла не задуматься о том, что, по мнению девушки, должна дать терапия, и зачем она вообще пришла, если у нее сложилось такое негативное мнение о профессии психиатра.

– Я занимаюсь сексом с женатым мужчиной.

Если своими первыми словами Джессика явно бросала вызов, то теперь она хотела шокировать. Карен уже вела записи у себя в голове: *«Пациентка пытается шокировать, используя это как способ вызвать осуждение. Возможно, хочет уменьшить чувство вины»*. Но ей придется зайти гораздо дальше: Карен в этих стенах слышала признания в гораздо худших вещах.

– Это все, только секс? Другие люди могли бы выбрать фразы «сплю с» или «кручу роман».

Лицо Джессики ничего не выражало, ее мысли невозможно было прочитать.

– Я его не люблю. Нет смысла. Я не какая-то глупая девчонка, которая думает, будто он бросит жену ради меня.

«Пациентка использует отрицание как защитный механизм от признания собственных чувств. Признаки других проблем?»

– Не хотели бы вы начать с начала и рассказать, как вы познакомились?

Профессия психиатра сложная, но Карен никогда даже не рассматривала другие варианты, и за годы практики ни разу не пожалела о своем выборе. Для нее было естественным относиться к пациенту как к раненой птице: не делать внезапных движений, говорить нейтральным тоном, слушать, направлять, но не диктовать. С некоторыми людьми возникало ощущение, что если ты произнесешь хоть одно неверное слово, то они тут же попытаются сбежать, видя в тебе захватчика, а не спасителя. Вначале психиатр может казаться врагом, в особенности если пациент не сам обратился за помощью.

Джессика проигнорировала вопрос и, поставив локти на бедра, наклонилась вперед, чтобы сократить расстояние между ними.

– Как вы считаете, что делает человека хорошим или плохим? – спросила она таким тихим голосом, что Карен пришлось самой податься вперед на стуле, чтобы ее услышать. – Их мысли? Или человек таким становится, когда фактически делает то, о чем думает? Или отсутствие нравственности? Эмпатии?

– Вас беспокоят собственные мысли?

Джессика слегка ухмыльнулась, ее ничем не примечательное лицо стало некрасивым от появившегося на нем выражения.

– Не совсем так. Вы мне не ответили.

– Это сложный вопрос, Джессика, и я не уверена, что имею достаточную квалификацию для того, чтобы на него ответить. Но если вас беспокоят ваши мысли, то должна заметить: тот факт, что вы находитесь здесь и пытаетесь получить помощь, чтобы справиться с ними, показывает, что они скорее являются результатом той ситуации, в которой вы оказались, а не присущей вам внутренней когнитивной дисфункции.

– Вы всегда говорите так, будто читаете по учебнику?

– Простите…

– И вы всегда так много извиняетесь?

– Я…

– Хорошо, что там Фрейд говорил про боль, которую вы случайно принесли людям?

Маленькая ниточка напряжения завязалась в узел в груди у Карен. Она очень редко теряла контроль над сеансом, но сейчас у нее возникло четкое ощущение, что этот сеанс становился контрпродуктивным.

– Вы кому-то случайно причинили боль?

– А кто говорит, что я сказала это про себя?

Карен охватил страх, и у нее слегка задрожала рука. Она задумалась, заметила ли Джессика ее дискомфорт. Девушка не могла знать, какую реакцию вызовет ее вопрос, и все же, прежде чем лицо Джессики снова стало непроницаемым, на губах появился намек на улыбку, который говорил об обратном.

– Случайность, она и есть случайность, Джессика. Непреднамеренность. Зачастую именно то, как мы воспринимаем последствия наших действий, и определяет наш характер.

– Мой отец всегда очень странно относился к случайностям. Я имею в виду не те мелкие происшествия, когда идешь и вдруг спотыкаешься, а действительно плохие вещи, которым мы позволяем случиться в жизни просто потому, что теряем бдительность. Он обычно говорил, что в этой жизни нет ничего случайного, несчастья сами по себе не происходят. Он говорил, что с помощью случайностей мы претворяем в жизнь наши подавленные желания, прикрываясь непреднамеренностью. Как вы считаете, в этом есть смысл, доктор Браунинг?

Напряжение между ними было словно натянутая веревка. Вопрос Джессики казался невинным лишь на первый взгляд. Карен ничего не ответила.

– Я думаю, что вам бы понравился мой отец.

Мысли Карен крутились в голове, стараясь соединиться во внятные предложения. Слова, на которые ее учили реагировать в процессе обучения, – отец, подсознание – служили спусковыми крючками для обязательных вопросов, и все же она изо всех сил

пыталась не задать их вслух. До того как она успела что-то сказать, Джессика снова заговорила.

– Это случилось на благотворительном вечере.

Джессика неотрывно смотрела на заусенец у края ногтя большого пальца, подобные штуки наводили на мысль о тревожном расстройстве. Ногти у нее были не накрашены, короткие и неровные – обкусанные, не обработанные пилкой.

Карен понадобилась секунда, чтобы понять: Джессика отвечает на первый вопрос, и на лице пациентки вновь появилась маска, с которой та пришла. Карен позволила себе потратить секунду, чтобы собрать в кучу себя как специалиста, вернуть на место профессионализм и продолжить сеанс так, словно последних нескольких минут не было вообще.

– Вы занимаетесь благотворительностью?

– Нет. Мне отдали лишний билетик. Он сидел в баре, и, казалось, ему было так же скучно, как и мне. Он пошутил – сказал, что заплатит мне за то, чтобы я осталась с ним, а я ответила, что я не проститутка. Он разнервничался, начал говорить, что не это имел в виду. Его беспокоило, что он мог меня оскорбить. И тогда я и заметила, какой он симпатичный.

Джессика подняла голову, отведя взгляд от своих рук, и улыбнулась. Это была не та ухмылка, которая играла у нее на губах минуту назад, а настоящая улыбка, вызванная воспоминаниями. При этом ее лицо не преобразилось, как бывает у некоторых людей. Улыбка только подчеркнула невзрачность девушки, сделав очевидным то, что даже радостное выражение не может оживить ее лицо. Внешность важна, от нее зависит отношение людей к тебе, и Карен вполне могла представить, как внимание привлекательного мужчины вскружило голову этой девушке.

– Он был милым, совсем не самоуверенным или наглым, какими часто бывают красавчики.

– Об этом говорит ваш опыт общения с мужчинами?

Но Джессика не прекратила говорить, даже крошечной паузы не сделала, словно Карен не произнесла ни слова. Она в деталях описала тот вечер, когда познакомилась со своим женатым любовником, рассказала про его шутки и про то, как близко он положил руку рядом с ее коленом, из-за чего каждый раз, когда она смеялась, он касался ее

атласного платья. Но по мере продолжения рассказа язык ее тела снова изменился, плечи опять напряглись, она словно собиралась с силами, чтобы перейти к той части, которая вызывала у нее отрицательные эмоции.

«Классические признаки когнитивного диссонанса».

– И что произошло после окончания вечера?

Джессика скрестила руки на груди. *«Пациентке некомфортно при этих воспоминаниях».*

– Мы сняли гостиничный номер и трахались.

– И что вы почувствовали?

Карен знала, что это шаблонный вопрос, причем ужасный, черт побери. Она каждый раз прилагала усилия, чтобы не поморщиться, когда его задавала. Ее подруги постоянно шутили по этому поводу. Когда Карен сказала своей лучшей подруге Би, что хочет стать психиатром, та еще год после этого во время каждого их разговора спрашивала по крайней мере один раз: *«И что ты почувствовала?»* Но иногда – нет, очень часто – нужно было задать именно этот вопрос, потому что она находилась в кабинете именно для этого: добраться до корня проблемы, до отношения пациента к тому, о чем он рассказывал. В большинстве случаев пациенты так погружались в рассказ, что не обращали внимания на эту банальность, как будто даже ожидали этот вопрос.

Джессика приподняла брови, словно не могла поверить, что Карен так быстро решила разыграть карту чувств.

– Оргазма я не испытала, если вы его имели в виду. Но мне было хорошо. Да, все закончилось довольно быстро, и едва ли случившееся можно назвать «любовью с первого траха», но все было нормально.

«Пациентка использует юмор и резкие выражения, чтобы уйти от вопроса о чувствах».

Карен терпеть не могла нецензурные выражения. Когда она слышала брань, ей становилось некомфортно, она ощущала неуверенность в себе. Карен предполагала, что эта неприязнь появилась в школьные времена, когда она была хорошей и послушной девочкой и боялась произносить плохие слова, в то время как крутые одноклассники постоянно использовали в своих разговорах нецензурные выражения. Или, может, корни этой неприязни уходили глубже. Гораздо глубже.

– Второй раз был лучше. А вскоре случился и третий, и четвертый. Теперь мы регулярно встречаемся на неделе. Он не привязан к офису. Он практически живет у меня.

– Вы не боитесь, что об этом узнает его жена?

Джессика нахмурилась.

– Какое-то время я думала, что она может узнать. Я ждала телефонного звонка или ее появления, ждала, что она заявится ко мне и скажет: «Я знаю, что вы делаете. Я знаю, что вы натворили». Но она так занята детьми, что ничего бы не заметила, даже если б мы трахались у нее в машине на заднем сиденье, пока она сидит за рулем. Ей плевать на то, что он делает.

– Это он так говорит?

– Ему не нужно произносить это вслух, и так понятно по его рассказам. У нее нет на него времени.

– А у вас есть.

Джессика бросила на Карен гневный взгляд.

– А какая разница? Я не хочу, чтобы он от нее уходил, ничего такого. Я просто не понимаю, как она может не знать, что происходит с ее собственным мужем. – Джессика снова принялась рассматривать ногти и заговорила тише. – Я много об этом думаю.

Значит, вот как обстоят дела. Карен ожидала, что им понадобится гораздо больше времени, чтобы перейти на следующий уровень проблемы. Они добрались до причины, по которой Джессика находилась здесь, и если Карен сейчас начнет слишком сильно давить, то сведет на нет результат последних сорока минут работы. Карен пыталась уверить себя, что Джессика – просто молодая девушка, которая оказалась в ситуации, ставшей причиной внутренней борьбы. То, что в начале сеанса Карен показалось сопротивлением и вызывающим поведением со стороны Джессики, могло быть лишь личным восприятием, вызванным ее собственными пунктиками, тогда как пациентка просто задавала невинные вопросы о жизни. Карен была почти убеждена в этом.

– Насчет его жены… – Она говорила тихим, спокойным голосом, слегка склонившись к Джессике. Та кивнула, но все еще не смотрела на Карен, но больше не хмурилась.

– Как она может позволять так к себе относиться? Я имею в виду: она знает, и ее это не волнует? Или она действительно тупая и не

видит, что он делает? А ведь он купил еще один телефон, о котором она не знает, – чтобы звонить мне. Она ведет всю домашнюю бухгалтерию, но он открыл счет на свое имя, о котором она не подозревает. Какому еще мужу придется такое делать? И все потому, что его жена – сука, которая любит все держать под контролем, и только так он может иметь личные деньги.

«Чтобы тратить их на других женщин, с которыми спит».

– Я кое-что сделала, чтобы поприкалываться над ней, разные мелочи, ничего серьезного. Занялась ее ежедневником и подстроила так, чтобы она пропустила несколько встреч и приемов у врачей. Мне понравилось. Я чувствовала, что контролирую ситуацию.

– Вы заходили в дом к этой женщине?

– Да.

Беспокойство и смутное предчувствие беды, которые усиливались на протяжении последнего получаса, теперь угрожали задушить Карен.

– Джессика. Боюсь, мне необходимо задать вам один вопрос – это входит в мои профессиональные обязанности, и я не выполню свою работу, если его не задам. Вы понимаете меня?

Джессика кивнула.

– Есть ли у вас ощущение, что ваше поведение может выйти из-под контроля? Что ваши мысли об этой женщине могут привести к действиям, в которых вы не будете отдавать себе отчета?

– Нет, – медленно покачала она головой. – Ничего подобного. Она мне противна, я ее ненавижу, но я не злодейка.

Глава 3

Би

– Всем привет, меня зовут Элеонора, и вот что я выставляю на конкурс «Моя Чертова Пятница»… – Элеонора сделала паузу для создания максимального драматического эффекта. Это у нее хорошо получалось с самого детства. – Мне пришлось сегодня поменять подгузники по крайней мере шестнадцать раз, и один из них я уронила себе на ногу. Дерьмо – в прямом смысле.

Ни Би, ни Карен не смогли сдержать смех, который отразился от стен маленького кафе. Би увидела, как двое посетителей оторвали головы от газет, словно женщины вели себя как шумные подростки в библиотеке. Она с трудом сдержалась, чтобы не показать мужчинам язык. Карен ежедневно напоминала ей, что они теперь взрослые, хотя, когда бы они ни собирались вместе, казалось, что последние пятнадцать лет испарились и они снова прячутся под кроватью у Элеоноры с бутылкой «Бешеного пса 20/20»[4].

Элеонора скорчила гримасу и сделала глоток.

– Можете смеяться, сволочи. Не вам же пришлось смывать дерьмо с новых, таких практичных, что я готова себя убить за эту покупку, черт их возьми, туфель без каблуков. Вот такая я вся правильная. Предлагаю заслушать Карен.

Карен взяла стакан и подняла его, но Би заметила ее колебания. Они длились какую-то долю секунды, большинство людей не обратило бы внимания, но они и не знали Карен с первого школьного дня.

– Находиться вместе с вами здесь сегодня днем, в эту замечательную пятницу – настоящее удовольствие для меня. Спасибо за предложение выступить, Элеонора. Я выставляю на конкурс «Моя Чертова Пятница» следующее. Я так закрутилась на работе на прошедшей неделе, что пропустила визит к стоматологу, а также выступление известного психиатра, которого ждала несколько месяцев. Я просто забыла внести их в ежедневник.

Подруги Карен театрально застонали, и Элеонора уронила голову на лежавшую на столе руку.

– Ради всего святого, Карен Браунинг, ты могла бы, по крайней мере, что-нибудь придумать, если твоя жизнь так чертовски похожа на

«Маленький домик в прериях»[5], – пробормотала она в рукав, потом подняла голову. – Я в последнее время пропустила столько приемов у разных врачей, что, не сомневаюсь, они уже названивают в социальные службы. Би, твоя очередь. И это должно быть что-то похуже дерьма на ноге. Я не выдержу, если выиграю третью неделю подряд.

Би долила в свой стакан сок из кувшина, который стоял на безвкусной дешевой красно-белой скатерти, и собралась с силами.

– Всем привет, меня зовут Би.

– Привет, Би, – хором отозвались подруги.

Би подняла стакан и кивнула на Элеонору, которая нетерпеливо ждала продолжения.

– Благодарю Элеонору за предложение выступить. Я хочу выставить на конкурс «Моя Чертова Пятница» свою забывчивость. Я… – Она резко запнулась, вспомнив, что при Карен *это* нельзя говорить. Соображая на ходу, она перебирала в голове события на работе. – Я забыла записать одного из наших самых крупных клиентов на семинар для высшего руководства. Мой начальник, тот еще придурок, задал мне головомойку и назвал некомпетентной перед всем офисом.

– Как неприятно, – тихо произнесла Элеонора, протянула руку и погладила Би по плечу. Большим пальцем другой руки она прокручивала сообщение, которое только что получила. – О господи, Ной все еще спит. Он сегодня ночью вообще не сомкнет глаз, если мама позволит ему спать весь день.

Би на мгновение почувствовала раздражение, но в следующую секунду Элеонора исправилась и положила мобильный в свою открытую сумку, набитую до отказа.

– Не нужно об этом беспокоиться. Не стоит твой начальник таких переживаний.

Когда Элеонора взяла Би за руку, та не могла не заметить потускневшие следы от шариковой ручки на тыльной стороне ладони подруги – остатки какого-то напоминания или телефонного номера, которые не успел смыть полутораминутный душ. Телефон снова издал сигнал под столом, и надо отдать должное Элеоноре, она едва ли бросила на него взгляд.

– И Фрэн так сказала, – улыбнулась Би. – Только немного более красноречиво.

Карен вопросительно приподняла брови.

– Старшая сестра все еще готова, чуть что, примчаться тебе на помощь?

– О, оставь ее в покое, Карен, – добродушно ответила Би. – Фрэн всегда меня поддерживала. Ты просто никогда не давала ей шанса. Очень приятно наконец иметь сестру, с которой я могу поговорить. Знаешь ли, такой связи, какая бывает между сестрами, с другими людьми возникнуть не может. – Она быстро закрыла рукой рот, вспомнив, что случилось с сестрой, которая когда-то была у Карен. – Проклятье! Прости, дорогая.

Карен улыбнулась, но ее губы вытянулись в тонкую линию так, что получилась скорее гримаса.

– Все в порядке, ты не должна извиняться за то, что любишь сестру. Честное слово, я рада, что ваши отношения с Фрэн стали лучше.

На этот раз она по-настоящему улыбнулась и подняла свой стакан.

– Итак, на этой неделе побеждает Элеонора. Давайте выпьем за твою дерьмовую жизнь.

Би последовала ее примеру, подняла свой стакан с соком и чокнулась с Карен. Элеонора вздохнула со стаканом в руке.

– За мою дерьмовую жизнь.

* * *

– Фитнес-мамочка говорит работающей мамочке: «О нет, я просто удивлена, что у *тебя* есть время…» – Она запнулась, посмотрела на Би, перевела взгляд на Карен, потом снова на Би. – О боже, я вас достала, да? Вам скучно? – Она закрыла лицо руками. – Можете уйти, если хотите. Я отвернусь, а вы просто выскользните из кафе.

Би рассмеялась.

– Нет, серьезно, я на самом деле хочу узнать, что фитнес-мамочка сказала второй… мамочке-веганке?

– Хорошо, хорошо, – простонала Элеонора. – Но вы должны знать, что обычно те шестнадцать минут, которые я жду сына у

школы, – это моя единственная возможность пообщаться со взрослыми людьми. Я не сижу в офисе, сплетничая о том, кто у кого украл бутерброд с индейкой, и не вправляю людям мозги. У меня есть только мамаши с их спорами и враждой.

– Ты думала о возвращении на работу? Когда собираешься? – Би увидела печаль на лице подруги и тут же пожалела, что задала этот вопрос.

– Адам считает, мне следует подольше посидеть дома. До тех пор, пока Ной не пойдет в школу. Детские сады обходятся очень дорого. По его мнению, лучше будет, если я сама останусь с мальчиками, пока они еще маленькие. Мы можем позволить себе жить на его зарплату.

– А сама ты что думаешь? – решила ненавязчиво прощупать почву Карен.

Элеонора снова вздохнула.

– Я думаю, что не должна вести себя как скотина из среднего класса, которая стонет из-за того, что у нее есть возможность самой растить своих детей, в то время как у стольких женщин вообще нет выбора, им нужно возвращаться на работу, и они готовы убить, только бы оказаться в моем положении.

– Хорошо-о-о, – протянула Би, вонзая вилку в морковный пирог, оставшийся на тарелке Карен. – А если твои подруги плевать хотели на то, что ты скотина из среднего класса?

– Я думаю, что сойду с ума, если не буду заниматься тем, что даст мне снова почувствовать себя самой собой. Я слишком эгоистична, чтобы посвящать каждую минуту бодрствования исполнению роли чьей-то матери или чьей-то жены.

– Ты могла бы начать свое собственное дело, – предложила Карен. – Тогда ты будешь и мамой, и супербизнес-леди. Ной походит в ясли пару дней в неделю по утрам, ему только на пользу пойдет общение с другими детьми, а ты обзаведешься новыми знакомыми. У меня есть телефоны молодых мам, которые так и сделали, я могу познакомить вас.

Судя по виду Элеоноры, она вертела эту мысль в голове, проверяя с разных сторон, чтобы найти в ней дыры.

– Не знаю, – наконец ответила подруга, но Би видела, что под этими словами скрывается искра интереса, которую она не замечала в Элеоноре с тех пор, как та ушла в декретный отпуск из рекламной

компании, где работала. – То есть я хочу сказать, что во «Фреше» у меня была стабильная клиентская база, а свое дело надо начинать с нуля. А это много работы… Я подумаю. Мне страшно возвращаться на прежнее место и бегать там в туалет для инвалидов, чтобы сцедить молоко.

– Я думала, что ты перестала кормить грудью, или нет?

– На самом деле да, но эти твари – прости, Карен, – не прекращают наливаться. Я каждое утро просыпаюсь в луже молока.

– Фу, – скорчила гримасу Би.

– О, Би, однажды… когда у тебя будут дети…

Би наигранно содрогнулась.

– Господи Иисусе, я не могу иметь детей. Во-первых, у меня диван кремового цвета.

Элеонора рассмеялась.

– Будут у тебя дети. Ты знаешь, что будут. Я знала одну женщину, которая…

– Элеонора, прекрати! Я серьезно, – перебила ее Би. – Если ты еще раз расскажешь мне про Мойру с твоей работы, которая родила первого ребенка в сорок два года, меня стошнит.

На лице Элеоноры на секунду появилось обиженное выражение, но затем она расплылась в улыбке.

– Да, родила! Так что никогда не поздно.

– Конечно. Я прямо сейчас займусь этим вопросом. А следующему парню, с которым буду спать, я для начала вручу опросник об истории его семьи. Знаешь, типа таких, которые заполняешь у врача. «Простите, сэр, но перед тем, как снять трусы, не будете ли вы так любезны сказать мне, не было ли у кого-то в вашей семье проблем с сердцем? Нет? Фантастика! А теперь, если вы готовы, будьте добры, суньте свой член вот в эту пробирочку».

Она изобразила, будто крутит между пальцев пробирку.

– Вульгарно, Би, – покачала головой Карен. – Кстати о птичках. Как дела на любовном фронте?

– Счет! – закричала Би, поворачиваясь к официантке и изображая отчаяние. – Можно счет? Пожалуйста!

Би единственная из трех подруг ни с кем не встречалась и поэтому должна была в красках расписывать свою личную жизнь. Подруги жадно внимали каждому ее слову, вместе с ней заново переживая те

дни, когда ходили на свидания. Только они не знали и никогда не узнают, что это все была бравада и ложь, она рисовалась для них, чтобы подруги о ней не беспокоились. Би много лет ни с кем не встречалась и сходила на несколько символических свиданий только для того, чтобы Карен от нее отстала. У мужчин просто не было никакого реального шанса.

Пока женщины ждали озадаченную официантку, которая должна была принести счет, Карен повернулась к Би.

– Послушай, у меня на работе есть один парень. Он холост…

Би театрально застонала.

– Пожалуйста, Карен, больше никаких свиданий «вслепую»! Я тебя люблю, но те типы, которых ты для меня находила в прошлом… Ну, давай просто скажем, что среди них мне не удалось найти прекрасного принца.

Карен улыбнулась.

– Я знаю, что Крис в общем-то зануда, а Шон…

– Полный придурок, – закончила за нее фразу Би. – Серьезно, Карен, я не знаю, как эти мужчины стали психиатрами, когда у них самих столько гребаных фрейдистских комплексов.

– Этот не такой, – запротестовала Карен. – Он не психиатр. Он работает в ИТ-сфере.

– О, ради всего святого! Можно подумать, что это лучше.

Элеонора рассмеялась.

– Что-то ты стала больно капризная, Би. По крайней мере, если он окажется дерьмом в кровати, он сможет апгрейдить твой ноутбук, которому уже двадцать лет.

– Черт. – Би улыбнулась Карен. – Дай ему мой номер. Лучше б ему не оказаться вторым Шоном.

– Обещаю. Неудивительно, что ты не можешь найти приличного мужчину, с твоим-то языком. По крайней мере, старайся говорить как леди.

– Ложная реклама. – Би кивнула Элеоноре. – Вроде бы она незаконна, Элс?

Подошла официантка со счетом, и Карен, как всегда, вручила ей свою карту. Би раздраженно посмотрела на Элеонору, которая почти незаметно покачала головой. Они обе пытались заплатить несчетное

количество раз, но в конце концов оказывалось проще позволить Карен это сделать.

– Мне нужно бежать назад на работу, – сказала Карен. – У меня на вторую половину дня записан пациент, а после сеанса нужно сразу уйти. Майкл уезжает на выходные, я хочу успеть попрощаться с ним.

– В какое-то приятное место?

Карен скорчила гримасу.

– Вроде в Донкастер. Я люблю вас обеих.

Она забрала свою карту у официантки, и подруги обняли ее на прощание.

– Мне тоже пора идти. – Элеонора притворилась, будто смотрит на часы, но Би знала, что та просто отчаянно хочет вернуться к сыну. – Удачи на работе. Звони, если захочешь с кем-то поделиться.

Би скорчила гримасу.

– Спасибо, дорогая, позвоню. Передай Траляля и Труляля, как я их люблю.

Элеонора улыбнулась.

– Я передам Тоби и Ною, что их старая чудаковатая тетя Би передавала привет. Они понятия не имеют, кто такие Траляля и Труляля.

– Чему сейчас детей учат в школе? Подмигнула.

– Знаешь, когда-нибудь ты на самом деле научишься подмигивать и научишься быть веселой.

– Хорошо, коровка ты моя молочная. Ничего, если я к тебе заскочу вечером после спортзала с анкетами для паспорта?

– Только не когда мы укладываемся спать, Би. Ты обычно появляешься как раз тогда, когда нам пора в кровать, и Тоби потом не успокоить.

– Обещаю: не перед сном.

Глава 4

Карен

Напряжение за столом ощущалось физически, но не из-за предчувствия плохих новостей – о таком никогда не говорили на общих собраниях, здесь была другая политика. Плохие новости сообщали за закрытыми дверьми, так тихо, как только возможно, без спешки и суеты. Нет, все младшие психиатры, шесть человек, если считать Карен, беспокоились по другой причине, общей для всех. Из-за этого она нетерпеливо покачивала ногой и все время поглядывала на дверь – с тех самых пор, как их собрали в зале заседаний.

Была пятница, и все надеялись ускользнуть пораньше и отдохнуть. Майкл уезжал сегодня вечером, и Карен отчаянно хотела вернуться домой, чтобы увидеться с ним до отъезда. Она всегда по-особому относилась к его поездкам – словно он мог больше никогда не вернуться. На самом деле каждый раз, прощаясь с дорогим ей человеком, Карен относилась к расставанию так, словно это их последняя встреча. Если она не увидит Майкла, то все выходные ее будут преследовать навязчивые мысли о том, что он попал в аварию или произошел какой-то несчастный случай, а последними словами, которые она ему сказала, будут: «О, ты можешь вынести мусор до девяти?»

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем дверь в зал заседаний открылась и вошли два старших партнера, Роберт и Джонатан. Оба совершенно не обращали внимания на то, что сейчас конец недели, а их сотрудники выглядят как группа унылых подростков под стражей.

– Спасибо всем, что пришли. – Джонатан обвел взглядом присутствующих и остановил его на Карен, которая сидела в пальто. – Мы вас задерживаем, Карен?

Она смутилась из-за того, что ее выделили; у нее покраснели щеки, но ей не было стыдно. Она всегда чувствовала, что не особо нравится Джонатану. Он был ублюдком-сексистом, а неодобрительные замечания этого женоненавистника всегда предназначались ей или еще одной женщине из младших психиатров.

– Ничего срочного, что не может подождать, пока мы закончим, – ответила она, встречаясь с ним взглядом.

Она подозревала, Джонатан всегда втайне надеялся, что она забеременеет, а ребенок мгновенно переключит ее мозг, и она превратится из увлеченной карьерой женщины в мамочку. На самом деле она была предана работе в сто раз больше, чем ее коллеги мужского пола, и никто из них не мог с этим спорить или ставить под вопрос ее целеустремленность. Бедный Джонатан не знал, что Карен никогда не собиралась иметь детей. Временами она испытывала искушение сказать ему это, разрушить его мечту, но тогда пришлось бы объяснять причины, а этого сделать она не могла.

Роберт уловил напряжение между ними и откашлялся.

– Мы не будем вас долго задерживать. Причина, по которой мы собрали вас всех, – это предстоящий выход на пенсию Кена Уильямса. Как вы знаете, он уходит от нас летом.

«Как вы знаете» – это было еще слабо сказано. Они не просто знали о выходе Кена на пенсию, эта новость поселилась в каждом кабинете с тех пор, как он два месяца назад объявил о своих планах. Она будто незримо наблюдала за ними во время сеансов и нашептывала им что-то, когда они заполняли истории болезни и готовили другие документы. Они стали делать более подробные записи, направления текли, как шампанское в особняке «Плейбоя». Уход Кена оставит дыру в инфраструктуре верхнего этажа, и каждый из них отчаянно хотел эту дыру заполнить.

Карен уже знала, кем заткнут дыру, и на самом деле с таким же успехом они могли просто замазать ее навозом. Судя по выражению лица этого куска дерьма, который сидел за тем же столом, он тоже это знал. Трэвис Япп был воплощением каждого нехорошего слова, которое когда-либо произносила Би. Какое слово лучше всего подходит мужчине, который до сих пор использует гель для волос – в его-то возрасте! – и говорит о своей машине как о женщине? Карен отметила про себя, что надо спросить у Би.

Карен знала, что Роберт не любит Трэвиса, но она знала и о том, что Трэвис произвел впечатление на нужных людей, говорил и делал все, что от него ожидали. Карен не нравился намек на то, что она не соответствовала ожиданиям. Да, она не всегда была так дипломатична, как могла бы; она не всегда бросалась выполнять приказы по первому

требованию, но всегда надеялась, что если дойдет до кризисной ситуации, то Роберт сделает все, чтобы помочь ей. Но он сказал, что Карен сделала недостаточно, а потом добавил так, словно поставил на ней клеймо младшего психиатра до конца жизни:

– В любом случае тебе будет плохо на верхнем этаже: слишком много политики, мало работы с пациентами. Ты задохнешься.

Роберт заявил, что Трэвис, наоборот, прекрасно подходил – наверху хотят видеть такого умеющего проводить нужную политику придурка. «А ты тогда кто?» – чуть не спросила она, но тот все еще оставался ее начальником. И в любом случае ей не хотелось, чтобы он знал, как она расстроилась, не получив место.

Теперь говорил Джонатан – это была длинная речь об опыте Кена, приобретенном за годы работы, о том, что они лишаются такого квалифицированного сотрудника, и о том, сколько он сам перенял у коллеги. Вероятно, Карен нахмурилась в ожидании коронации Трэвиса, потому что Роберт неотрывно смотрел на нее и спросил одними губами:

– Ты в порядке?

Она опустила глаза и уставилась на свои колени, игнорируя его озабоченность. Она знала, что ведет себя очень по-детски, но весь этот цирк вызывал у нее нарастающую тревогу и раздражение. Ей придется сидеть здесь и поздравлять Яппа, улыбаться и говорить, что он лучше всех подходит на это место, но она не обязана облегчать задачу Роберту после того, как он показал себя таким трусом. Карен не верила в «стеклянный потолок»[6], когда училась в университете, но теперь у нее начинали закрадываться сомнения.

– …и поэтому мы очень рады пригласить Карен присоединиться к нашей группе старших консультантов. Что скажешь, Карен?

Карен слегка тряхнула головой в полной уверенности, что услышала неправильно.

– Простите, что?

Роберт рассмеялся, спасая ее из неловкой ситуации, пока остальные члены группы оценивали реакции друг друга. Было очевидно, что все ожидали коронации Трэвиса.

– Я полагаю, шок и неверие не хуже других реакций, – улыбнулся Роберт. – Уверен, вы все присоединитесь ко мне и поздравите Карен – конечно, при условии, что она сама хочет получить эту должность?

Карен взяла себя в руки, улыбнулась и вежливо кивнула.

– Конечно, я в восторге и считаю, что это честь для меня. Спасибо вам обоим за предоставленную возможность. Надеюсь оправдать ваши ожидания.

Коллеги пришли в себя так же быстро, как и она сама, включая Трэвиса Яппа, который повесил на лицо белозубую улыбку, как у парня с рекламного плаката, и поднял невидимый бокал в ее честь.

– Поздравляю, Карен. Наверное, это очень приятно – видеть, как окупается вся твоя усердная работа.

* * *

– «Поздравляю, Карен. Наверное, это очень приятно – видеть, как окупается вся твоя усердная работа», – спародировала его Карен детским голосом. – Ну и… какой же он… – Она подыскивала подходящее слово и вспомнила креативный подход Би к английскому языку, свидетельницей которого была всего пару часов назад. – Петух в одеяле.

Роберт так спонтанно и искренне рассмеялся, что Карен не могла не улыбнуться, несмотря на свою злость.

– Не знаю, почему ты смеешься, – укоризненно заметила она, пока ее злость рассеивалась. – Ты понимаешь, на что он намекал? Что я спала с тобой для продвижения по карьерной лестнице?

– Это классический сексизм – если мужчина получает повышение по службе, то это потому, что он упорно работал и заслужил его. Если получает женщина, значит, с кем-то переспала. Этому учат в первый день на курсах под названием «Разве вы не рады, что у вас есть пенис».

– Хм-м, а ты феминист, да? – Карен посмотрела на часы. – Мне на самом деле нужно домой. Я просто хотела поймать тебя и поблагодарить за эту возможность. Я не подведу.

– Я знаю, что не подведешь, – улыбнулся Роберт. – Добро пожаловать в карьеру вашей мечты, доктор Браунинг.

* * *

Карен спустилась с крыльца здания, в котором находился институт имени Сесила Бакстера. У нее кружилась голова. *Партнер*. Все, ради чего она работала, все, чего она хотела, теперь находилось в пределах досягаемости. Может, у нее нет семьи, на которую она надеялась, когда была ребенком, но, по крайней мере, есть карьера – наконец все ее решения оправдались.

Направляясь к машине, она посмотрела в обе стороны перед тем, как перейти улицу, и увиденное заставило ее резко остановиться у края тротуара. Справа от нее, не более чем в ста ярдах[7], был припаркован серебристый «Фиат», словно водитель кого-то ждал. Человек, сидящий за рулем, наблюдал за ней, несмотря на то, что утренний сеанс закончился много часов назад. Это была ее новая пациентка Джессика Гамильтон.

Глава 5

Карен

– Наконец-то!

Последние пять минут она рылась в сумке в поисках ключей, а когда пальцы нащупали и вытащили их из сумки, вслед за связкой выпал скомканный листок белой бумаги и приземлился на крыльцо. Карен подняла его, открыла дверь, вошла и бросила сумку у входа.

– Привет! Майкл? – Она поборола искушение закричать: «Дорогой, я дома!», и в любом случае ее никто не услышал бы – Майкла не было. Хотя дом принадлежал ей – вообще-то, формально банку, – у Майкла имелся собственный ключ, и он относился к этому месту как к своему дому, когда жил здесь на неделе. Они отличались от всех остальных пар, которых знала Карен, – те постоянно отчитывались друг перед другом. Хотя временами Карен было трудно в этих отношениях, они подходили им обоим. По большей части. Ей очень не нравилось, что приходится держать в тайне истинную природу их отношений, но она ни в коем случае не могла кому-то рассказать, куда Майкл на самом деле отправляется в выходные «работать».

Она прошла в гостиную и по пути расправила листок бумаги. В верхней части виднелся веселенький желтый логотип ее старой школы, в которую теперь ходил Тоби. Под логотипом большими буквами было написано «Поддерживаем связь». Это было какое-то информационное письмо, в котором детально описывались результаты учебы детей за прошедшую часть четверти. Карен, не вчитываясь, положила листок на телевизор.

Она привыкла к полной тишине из-за того, что проводила слишком много времени дома в одиночестве, но сегодня тишина ее нервировала, и она включила телевизор, чтобы заполнить пустоту. Раньше, когда она еще училась, в это время у нее обычно была масса дел. Загорелся экран, Карен не стала переключать канал, не обращая внимания на предсказуемый «корм» для пенсионеров и безработных, который подавали вечером. Она отправилась наверх, чтобы поправить макияж к приходу Майкла. Она хотела запомниться ему привлекательной на следующие несколько дней, когда его не будет

рядом. Они были вместе уже два года, и за это время научились никогда не запускать себя и не становиться удобными, как это часто бывает в обычных отношениях. Они всегда очень ценили время, которое проводили вместе, зная, что Майкл может сорваться в любую минуту, если он срочно понадобится своей семье.

Карен снова накрасила губы и ресницы и добавила румян на скулы, думая в это время о несчастной изможденной Элеоноре и о том, что у подруги больше не было ни секунды свободного времени на себя. И о Би, у которой вообще кроме времени ничего и не было. И об ее работе, на которой сейчас, похоже, далеко не все шло гладко. Карен решила, что ей нужно как-то помочь обеим подругам, например забрать у Элеоноры мальчишек на день, чтобы та смогла воспользоваться заслуженным отдыхом. И еще проводить больше времени с Би и попытаться найти ей мужчину, который сделает ее счастливой. Хотя в последний раз, когда она попыталась это сделать, все прошло не совсем удачно, и Би не стеснялась напоминать ей об этом. Теперь, оглядываясь назад, Карен понимала, что, возможно, идея свести подругу с кем-то со своей работы была глупой. Хотя Би могла бы хоть как-то показать, что благодарна ей, или, по крайней мере, подождать, пока Шон не уйдет, прежде чем называть его полным придурком, пусть и себе под нос.

Дело в том, что Карен всегда хотела для своих подруг всего самого лучшего.

Когда у нее возникло ощущение, что макияж, который предстояло смыть через несколько часов, уже начал стягивать ее лицо, она включила телефон, с ужасом ожидая сообщения, что Майклу пришлось уехать, пока она была на работе. К счастью, подобных сообщений не обнаружилось, только пара писем по электронной почте, которые могли подождать. И еще было сообщение от Би:

«Э выглядит изможденной. Все молодые мамочки так выглядят? Слава богу, что у нас нет детей!!! Это счастье. Хх».

Карен улыбнулась, увидев выбранный Би способ сообщить ей, как она волнуется за Элеонору, не выглядя так, будто она вмешивается не в свое дело. Карен быстро напечатала два ответных сообщения, одно Би:

«Уверена, с ней все в порядке. Сейчас напишу ей. Может, нам с тобой взять мальчишек на эти выходные?»

Второе отправила Элеоноре:

«Люблю наши встречи за обедом. Скучаю по тебе, как и всегда. Я могу как-то помочь с маленькими мужчинами? Хх»

Би ответила практически мгновенно:

«Хорошая мысль. Дай мне знать когда. Хх»

Карен собиралась напечатать еще одно сообщение, ее большой палец уже завис над экраном, но тут она услышала, как в двери поворачивается ключ Майкла.

Глава 6

Элеонора

После ухода из кафе Элеонора чувствовала, как спокойствие и ощущение свободы вытекают из нее, физически покидают тело, будто вода, убегающая в сливное отверстие. Ей нужно заехать за Ноем к матери, затем вернуться в школу за Тоби, дальше последуют чай и мытье детей. Адам обычно возвращался домой таким измотанным, что не мог укладывать мальчишек, так что ей предстоит еще и это. Присесть она сможет не раньше половины девятого, весь вечер она проторчит перед экраном видеоняни, и в конце концов заползет в постель, чтобы урвать свои три часа сна перед очередным пробуждением Ноя.

Она ехала в машине и думала про Би и Карен, размышляя, чем те будут заниматься вечером. Поскольку Майкл уедет в командировку, Карен, вероятно, займется работой – напечатает свои заметки, выпишет направления, разберет счета, и все это она будет делать в комфорте – сидя на собственном диване, с бокалом вина под рукой и включенным телевизором, пусть по нему и будет идти какой-то дрянной фильм. Би проведет вечер в спортзале, заглянет к ней, взбудоражив своим присутствием детей перед сном, хоть и обещала, что заскочит не поздно. Затем забежит домой переодеться и, несомненно, отправится куда-то с коллегами по работе. Она будет пить и веселиться допоздна, а потом со спокойной совестью заберется в кровать, зная, что завтра суббота и она может спать до обеда, на который отправится вместе с Карен или еще с кем-то из своих подруг.

Элеонору ждал совсем другой вечер. Если Ной быстро заснет, она сделает несколько звонков по поводу вечеринки-сюрприза, которую они с Би организовывали, чтобы через шесть недель отпраздновать день рождения Карен. Еще ей нужно составить список украшений для ВИП-зала в ресторане, который она забронировала – она пока так и не решила, будет ли вечеринка тематической. Как-то после обеда они с Би гуляли по городу до самого вечера и рассматривали витрины в поисках идей – это было несколько месяцев назад, когда подруги только начали планировать вечеринку, – тогда они решили, что в оформлении не будет ничего розового. Еще у Тоби завтра футбол в десять утра,

поэтому вместе с ним и Ноем они отправятся на футбольное поле, пока Адам будет на работе. Затем пообедают с мамами других детей из школы, а вечером ее ждала еда навынос и какой-нибудь фильм. Вот такая гламурная жизнь.

Она часто пыталась напомнить себе, что именно такую жизнь и хотела, – ведь детство мальчишек не будет длиться вечно, и она начнет скучать по всему этому, когда они вырастут, а она наконец сможет делать все, что хочет. Хотя Элеонора не сомневалась, что к тому времени за последние десять лет жизни она уже так вымотается, что ей не захочется наряжаться и ходить по ночным клубам. А туда вообще пускают людей после сорока? Может, там есть специальные залы для людей за тридцать, которые последние годы провели, заблеванные своими детьми? Когда подрастет Ной, Тоби уже исполнится восемнадцать. У Элеоноры выступил холодный пот при мысли, что она может с ним столкнуться в ночном клубе.

Зазвонил телефон, и на экране замигало имя – Адам.

– Привет, дорогой, – закричала она, включив громкую связь, чтобы спокойно вести машину.

– Привет. Как ты?

– Хорошо, спасибо. Что случилось?

Не то чтобы Адам теперь не звонил ей в течение дня, но для этого всегда имелась какая-то причина, которая обычно означала увеличение ее списка дел. *Ты можешь за мной заехать? Просто забери меня… Ты можешь отправить вот это? Просто зайди на почту…* Слово «просто» стало неприличным у них дома.

– Все в порядке, только на работе сумасшедший дом. Я звоню предупредить, что вернусь позже. Получил дополнительный заказ. Много всего навалилось, и мне нужно заскочить к еще одному клиенту перед тем, как я смогу закончить на сегодня.

При этих словах Элеонора немного расстроилась. Она завидовала Адаму, тому, что тот мог позволить себе «получить дополнительный заказ», зная, что она дома и со всем разберется. С едой, домом, детьми. Он ни о чем не волновался. А она именно так представляла свою жизнь, когда с ним познакомилась? Тяжелая и скучная домашняя работа и есть ее единственная награда за то, что Элеонора взвалила на себя Адама и его полуторагодовалого сына?

Конечно, на самом деле она думала совсем по-другому. Тоби она считала своим собственным сыном. Элеонора растила его уже семь лет, он называл ее мамой и не подозревал, что на самом деле она ему не родная мать. Хотя, насколько она знала, ее подруги считали, что им с Адамом следовало рассказать Тоби про биологическую мать. По правде говоря, для Элеоноры была невыносима мысль о том, что их безупречная семья станет менее идеальной. Она не хотела, чтобы Тоби кричал «Ты не моя настоящая мать» во время споров или отправился искать донора яйцеклетки, которая смела называть себя его биологической матерью. Ненормально делать выбор в пользу выпивки и наркотиков, а не своих детей. Та женщина не заслуживала права висеть тенью над их жизнями. И все же она висела, потому что глубоко внутри Элеонора знала: она поступает ужасно, скрывая от Тоби его происхождение. Она знала, что это эгоистично и гнусно, но оправдывалась, говоря себе и всем, кто ее слушал, что поступает так ради его же блага. Какому ребенку хочется знать, что мать бросила его еще до того, как он смог сказать ей, как любит ее и как нуждается в ней? Тоби это не требовалось; им всем было не нужно становиться проблемной семьей.

– Хорошо, дорогой, я все сделаю. – Элеонора попыталась не вздохнуть, но у нее это не очень получилось. Однако если Адам и обратил внимание, то ничего не сказал.

– Спасибо, любимая. – В его голосе слышалось облегчение: прямо сейчас не будет никакой ссоры. И даже если потом она впадет в ярость, он обнимет ее, поцелует и скажет, как ему жаль, что так получилось, – и она успокоится. Она терпеть не могла растягивать ссоры, и Адам об этом знал. – Ты у меня звезда. – Да, такой она и была, Элеонора-звезда, Элеонора-супермама. Элеонора – эгоистичная лживая актриса.

*** * ***

– Привет, бабушка! – Стоило Элеоноре войти в дом своей матери, как Ной начал радостно бить ножками по воздуху. – Как он себя вел?

– Замечательно! Просто золотко!

Элеонора подхватила малыша на руки и поняла, как рукам не хватало этого груза.

Только ее мама встала, чтобы поставить чайник, как у Элеоноры зазвонил мобильный телефон.

Чей-то личный номер.

– Кто-то забыл установить защиту персональных данных? – тихо произнесла она, обращаясь к Ною, и сбросила вызов. Через несколько секунд этот же абонент позвонил снова. – Алло!

– Миссис Уитни? Это Джорджия Фентон из школы Тоби.

У нее внутри все сжалось. *«Боже, что случилось?»*

– Что случилось? – спросила она вслух. – С Тоби все в порядке?

– Да, с Тоби все прекрасно, не беспокойтесь. – Секретарь школы, как и всегда, говорила спокойным голосом. Она могла сообщить по телефону, что у Тоби отвалилась нога, и ее голос все равно звучал бы ровно, без малейшего намека на панику. – Просто сегодня последний день четверти, и все дети уходят раньше обычного, но никто не приехал за Тоби. Неделю назад мы отправляли информационное письмо.

Проклятье! Как она его пропустила? Она всегда проверяла школьный рюкзак Тоби по вечерам, после того как он отправится спать. Ну, может, не каждый вечер, но точно последние две недели.

– О боже! Простите, я не знала. Я прямо сейчас за ним приеду.

– Отлично, спасибо. Никаких проблем – кто-нибудь посидит с ним, пока мы вас ждем. Просто через десять минут у нас начинается собрание, которое всегда проводится по окончании четверти…

«А ты, бесполезная мать, создаешь нам неудобства».

– Простите. Я приеду так быстро, как только смогу.

* * *

У нее ушло десять минут только на то, чтобы собрать вещи Ноя и отнести их и самого ребенка в машину. Спустя полчаса после звонка она приехала в школу, запыхавшаяся и растрепанная. Тоби сидел в кабинете секретаря с таким видом, словно его все достало.

– Простите, – повторила Элеонора, обращаясь одновременно и к секретарю, и к сыну. – С тобой все в порядке, чел?

Он гневно посмотрел на нее.

– Все уже давным-давно разъехались.

– Прости, дружок, мне на самом деле очень жаль. Я не знала. – Она посмотрела на миссис Фентон, которая, в отличие от Тоби, старалась скрыть свое раздражение. – Мне очень жаль, что вы не смогли пойти на собрание.

– Все в порядке, миссис Уитни, на самом деле. Я понимаю, сейчас у вас забот полон рот. – Она многозначительно посмотрела на автолюльку, в которой Ной издавал радостные звуки, увидев брата.

– Да, на самом деле. Это больше не повторится. Обычно я не такая неорганизованная. Я имею в виду, что живу по распорядку…

Эти слова казались жалкими даже ей самой. Джорджия Фентон могла ей и не поверить, но она не обманывала. У нее был четкий план по ведению хозяйства, которому она неукоснительно следовала, она обещала себе, что новый ребенок этого не изменит. Она не из тех, кто позволяет всему развалиться.

– Даже лучшие планы мышей и людей…[8] – Миссис Фентон проводила их до дверей.

* * *

– Было так стыдно! – Тоби гневно смотрел на нее с той самой минуты, как она забрала его из школы, и взгляд его не смягчался. По пути домой они молчали, а как только она открыла входную дверь, он выступил со своим заявлением: – Готов поспорить, про *него* ты бы не забыла! – Он бросил убийственный взгляд на автолюльку, где теперь тихо спал Ной.

– Тоби, прекрати, не забывай…

Но продолжать было бессмысленно. Он уже взбежал по лестнице наверх и захлопнул за собой дверь спальни.

Глава 7

Сейчас

Что случилось с информационным письмом?

Каким информационным письмом? Из школы Тоби? Я выкинула его.

Вы бросили его в мусорное ведро? Дома или на работе?

Думаю, что дома. А какая разница? Это было просто информационное письмо. Приезжайте в нашу лесную школу и так далее. Я даже не прочитала его полностью.

Вы знали, что оно из школы Тоби?

Конечно. Он ходит в ту же школу, в которой учились мы.

Как, по вашему мнению, информационное письмо попало к вам в сумку?

Я подумала, что Элеонора опустила его туда во время обеда.

Оно лежало сверху?

Нет.

А что вы теперь думаете о том, как к вам в сумку попало письмо?

Я знаю, что вы хотите от меня услышать. Что *она* положила его туда. Что она планировала все это задолго до того, как мы вообще узнали о ее существовании. Вы правы: это, должно быть, сделала она.

Вы не собираетесь ничего говорить?

Глава 8

Одержимость. Она начинается так же медленно, как поезд, выходящий со станции, набирает скорость. Вот вы видите дома и деревья вокруг, в деталях можете рассмотреть людей в окнах и темно-зеленые тракторы на светло-зеленых полях. Затем скорость начинает увеличиваться, дома вы все еще видите, но людей в окнах больше не можете рассмотреть. Цвета расплываются, темно-зеленый сливается со светло-зеленым, и вы понимаете, что если прямо сейчас не выберетесь, то слетите с рельсов.

По крайней мере, со мной все происходило именно так. Я годами наблюдала за ними и ни разу не видела, чтобы поезд набирал скорость, не замечала, что цвета вокруг меня начинают сливаться, пока не стало слишком поздно. Я смотрела, как они общаются друг с другом, делятся мыслями, даже в пять лет, – и я тоже хотела так, я этого страстно желала. Я молилась о том, чтобы когда-нибудь наступил день, когда я стану им нужна так, как они нужны друг другу.

Они становились ближе по мере взросления – не как другие девочки, которых я изучала, те легко переставали дружить из-за мальчиков или смены интересов. Эти же были как сестры – даже ближе, потому что они сами выбрали друг друга.

Если вы попросите меня назвать момент, когда все стало по-другому, я отвечу вам, что это невозможно. Целая череда событий изменила ход наших жизней. Их называют развилкой. Если бы я решила заранее подготовить письма перед тем, как в тот день зайти на почту; если бы я не забыла забрать пакет с конвертами из ящика кухонного стола, из-за чего мне пришлось взять дюжину конвертов из шкафа с канцелярскими принадлежностями на работе; если бы крысиное семейство именно на той неделе не прогрызло электрические провода в местном почтовом отделении, из-за чего я поехала в город, все сложилось бы иначе для четырех женщин.

Я торопилась. Я должна была выполнить в тот день то, что наметила, – план четко отпечатался у меня в сознании, я не могла отступить. Я уже отстала от графика из-за нетипичной для меня неорганизованности, и у меня не было времени где-то околачиваться и заниматься глупостями. Я не собиралась отвлекаться на книги на

полках в WHSmith[9] или на канцелярские принадлежности, стратегически выложенные на входе почтового отделения внутри книжного магазина. Я так нацелилась все успеть в обеденный перерыв, что чуть не пропустила их, вероятно, и не увидела бы, если бы Би именно в этот момент не издала пронзительный смех – такой смех, который я услышала бы и на концерте Джастина Бибера. И в то мгновение я почти почувствовала трепыхание крыльев бабочки, которое приведет к цунами в нашей жизни.

Я замерла на месте, у меня перехватило дыхание.

Они прошли мимо входа в почтовое отделение, в тот день они были только вдвоем. Элеонора находилась на последних сроках беременности и настаивала на поездке в лифте, ее рука лежала на животе, чтобы подчеркнуть, как ей тяжело. Би потакала ее капризам, хотя я не сомневалась, что внутри она стонала из-за театральщины, устроенной подругой.

Я быстро отвернулась от них и чуть не врезалась в женщину, которая стояла за мной в очереди. Я пробормотала извинения или, возможно, слова только сформировались у меня в голове, но потерялись там, не дойдя до губ. К моим щекам прилила кровь, я сунула письма назад в сумку и бросилась к лестнице, не зная еще, что планирую сделать, когда доберусь до верха и увижу, как они выходят из лифта.

По правде говоря, я не сделала ничего, просто наблюдала за ними, прячась за стойкой с яркими поздравительными открытками ко дню рождения. Они в это время взялись за руки, словно беззаботные пятнадцатилетние девочки, а не женщины за тридцать, и ушли из магазина, атмосфера в котором, казалось, стала радостнее от одного их присутствия.

К тому времени, когда я вышла на свежий воздух, на главную улицу, кровь перестала громко стучать в висках и пульс стал более ровным, шея перестала гореть, а ноги больше не тряслись. Я прижалась спиной к холодной каменной стене и постаралась успокоиться, дать всем моим органам чувств вернуться в нормальное состояние. Я позволила глазам на секунду закрыться, пока приходила в себя.

Может показаться нелогичным, что эта мелочь потрясла меня до такой степени. Подумаешь, увидела их там, где не ожидала. Мое

чувство было сродни тому, которое возникает у ученика, когда он видит своего учителя в обычной одежде и осознает, что тот не перестает существовать, когда ты выходишь из класса, его жизнь продолжается, даже если ты не смотришь на него, не сводя глаз. Я не была готова. Я даже не знала, что у Би выходной, – а я думала, что все о них знаю. Очевидно, что я должна была смотреть внимательнее. Я допустила грубую ошибку, и вот что из этого вышло.

Мой выбор. Могла ли я в тот момент вернуться домой с наспех засунутыми в сумку письмами и дальше вести обычную жизнь, замазав последние десять минут, словно уродливые граффити на стене краской пастельного оттенка? Если бы я так поступила, кто знает, как все сложилось бы? Насколько по-другому все было бы? На протяжении последующих недель одержимость медленно, словно из капельницы, поступала мне в кровь. Но если бы я сделала другой выбор, смогла бы она затуманить мне сознание, как героин?

После этого я бесцельно бродила по городу, мое поведение нельзя было объяснить, но мысль о том, что я снова их увижу, приводила меня в ужас точно так же, как и мысль о том, что могу и не увидеть. Когда я их заметила – конечно, это было неизбежно в таком маленьком городке, – я с облегчением осознала, что моя физическая реакция оказалась слабее, чем в первый раз. Понимаете? Одержимость еще не захватила меня полностью; я все еще себя контролировала.

На этот раз я жадно следила за довольными подругами, которые беспечно прогуливались по торговому центру. Я словно видела их в первый раз, а не в миллионный. На Би были дизайнерские туфли на высоких каблуках, и она сжимала сумочку так, словно это была наградная статуэтка от американской Академии кинематографических искусств. Она шла немного впереди Элеоноры, словно готовясь защищать еще не родившегося ребенка ценой собственной жизни. Сама Элеонора держала руку на животе и выглядела стильно даже в одежде для беременных.

Теперь моя реакция была гораздо более сдержанной. Конечно, мое сердце забилось немного быстрее, и я заметила, как жарко в торговом центре, но меня не стошнило, я не лишилась чувств, ничего такого драматичного не случилось. Затем я увидела, как они заходят в кафе пообедать. Я сама собиралась купить сандвич в «Уилкос» в оставшееся от моего обеденного перерыва время, но кафе на противоположной

стороне улицы показалось мне милым, и я решила, что заслужила нормальный обед. Только и всего, ничего такого. *Кап-кап.*

Что плохого случится, если я просто незаметно понаблюдаю за ними? За долгие годы я в совершенстве овладела этим навыком.

Конечно, я думала о них по пути домой, но только потому, что недавно их видела – нельзя сказать, что они всегда маячили на переднем плане в моем сознании. У меня была собственная жизнь. Сейчас в это трудно поверить, я не всегда думала исключительно о том, где они находятся и чем занимаются. Би заказала бокал вина к обеду, смеясь над разочарованием на лице подруги, вынужденной воздерживаться. Ясно, что я не могла слышать их разговор, но когда они смеялись, я представляла, как они обсуждают, что Карен – всегда самая разумная в их компании – не одобрила бы вино в рабочий день. Может, Би вообще не собиралась возвращаться на работу – почему бы еще ей пить среди недели? Я представляла, что говорят они негромко, но все равно не дают нормально общаться всем остальным в кафе, заглушая их. Я обратила внимание, что они даже не проверили, смотрит ли кто-то на них осуждающе, когда они смеялись или когда Би случайно смахнула на пол бесплатные картофельные чипсы от заведения.

Я все еще думала про громкий смех Элеоноры, когда у меня зазвонил телефон. Звонили с работы и просили принести кексы, чтобы поднять всем настроение, и я переключилась на другие занятия, причем так быстро, словно я никогда не видела подруг.

Глава 9

Элеонора

Шкафы ломились от продуктов, которые, конечно же, успеют испортиться раньше, чем у Элеоноры дойдут руки до кулинарных шедевров из ее планов «на ближайшее время». Все видимые поверхности были протерты детскими салфетками. Элеонора вздохнула и включила чайник. Она вычеркнула два пункта из бесконечного списка дел, приколотого к доске для записок в кухне, и внесла в него еще три, когда ее мобильный телефон заиграл песню All About That Bass в одной из комнат.

– Привет, – ответила она на звонок Би, придерживая аппарат подбородком. – Вчера я хотела сказать, что мы на днях неплохо сэкономили. А теперь я догадываюсь, что ты забыла забронировать ресторан?

– Ага, – вздохнула Би. – Он уже занят в тот день, когда мы хотели. Нам придется заново рассылать эти чертовы приглашения, а я знаю, сколько времени ты на них потратила. Прости, Элеонора. Меняем дату или место?

– Ни то, ни другое. – Элеонора улыбнулась и только потом поняла, что Би не видит ее самодовольное выражение лица. – Я забронировала его несколько месяцев назад, когда мы впервые заговорили про день рождения. До того, как у меня мозги отключились из-за ребенка.

Элеонора ногой отодвинула в сторону железного человека, чтобы собрать разбросанные утром пижамы. Она молча перебирала груду одежды, решая, что можно еще поносить перед тем, как отправить в постоянно растущую кучу грязной одежды. Штаны – стирать. Носки – стирать. Верх пижамы – никаких видимых пятен… Она поднесла его к лицу и понюхала. Стирать.

– Ты знала, что я забуду?

Сунув под мышку приготовленные в стирку вещи, Элеонора взяла с обеденного стола пачку бумаг Адама. Она бегло просмотрела их, решила, что не понимает, что это за документы и не знает, куда их деть, поэтому вернула их туда, где они лежали. Как, черт побери, ей поддерживать порядок в этом доме, если всем остальным так нужен бардак? Может, стоит завести для мужа таблицу поощрений? Такая

таблица очень помогла бы, когда Тоби вел себя словно четырехлетний ребенок. С другой стороны, Тоби тогда на самом деле было четыре года.

– Я… ну, я подозревала.

– Ты вполне могла бы напомнить мне, и я тогда не забыла бы сама это сделать, – проворчала Би.

– Так было бы неинтересно. Мы получили много ответов на приглашения?

– Мне нужно проверить мои таблицы, – ответила Би.

– Ты имеешь в виду салфетки, на которых ты писала планы? – Она почувствовала, как подруга съеживается.

– Значит, ты это видела?

– Би, серьезно, ты целыми днями занимаешься организацией жизни других людей, а тут всего лишь одна вечеринка! И у тебя все или на салфетках, или на стикерах. Я разослала приглашения в прошлый понедельник. Мы уже должны были получить ответы.

Элеонора виновато взглянула на часы. Если она в ближайшее время не начнет делать с Ноем упражнения, то обед отложится и собьется режим на весь остаток дня.

– Я составлю для тебя список, хорошо? – спросила Би и, не дав Элеоноре шанса ответить, продолжила: – Чем ты сегодня занималась?

Би произнесла эти слова так, будто хотела сменить тему, это был символический вопрос, и она знала, что Элеонора ответит коротко и по делу.

– О, все то же самое, – ответила Элеонора, ненавидя себя за то, что даже не попыталась что-нибудь придумать. – Утром мы ходили за продуктами, а после обеда будем читать вслух и печь капкейки.

– Здорово! Оставь один для меня.

– Если пищевым отравлением тебя не испугать, то мы оставим тебе один и даже подпишем его.

Би рассмеялась.

– Ты думала о том, что мы обсуждали на днях за обедом?

– На самом деле нет.

По правде говоря, она почти ни о чем другом и не думала. Сама идея о том, чтобы вновь взяться за какое-то дело всерьез, зажгла в ней искру. Такого воодушевления она не испытывала ни разу после рождения Ноя. Мысль о том, что она будет чем-то заниматься только

для себя, вдохновляла. Она упомянула об этом в разговоре с Адамом, но он отреагировал, как всегда, без энтузиазма. «Тебе что, мало дома и детей?» – спросил он, бросая пренебрежительный взгляд на тарелки, которые все еще стояли горой в раковине после ужина. И на этом разговор закончился.

– Знаешь, тебе следует чем-то заняться. Тебе пойдет на пользу, если для разнообразия ты не будешь стараться для всех остальных.

– Чем-нибудь займусь, – обещала Элеонора. – Я совершенно точно об этом подумаю.

Она повесила трубку и обвела глазами комнату, думая о том, сколько всего ей нужно успеть сделать перед возвращением Тоби от бабушки. Нужно было почитать Ною вслух, дать ему полежать на животике, как подобает младенцу, и еще столько всего, что должна делать Хорошая Мать. От одной мысли о том, что ей предстоит провести еще шесть часов, не разговаривая ни с кем из взрослых людей, ей хотелось кричать. Элеонора достала Ноя из кресла-качалки и положила на специальный развивающий коврик с хитроумным приспособлением, при виде которого Адам не переставал качать головой. Она окружила ребенка яркими развивающими игрушками. Ной счастливо дрыгал ножками, а Элеонора чувствовала себя полным дерьмом, когда снова включила чайник, достала ноутбук и напечатала в поисковике: «Как начать свое дело, работая из дома» в одном окне, и «помощницы по хозяйству в Саут-Йоркшире» в другом.

Глава 10

Карен

Карен ускорила шаг, умело пробираясь сквозь толпу. Вот вам и приходящая в упадок главная улица. Ей следует чаще опаздывать: ее невезение вполне может спасти от разорения некоторые из магазинов на этой улице.

Неорганизованность была нехарактерна для Карен. В одну из таких нетипичных для нее минут она вышла из дома утром, не прихватив с собой обед, и вспомнила о том, что еда осталась в холодильнике, только когда желудок застонал, требуя обеденного перерыва. Она была не против отправиться в город и что-то там купить – так она могла вырваться из офиса и проверить, выставлены ли еще те кожаные ботиночки высотой до середины икры, на которые она заглядывалась уже несколько недель.

Удобнее всего было срезать путь через торговый центр, и, проходя мимо магазина «Пандора», расположенного у входа, она невольно бросила взгляд на отражение в витрине, чтобы проверить прическу. Этот жест можно было бы объяснить тщеславием или неуверенностью в себе.

Еще немного, и она могла бы упустить их. Может, если бы в торговом центре было меньше народа и из-за толпы не пришлось бы прижаться к дверям ближе, чем обычно, или если бы сам магазин не был почти пуст, она бы их вообще не заметила. Но он повернулся как раз в ту секунду, когда она проходила мимо входа в магазин, это движение привлекло ее внимание к его фирменной подростковой стрижке, которая уже начинала странно смотреться на мужчине старше тридцати лет. Он положил ладонь на руку стоявшей рядом девушки, которая была значительно моложе его. Карен обернулась – теперь магазин почти полностью находился у нее за спиной, – и тут она увидела, как девушка улыбается. Это была та же улыбка, которую Карен видела всего несколько дней назад, когда та же самая девушка сидела напротив нее и рассказывала про своего женатого любовника.

Джессика и Адам. Ее пациентка и муж ее лучшей подруги.

* * *

Когда Карен вернулась на работу, в приемной было тихо, только Молли стучала по клавиатуре. Она подняла голову и улыбнулась, увидев Карен.

– Хорошо пообедала? – спросила она, и, заметив серый цвет лица Карен, уточнила: – Все в порядке?

– Все хорошо, Молли, спасибо. Сандвич съела.

Она слишком поздно поняла, что секретарша спрашивала не об этом, а из-за своего вранья она могла показаться рассеянной. Увидев Джессику и Адама вместе, Карен сразу же вернулась в офис, совершенно забыв поесть. У нее в голове будто стреляли вопросами из артиллерийских орудий.

«Адам и есть ее женатый любовник? Она знала, что мы лучшие подруги? Именно поэтому она меня и выбрала? И что мне теперь делать, черт побери?»

– Ты можешь меня ни с кем не соединять в течение часа?

– Конечно.

Она с трудом попала ключом в замок на двери кабинета, съеживаясь при мысли о том, какой всклокоченной она, вероятно, выглядит. Зайдя в кабинет, Карен почувствовала, что расслабляется – здесь на нее никто не смотрел. Никто из тех, при ком она должна вести себя как профессионал.

Карен опустилась на бежевый плюшевый ковер, прислонилась спиной к нижней части дивана, закрыла глаза и сделала глубокий вдох через нос, считая до восьми. Затем она выдохнула воздух через рот так медленно, как только могла, представляя, что паника, словно нечто осязаемое, выходит из нее вместе с воздухом и уплывает прочь. Она еще два раза повторила это упражнение и почувствовала, что расслабляется, а ее мысли выстраиваются в список у нее в голове. Карен любила списки: они удобны и все приводят в порядок. Они помогали ей держать все под контролем. Как кто-то способен идти по жизни без расписанных по пунктам задач, которые их направляют? Этого она никогда не могла понять.

Первым пунктом в ее списке стоял вопрос: она точно видела в магазине Джессику Гамильтон? Насчет Адама она не сомневалась: она

знала его дольше, чем Майкла, и даже помнила пиджак, в котором он был сегодня днем, – Элеонора купила его, когда Карен вместе с ней ходила по магазинам. Вопрос с Джессикой казался сложнее. Она встречалась с ней всего один раз и в другой обстановке. Может ли Карен с уверенностью утверждать, что это была она? Она представила одежду девушки: на той был макинтош верблюжьего цвета с завязанным на талии поясом. Карен его не помнила, на самом деле после их первого сеанса у нее с пациенткой ассоциировались только серый и черный цвета. Конечно, это ничего не значило. Не все постоянно носят один и тот же плащ. У Би, например, их сотни.

Карен попыталась представить лицо Джессики, но у нее получались только отдельные черты: тусклые голубые глаза, шапка кудрявых волос. У девушки, сопровождавшей Адама, определенно были не такие, а гладкие и уложенные, и макияж на лице. Карен отдавала себе отчет в том, что видела ее только пару секунд, но у нее сложилось впечатление, что девушка из магазина гораздо увереннее в себе, чем та, которая пришла к ней на терапию. Тем не менее ее первая интуитивная реакция подсказывала, что она увидела Джессику, – с какой еще стати ее имени приходить Карен на ум? В спутнице Адама было что-то, заставившее Карен мгновенно опознать ее как девушку, которая сидела у нее в кабинете всего несколько дней назад. Но несмотря на все свои усилия, она так и не смогла определить, что именно.

Если предположить, что Карен ошиблась и девушка в магазине не была ее пациенткой, то могла ли Карен ошибиться и насчет того, что видела их вместе? Адам определенно положил ладонь на руку девушки, но можно ли найти для этого невинное объяснение? Может, он хотел пройти мимо, отстраняя ее?

Нет, первая инстинктивная мысль Карен была правильной. С Джессикой Гамильтон или нет, но этот лживый ублюдок изменяет ее лучшей подруге, и теперь Карен предстояло решить, что с этим делать.

Глава 11

Би

– Мам! Оно везде!

Фрэн бросила сыну влажную губку для посуды.

– Убери то, что можешь, а я подотру остальное, когда вы все отправитесь спать.

Она прошла через кухню, чтобы подсесть за стол к сестре, и поставила чашки с кофе, отодвинув в сторону кучу бумаг – итоговую домашнюю работу за полугодие ее сына.

– Не знаю, как ты справляешься, – качая головой, призналась Би. – Я просто смотрю на все это и уже устала.

– Как я справляюсь с детьми? – улыбнулась Фрэн. – Секрет в том, что нужно прекратить беспокоиться о вещах, которые на самом деле не являются важными. На моих столах никогда не видны отпечатки пальцев? Видны. В углу холодильника стоит пустой пакет из-под молока? Вероятно. Мы два раза на этой неделе ели бутерброды с рыбными палочками на полдник? Точно, ели. Но на детях чистая одежда, они накормлены и напоены. Я научилась не особо беспокоиться об остальном. У меня будет идеальный дом после того, как они съедут. – Она фыркнула. – Если вообще съедут.

– Предполагаю, что Элеонора могла бы многому у тебя научиться.

Би всегда завидовала простому подходу Фрэн к жизни. Ее сестру никогда не беспокоило, что на ней немодная одежда или что она не находится на самом верху служебной лестницы. Ей всегда хотелось только получать удовольствие от общения со своей семьей и быть счастливой. В результате, похоже, она такой и была. Би совсем необязательно хотела такую же жизнь, как у сестры, но было бы неплохо испытывать удовлетворение от своей собственной.

Фрэн фыркнула.

– Только не говори это в присутствии Карен, хорошо?

Би вопросительно приподняла брови.

– Что это значит?

– Ничего. Просто едва ли можно сказать, что она мне симпатизирует. То есть я хочу сказать, что она всегда больше считала твоей сестрой себя, а не меня.

– Неправда! – слишком быстро ответила Би. – Карен тебя любит, просто иногда она немного перегибает палку. Наверное, у всех психиатров так. – Би задумалась, не покажутся ли Фрэн ее слова такими же неестественными, какими кажутся ей самой. Но если Фрэн и заметила это, то ничего не сказала.

– Да, предполагаю, что у нее своих проблем хватает.

– Каких проблем? – удивленно спросила Би.

Из гостиной послышался сильный грохот, затем два голоса практически в унисон закричали:

– Мама!

– О, проклятье! Подожди здесь. Мне лучше туда сходить и посмотреть. что происходит.

Фрэн исчезла, Би осталась сидеть на месте, глядя в свой кофе и гадая, с какими же проблемами, по мнению ее сестры, приходится разбираться Карен. Минуту спустя сестра вернулась и начала рыться в шкафчике под раковиной.

– Прости, Би, они там такое устроили… Свалили чертов приставной столик. Мне теперь весь вечер предстоит оттирать молоко от дивана, или он будет вонять как сточная канава.

– Нет проблем. – Би допила остатки кофе и поставила чашку в раковину. – Я ухожу. Лучше я буду смотреть, как сохнут мои ногти, чем на твою уборку.

– Какая ты добрая. – Фрэн сморщила нос.

– А зачем еще нужны сестры?

Глава 12

Карен

Вечером Майкл вернулся домой, размахивая букетом цветов словно мечом. Они поговорили о работе, и Карен рассказала ему столько о случаях из практики, сколько могла, не нарушив свой почти монашеский обет молчания. Она три раза чуть не сорвалась и не рассказала ему про Адама с таинственной женщиной, но каждый раз решала, что лучше этого не делать. Майкл выглядел изможденным: цвет лица стал землистым, и он осушил бокал вина, который Карен налила ему к ужину, еще до того, как она успела накрыть на стол. Последнее, о чем он хотел говорить, – это ее подруги и их семейные проблемы.

– Трудные выходные? – спросила Карен, положила руки ему на плечи и начала разминать напряженные мышцы сквозь рубашку. Он кивнул, но ничего не сказал, только наклонил голову назад и почти коснулся лбом ее подбородка. Она потянулась вперед и нежно поцеловала его в лоб.

Майкл повернулся к ней и уткнулся лицом в ее живот. Она поцеловала его в макушку, затем наклонилась так, чтобы их лица оказались на одном уровне, и на этот раз крепко поцеловала его в губы. У них были именно такие отношения: они давали страсти смыть боль вместо того, чтобы все это проговаривать. Карен могла бы посмеяться над подобным, если бы это не выглядело так жалко – психиатр не способна заставить своего мужчину рассказать о его проблемах. Она видела ироничность ситуации, но давление на Майкла оттолкнуло бы его, а она слишком сильно по нему скучала, чтобы рискнуть сегодня вечером затеять спор.

Они отправились в спальню со своими проблемами, и там сбросили их с себя вместе с одеждой. Секс получился более грубым и быстрым, чем обычно. Наверное, это были не лучшие выходные.

К тому времени, как они добрались до еды, курица в духовке стала жесткой и суховатой, поэтому Майкл заказал еду навынос, оделся и отправился забирать заказ из своего любимого ресторанчика в нескольких милях[10] от города.

Пока его не было, Карен сварила себе кофе и опустилась на диван, чтобы почитать журнал – одну из этих реальных историй типа «моя мать увела у меня мужа», хотя всем клялась, что покупает такие журналы ради кроссвордов.

Первый этаж в доме Карен был оформлен в современном стиле – плавные линии, хромированные поверхности кухонной бытовой техники, но его едва ли можно было назвать уютным. Повсюду оставались заметные отпечатки пальцев, и оказалось кошмарно трудно найти шторы на нестандартные стеклянные двери во внутренний дворик, еще и потому, что она их никогда не закрывала.

Темнота за дверьми создавала впечатление, будто там ничего нет, словно мир начинался и заканчивался ее домом. На самом деле думать так было глупо, потому что ее окружали другие дома, просто они не стояли близко друг к другу, словно солдаты в шеренге. Когда тьма сгущалась, Карен чувствовала себя полностью отрезанной от всех остальных. Это была одна из главных причин, по которым она выбрала этот дом: может, тебя и окружают люди, но ты все равно сама по себе.

Стук в дверь черного хода на кухне заставил Карен оторваться от журнала, но совсем ненадолго. Он слишком быстро вернулся, явно что-то забыл. Она задумалась, почему Майкл был так напряжен, когда пришел домой. Они поругались? Жена узнала про Карен или заподозрила что-то? Карен предполагала, что Майкл не вернулся бы, если бы его жена узнала про нее. Разве что она вообще выгнала его.

Она погрузилась в мысли о конце семейной жизни Майкла и не сразу осознала, что он так и не вошел. Прошла целая минута. Он не мог забыть ключи. Он запер дверь за собой, и Карен слышала, как отъезжала его машина. Она потянулась к занавеске в гостиной и приоткрыла ее. Машины на подъездной дорожке не было.

– Давай быстрее, Майкл, я умираю с голоду, черт побери, – пробормотала она себе под нос, снова беря в руки журнал.

Опять шум, во второй раз – словно короткий порыв ветра с градом ударил в дверь. На этот раз Карен поднялась на ноги. Он бросила журнал на диван, пошла в кухню и выглянула в окно – там была кромешная темнота. Повозившись с ключами, она открыла кухонную дверь и уставилась в ночь. Нигде не было ни движения, ни звука. Уже собираясь закрыть дверь, она опустила взгляд вниз. У ступенек лежало несколько предметов: старые сапоги, которые она не носила много лет,

джемпер, ожерелье. Ее сердце забилось быстрее, когда она заметила открытку, которую Майкл прислал ей на день рождения год назад, и одну из своих губных помад. Как все эти вещи здесь оказались? Последний раз она видела их в своей спальне, сапоги – в стенном шкафу, а открытку – в коробке под кроватью.

Она подхватила все предметы и заперла за собой дверь, еще раз бросив взгляд во тьму. В саду стояла тишина; никакого хихиканья, которое могло бы выдать кого-то, или звука шагов, который означал бы, что это дело рук скучающих подростков.

Ее немного трясло, пока она раскладывала предметы на диване и проверяла, на самом ли деле Майкл запер за собой дверь. Он закрыл ее на ключ, но теперь Карен ее открыла и уставилась на пустую улицу, тускло освещенную эко-лампами, которыми муниципалитет заменил когда-то ярко светившие фонари. Кто подбросил эти вещи?

Она уже собиралась запереть входную дверь, но заметила листок бумаги, приклеенный скотчем к витражному стеклу. Карен оторвала листок, захлопнула дверь, повернула ключ в замке и включила свет в коридоре. Ее руки слегка дрожали, когда она разворачивала листок простой белой писчей бумаги, а затем уставилась на слова, написанные аккуратным слитным почерком.

«Я знаю, что вы делаете. Я знаю, что вы натворили».

* * *

– Ты уверена, что эти вещи находились в доме? Ты их не выбрасывала? Наверное, это дети копались в мусорных баках и попытались тебя испугать.

Вернувшись, Майкл застал Карен на диване, она сидела, уставившись на вещи, которые нашла у черного хода, письмо лежало на подушках рядом с ней.

– Я ничего из этого не выбрасывала. Они находились в доме, у меня в спальне. Кто-то здесь был, кто-то копался в моих вещах!

– Нам нужно позвонить в полицию. – Майкл взял в руки телефон. – Если ты уверена, что здесь кто-то был, то об этом следует сообщить.

– Нет, – быстро ответила Карен. Если приедет полиция, то начнет задавать вопросы. Они захотят знать, кто такой Майкл; они обвинят в случившемся его жену, вероятно, даже отправятся к ней. Все рухнет. Кроме того, Карен знала, чьих рук это дело, и ее любовник здесь был ни при чем, это имело отношение только к ней. Слова крутились у нее в голове, снова и снова: «Я ждала телефонного звонка или ее появления, ждала, что она заявится ко мне и скажет: “Я знаю, что вы делаете. Я знаю, что вы натворили”». Дело касалось другой любовницы. Это была Джессика.

Глава 13

Элеонора

– Вау, как тут все классно выглядит! То есть я не имею в виду, что тут обычно все не так, а… – Би не закончила предложение, а Элеонора улыбнулась и махнула рукой.

– Все в порядке. Я знаю, что с уборкой игрушек и всего барахла у меня в последнее время не особо получалось, но – барабанная дробь, будьте добры… – Она сделала паузу для большего эффекта, а Би в это время изобразила некое подобие барабанной дроби на стеклянном кофейном столике. – У меня есть помощница по хозяйству! И, пожалуйста, прекрати это, ты оставляешь отпечатки пальцев на моей чистой стеклянной столешнице.

– О-о-о, ты выиграла в лотерею?

– Это не так дорого, как можно подумать, – ответила Элеонора, вручая Би чашку с зеленым чаем и ставя кружку с кофе для Карен на подставку. Подумать только, она снова использует эти специальные подставки под кружки! Поразительно, как чистый дом вдохновлял ее теперь прилагать усилия, чтобы он таким же и оставался. Ведь закинуть несколько вещей в стиральную машину или сполоснуть тарелки после завтрака – это совсем не так тяжело, как возиться с горами белья и грязной посуды. – В любом случае я поменяла поставщика электроэнергии, отключила «Нетфликс» и отказалась от абонемента в спорткомплекс. О, не надо так на меня смотреть, Карен, я в любом случае туда не ходила. И за месяц мне удалось сэкономить шестьдесят фунтов стерлингов. Это почти полностью покрывает расходы на услуги помощницы – пару часов работы в неделю. Не поверите, сколько можно успеть, когда не нужно присматривать за детьми. Хотя вы-то обе как раз поверите. – Элеонора на мгновение задумалась, почему она считает нужным оправдываться за то, как тратит собственные деньги. – Она настоящая спасительница.

– И чем ты занимаешься в освободившееся время? – спросила Карен.

Элеоноре показалось или Карен на самом деле говорила немного более холодным тоном, чем раньше? Но ведь не станет человек,

который в любое время может делать все, что пожелает, завидовать ее нескольким свободным часам в неделю?

– Я… эм… – Что с ней такое? Она так отчаянно хотела рассказать подругам про свое новое дело, ведь именно они подталкивали ее к тому, чтобы заняться чем-то для себя. Так почему у нее внезапно возникло ощущение, будто ее язык застрял в горле? – Я воспользовалась *вашим* советом, – сказала она, делая особое ударение на слове «вашим», словно пыталась напомнить им, что это была их идея. – Пока Ной спал, а Лесли гладила, я составляла план. Наверное, лучше сказать: бизнес-план. Я думаю стать фрилансером.

Повисло молчание, и Элеонора поняла, почему так нервничала перед тем, как рассказать, чем она занималась после их прошлой встречи. Она почти ни о чем больше не думала после того, как эта мысль пустила корни у нее в голове и начала разрастаться как плющ, закрывая собой все, что еще на прошлой неделе казалось таким важным, но пока она еще никому и словом не обмолвилась. Она еще даже ничего не сказала Адаму после его пренебрежительных комментариев о том, что у нее и так полно дел. Может, у нее было бы не так много дел, если бы он хотя бы время от времени как-нибудь ей помогал. Она представляла, что он скажет: *«Если бы открыть свое дело было так просто, то это делали бы все. Да, у тебя на работе все очень хорошо получалось, но ты на самом деле думаешь, что у тебя достаточно знаний и навыков, чтобы запустить с нуля целый маркетинговый бизнес? И где ты предлагаешь нам найти деньги на твой стартап?»*

– Это фантастика! – По крайней мере, в словах Би звучал энтузиазм, несмотря на то, что она тут же потянулась к своему мобильному телефону, вероятно, чтобы проверить, чем занимаются более интересные люди. Карен странным образом молчала, и Элеонора не могла понять, что с ней сегодня не так.

– Что об этом думает Адам? – Когда ее подруга наконец заговорила, ее слова были окрашены необъяснимой враждебностью. – О жене-предпринимательнице и спасительнице – помощнице по хозяйству?

У Элеоноры перехватило горло, она отчаянно старалась, чтобы слова, которые ей хотелось произнести, не вылетели случайно у нее изо рта. «Что с тобой сегодня?»

– О, я пока при нем об этом не упоминала. Я хотела ему все рассказать во всех подробностях после того, как уже все спланирую. Вы же знаете, какой он: стакан наполовину пуст и все такое.

– Хотя ему должна прийтись по душе мысль о помощнице по хозяйству? – не унималась Карен. – Дом в безупречном состоянии, а у тебя есть возможность отдохнуть?

Элеонора бросила взгляд на Би, которым спрашивала: «Что с ней такое?» в надежде получить в ответ заговорщическое пожимание плечами или гримасу, которые бы подтвердили, что ей не привиделась внезапная перемена в отношении Карен. Но Би что-то печатала на своем мобильном, на губах играла полуулыбка, вызванная каким-то остроумным статусом, который она постила. Элеонора мгновенно испытала раздражение. Когда в обществе стало приемлемым сидеть у кого-то в гостях и при этом общаться с другими людьми в интернете? Как бы они отреагировали, если бы она сама сейчас достала книгу и принялась читать перед ними?

Конечно, она несправедлива; она точно так же себя ведет, когда мысленно находится в миллионах миль от реальности. Просто ей сейчас хотелось, чтобы Би бросилась на ее защиту, сказала Карен, чтобы та прекратила быть такой враждебной. Конечно, если ей не почудилась язвительность в тоне подруги.

– Я ему об этом тоже не рассказала, – ответила она, стараясь, чтобы ее голос звучал непринужденно. – Пусть думает, что я внезапно разгадала секрет, как стать богиней домашнего очага. Я скажу ему, когда буду готова. Например, после того, как получу приз за лучшее малое предприятие года или что-то в этом роде.

– Я могу тебе с чем-то помочь?

– Пока у меня еще только список из нескольких пунктов. Большую часть времени я потратила на поиск ответов по техническим аспектам – налогообложение, дизайн сайта, исследование рынка и подобные скучные вещи. Я решила, что не нужно пока увлекаться приятной частью – до тех пор, пока не буду уверена, что способна справиться с серьезными вопросами.

– Только убедись, что не взваливаешь на себя слишком много, – предупредила Карен, теперь ее голос больше походил на обычный.

– Пока я еще ничего на себя не взваливаю, – ответила Элеонора. – Просто очень хорошо снова чувствовать себя человеком. Благодаря

Лесли. На этой неделе мне даже нечего выставить на конкурс «Моя Чертова Пятница». Би?

– И мне на этой неделе нечего. Разве мы все не Поллианны[11] в какой-то степени?

* * *

На выходе из дома Элеоноры Би немного отстала и заговорила, когда Карен уже почти дошла до машины.

– Возьми. – Она вытащила из сумки большой упаковочный пакет и сунула его в руки Элеоноры. – Здесь конфетти и триста серебристых и сиреневых надувных шариков. В ресторане сказали, что под потолком можно натянуть сетку, а потом сбросить все это на нее, когда будем кричать «Сюрприз». Я понимаю, что триста – это многовато, но я не была уверена, сколько брать. Я поняла, что отвечаю фактически только за это, вот и взяла на себя смелость заказать фольгу с надписью «С днем рождения» и подстилку ей на стул в виде огромного полового члена.

Элеонора поморщилась.

– Ты шутишь? И ты еще удивляешься, что тебе поручено только одно задание? Если бы я оставила тебе всю организацию, то у нас получился бы пикник в карьере. А теперь иди, она странно на тебя смотрит.

– Хорошо. Какое будет мое следующее задание?

– Я прослежу за ответами на приглашения. У меня-то на самом деле есть таблицы, а не записки на салфетках. А ты разберись с мамой Карен. Не забудешь?

– Точно нет, – уверенно ответила Би. – Мама Карен. Пришли мне сообщение через недельку, чтобы напомнить, хорошо?

Глава 14

Я пыталась их забыть. Теперь может казаться, что это не так, но я никогда не хотела позволять им занимать мои мысли каждую минуту, пока я не сплю. Я много лет довольствовалась тем, что подслушивала и время от времени заглядывала на пять минут в «Фейсбук», чтобы просмотреть их фотографии, а потом возвращалась к обычной жизни. Теперь я понимаю, что это напоминало постепенное выкручивание болта – все больше и больше, пока он наконец не выпадет из отверстия и не высвободит голые эмоции, которые он удерживал.

Теперь я стала думать о них постоянно.

Поразительно, сколько всего люди размещают в социальных сетях. Я никогда не понимала необходимость сообщать всему миру, что они едят на обед, еще и фотографировать это, или писать «друзьям», которые не стали бы с ними разговаривать, если б увидели на улице. Хотя должна признать, что «Фейсбук», а еще в большей степени «Твиттер», где люди редко скрывают от посторонних свои страницы, могут оказаться весьма полезными, если вы хотите за кем-то проследить, и я была рада, что по крайней мере Элеонора и Би не заботились о своей безопасности.

Элеонора почти всегда держала свою страницу в «Фейсбуке» закрытой – можно было увидеть только странную статью о родительстве, которой она поделилась с миром, и фотографию в профиле, которую она постоянно меняла. Но на страничке Би было полно информации: откуда она родом, где работает, что ела на обед и сколько звезд она бы присвоила ресторану, в котором обедала. И ничего из этого не было скрыто от посторонних. Сплошные селфи: Би прихорашивается, надувает губки, позирует и смеется. Всегда смеется.

Мой взгляд остановился на статусе Би, я все еще вижу его на экране перед собой: «Планы сорвались, обед отменяется – что мне делать без #фудтраков и уличной еды? Соберу себя в кучу и пойду в спортзал #пожелайтемнеудачи #живойневыйду».

У меня не было абонемента в спортзал. Я всегда считала это пустой тратой денег, ведь можно для начала просто не есть как свинья. Это несложно. И конечно у меня был опыт голодания – не всегда по собственному выбору, но, по крайней мере, он научил меня, что

некоторые вещи существуют не только для удовольствия, например еда, а когда я стала старше, то в этом списке появился и секс. Некоторые вещи можно использовать для того, чтобы манипулировать другими и контролировать их.

Когда я была младше и моя мать еще со мной разговаривала, она сказала мне, что я должна всегда уделять особое внимание своей внешности. Мне хотелось посмеяться над ее словами. Это потому, что тебе, мама, так помог уход за собой, твой абонемент в тренажерный зал, мелированные волосы и покрашенные гель-лаком ногти? Ты думаешь, что накладные ногти скрывают боль в твоих глазах? Твой дорогой маникюр не дает твоим рукам трястись, когда ты наливаешь себе третий бокал красного вина? И как пропуск в спортзал согреет тебя? Но я воспользовалась ее советом, и он пошел мне на пользу. Люди по-другому на тебя реагируют, если ты прекрасно выглядишь и хорошо «упакована»: к тебе относятся с меньшим подозрением. Просто потому, что ты провела лишние полчаса, наводя марафет поверх маски, которую носишь каждый день, предполагается, что ты знаешь, что делаешь. Если ты презентабельно выглядишь, то, вероятно, с тобой все в порядке. Ты в какой-то степени можешь держать ситуацию под контролем.

И вот оно снова, это слово – «контроль». Один раз я выпустила ситуацию из-под контроля, и это стоило мне всего, что у меня есть. Я не допущу повторения. В эти дни все, что я делала, было связано с борьбой за власть, которая шла у меня в сознании. Я против них. И я знала, что выиграю. Я получу контроль, которого страстно желала; я уже чувствовала, как они его теряют.

Глава 15

Би

– Пропустим по стаканчику?

Иэн наклонился к Би, но она покачала головой.

– Нет, дружище. Я хочу спокойно отдохнуть в тишине.

Она собиралась домой и хотела почитать – она купила новую книгу, рекомендованную почти всеми блогерами, которых она уважала и мнению которых доверяла, и только ждала подходящего момента, чтобы углубиться в чтение. Она почувствовала легкое самодовольство от мысли о том, насколько лучше она будет себя чувствовать утром, чем ее коллеги, и вышла из офиса, не оборачиваясь. При этом она физически ощущала, какими взглядами украдкой обменивались ее друзья.

Когда она находилась в своей квартире одна, она чувствовала себя спокойно и в безопасности. Здесь, наедине с собой, не нужно было важничать и манерничать. Можно было просто переодеться во что-то удобное и свернуться на диване с книгой.

Надев мягкую пижаму и поставив вчерашнюю пиццу разогреваться в микроволновку, Би отправилась на поиски посылки из «Амазона» и нашла ее на полке в ванной, с которой она могла вот-вот свалиться. Би сама поставила ее туда в спешке вчера вечером. Она открыла посылку, вытащила книгу за корешок и нахмурилась при виде ярко-голубой обложки у себя в руках и названия «Сама напросилась».

Би была почти уверена, что она заказывала другую книгу, хотя и обложка, и название казались знакомыми. Может, это была импульсивная покупка, один клик – и все. После того, как она вступила в несколько книжных клубов в «Фейсбуке», она постоянно кликала по каким-то товарам на «Амазоне». Она повертела книгу в руках и начала читать краткую аннотацию на обороте обложки.

Она едва ли заметила, как книга выпала у нее из рук. Мысли забегали во все стороны сразу так, что Би почувствовала головокружение и тошноту. Узор на серо-белом линолеуме полетел ей навстречу, и она едва успела ухватиться за край ванны, осознав, что это не пол летит к ней, а она падает на него.

В помещении было слишком жарко, а музыка звучала слишком громко. Густой дым напоминал туман над головами тех, кто пришел на вечеринку, от его запаха и привкуса ее подташнивало. Чтобы не расплескать свой коктейль, Би так сильно сжимала седьмой – или уже восьмой? – стакан, что костяшки ее пальцев побелели. Ей нужно было сесть, но все грязные диванчики для студентов были заняты людьми, оживленно обсуждавшими темы, о которых не имели ни малейшего представления. Она не могла и подумать о том, чтобы протиснуться к свободному подлокотнику и притворяться, что не так пьяна, как была на самом деле. Люди заняли все места до последнего: кто-то раскачивался под музыку в центре зала, пары обнимались у дверных косяков, их лица сливались, когда они засовывали языки друг другу в рот так, словно это были инопланетные зонды, ищущие смысл жизни, словно само их существование этим вечером зависело друг от друга.

Нижняя ступенька оказалась свободной, Би опустилась на грязные серые плитки и приложила голову к прохладным деревянным перилам. Она боролась со сном, изо всех сил стараясь не закрыть глаза, не заснуть и не опозориться, если слюни потекут у нее по подбородку, но веки были таким тяжелыми, что ей приходилось постоянно моргать, чтобы они автоматически не закрылись. Если бы только в помещении на секунду воцарилась тишина, если бы только Би могла подняться на ноги и выйти на улицу, чтобы вдохнуть свежего воздуха, она точно почувствовала бы себя лучше, не такой зажатой, и не страдала бы от клаустрофобии. Но независимо от того, какие сигналы ее мозг отправлял ногам, они, казалось, решили игнорировать их, и она оставалась там, где сидела. Ее лицо зудело от большого количества макияжа, который она наложила перед тем, как отправиться на вечеринку с подругами. И где же они? Где Вив и Руби? Она смутно помнила, как Руби чуть раньше схватила ее за руку и что-то громко сказала, пытаясь перекричать музыку, вроде спрашивала, не хочет ли Би пойти с ними. Точно? С ней все будет в порядке?

Значит, они ушли, должны были уйти. Почему она осталась? Потому что ей было весело, она классно проводила время, болтая с каким-то парнем о многочисленных ракурсах, которые позволяют выходить за пределы обычного восприятия в искусстве. Он был похож

на одного из этих студентов, от которых она сейчас отчаянно хотела скрыться. Уже не в первый раз после начала учебы в университете ей хотелось, чтобы рядом с ней находились Карен и Элеонора. Они никогда не бросили бы ее. Би помнила вечеринки в их родном городе и то, что Карен оставалась в клубе, даже если сама уже устала, – она должна была убедиться, что с ее подругами все в порядке. «Если мы куда-то идем вместе, то мы остаемся вместе до конца вечера», – Би сейчас видела у себя в сознании Карен, произносящую эти слова. Но она никуда не ходила сегодня вечером вместе с Карен и Элеонорой; она пошла развлекаться с новыми университетскими подругами, а они думали только о себе. И теперь она осталась одна.

– Судя по твоему виду, тебе неплохо было бы съесть кебаб, а затем отправиться в кроватку.

На мгновение Би показалось, что это она сама с собой разговаривает, озвучивая свои желания. Но этот голос был более низким, мужским. Она заставила себя открыть глаза и увидела Кирана, того парня, с которым она разговаривала, когда ушла Руби. Он стоял прямо перед ней. Ей удалось выдавить из себя улыбку, то есть она подумала, что выдавила ее, но ни одна часть ее тела по большому счету не хотела ей подчиняться.

– Ты, должно быть, умеешь читать мысли, – произнесла она заплетающимся языком. Голос ее звучал хрипло и казался чужим. – Предполагаю, что ты не можешь добавить аспирин к этому списку, или все же можешь, джинн из лампы Аладдина?

– Твое желание – приказ для меня, – улыбнулся Киран и протянул ей руку. – Пошли. Я обещал Руби, что доставлю тебя домой в целости и сохранности. Я тебя долго искал. В последний раз, когда я тебя видел, ты вливала в себя один за другим стаканчики «Бешеного пса 20/20» в кухне вместе с Фрейдом.

Би скорчила гримасу, когда образ парня по прозвищу Фрейд промелькнул у нее в голове. Он получил его за то, что любил обсуждать психологию каждый раз, когда находил собеседника. Она вспомнила, как он размахивал бутылкой «20/20» и говорил о теории атрибуции.

– Ой, неудивительно, что я так дерьмово себя чувствую. Карен никогда не давала мне мешать разную выпивку.

– Кто такая эта Карен? Твоя сестра или кто? – спросил Киран, когда Би ухватилась за его руку и позволила поднять себя на ноги. Ее немного покачивало, она чувствовала себя Бэмби, когда шла. Киран крепко ее держал, помогая сохранять вертикальное положение.

– Или кто, – пробормотала Би себе под нос, не желая думать о том, что сказала бы Карен, если бы увидела ее сейчас. – Послушай, можно мы пропустим кебаб? Если честно, я просто хочу рухнуть в кровать.

– Без проблем, – слегка поклонился Киран. – Я весь к вашим услугам.

Би очнулась на холодном полу в ванной. Кажется, у нее изо рта только что вырвался крик, и его послевкусие осталось на губах. Ей не пришлось гадать, что именно она кричала. Кошмаров давно не было, но когда они ее мучили, она всегда просыпалась, хватая ртом воздух и с трудом повторяя одни и те же два слова снова и снова: «Не ходи… не ходи… не ходи».

Глава 16

Элеонора

– Мне казалось, что кошмары тебя больше не мучают, или я ошибаюсь? Я думала, что ты теперь нормально спишь? – Элеонора уселась рядом с подругой и протянула ей стакан апельсинового сока и клей-карандаш. Би одним глотком выпила половину стакана, словно провела последнюю неделю в пустыне, затем взяла одну букву из серебряной фольги.

– Они прекратились. Не было ни одного с тех пор, как ты рассказала мне про несчастный случай. И вот опять – впервые за много лет. Нельзя бояться человека, который, как ты знаешь, до конца жизни прикован к инвалидному креслу. Хотя на этот раз все было не так, как раньше, – я буквально отключилась. У меня такого не случалось с того самого дня. Все дело в том, что я увидела эту книгу у себя на полке в ванной – книгу, которую я сама могла бы написать.

Би стала раскладывать буквы на плакате, который они делали. Заметив, как Элеонора хмурится, она взяла линейку и стала измерять расстояние между ними. «Мне придется все переделывать, черт побери, – подумала Элеонора. – Только этого мне не хватало».

– Я понимаю, что это странно. Ведь странно же? – Элеонора устроилась на мягком коврике рядом с Ноем, перевернула сына на животик и заулыбалась, когда он сразу же попытался поднять головку и стал работать ножками, словно плыл по сухой поверхности. – То есть я хочу сказать: как ты могла сделать заказ и не знать об этом? Ты думаешь, что ее послали тебе по ошибке?

– Я проверила свой личный кабинет. Ну, не сразу, потому что, когда я проснулась, я чувствовала себя ужасно. Было такое ощущение, что я неделю могла бы беспробудно спать, но я даже думать не хотела о том, чтобы снова закрыть глаза, поэтому просто лежала на диване и смотрела в потолок. Вероятно, я снова отключилась, потому что проснулась где-то в два ночи и отправилась в кровать. По крайней мере, мне больше ничего не снилось. На следующий день на работе я проверила личный кабинет на «Амазоне» – я подумала, что лучше сделать это, когда вокруг меня много людей, так меньше шансов, что при виде заказа этой книги там у меня начнется истерика. При людях

надо держать себя в руках. Но там ничего не оказалось! Ничего, кроме книги, которую я на самом деле заказывала – той, которую, как я думала, я доставала из упаковки.

– А ты не проверила посылку, когда ее получила? Почему ты тогда не поняла, что книга не та?

– Именно поэтому она и лежала в ванной. – Би сморщилась, когда одна из блестящих букв прилипла к ее пальцам. – Черт побери, надеюсь, у нас есть запасные? В предыдущий вечер я взяла посылку с собой в туалет, разорвала упаковку, но тут услышала, что в гостиной начинается «Игра престолов», и просто сунула ее на полку.

– Значит, просто ошибка: они прислали тебе не ту книгу. – Ной начал капризничать, и Элеонора переложила его на надувной круг до того, как он успел закричать во весь голос. Она до сих пор еще не привыкла к тому, как быстро этот ребенок переключал внимание. Казалось, что Тоби вполне устраивало сидеть на одном месте и играть, но, конечно, он был гораздо старше. Общение с Ноем стало совсем новым опытом. – Тебе следовало мне позвонить. Ты рассказала Фрэн об этом?

Судя по тому, как Би колебалась перед тем, как ответить, было ясно, что она пока ничего не говорила сестре про случившееся – не на этой неделе, а шестнадцать лет назад.

– Я думала, что вы с Фрэн теперь стали ближе?

Би кивнула.

– Мы стали ближе, но ведь это случилось так давно, как вспоминать о подобном? «Знаешь, Фрэн, тут такое дело…» – Она замолчала, не в силах говорить непринужденно о том, что произошло, казалось, целую жизнь назад. И это, по мнению Элеоноры, подтверждало, что на Би сильно повлияло случившееся и она до сих пор полностью не отошла. Би умела легко относиться к любой, даже самой сложной, ситуации. Иногда Элеонору с Карен просто перекашивало от шуток Би на самые чувствительные темы. Но с этим случаем все было по-другому.

Их обеих беспокоило, что Би так и не заявила в полицию о происшествии. Однажды воскресным утром Би просто пришла в дом родителей Элеоноры в таком ужасном состоянии, что Элеонора начала набирать номер Карен еще до того, как Би преодолела весь путь по подъездной дорожке. Карен приехала на первом поезде из Шеффилда,

где училась в университете, и тут же стала требовать, чтобы Би шла в полицию, но та отказалась. *«Кто мне поверит, если я даже не помню, что именно произошло? Мое слово против его – а все видели, в каком я была состоянии. Меня посчитают пьяной шалавой, которая пытается обвинить парня в изнасиловании. И получится, что пострадала я, а жертва он. Не получит он такого удовольствия».*

Элеонора с ней не согласилась, но, по крайней мере, поняла ее. Карен притворилась, что тоже поняла, но они все знали, что в ее мире, где существует только черное и белое, человек, совершивший преступление, должен быть наказан. Не существовало той ужасной серой области, где девушку, единственная вина которой заключалась в том, что она слишком много выпила, разрывает на части и осуждает общественное мнение.

Би словно прочитала мысли Элеоноры, склонилась к ней и стала говорить тише.

– Послушай, ты ведь не расскажешь об этом Карен, правда? У меня сегодня правда нет сил на этот ее психоанализ.

Элеонора кивнула, прекрасно понимая, что Би имела в виду. Карен была поразительным человеком, именно к ней в первую очередь все обращались в критической ситуации. Она всегда точно знала, что нужно делать, но иногда ее беспокойство и забота могли стать немного удушающими.

– Нет проблем. Я думаю, что случившееся с тобой можно объяснить стрессом на работе – твой придурок-начальник треплет тебе нервы, а тут еще ты испытала шок при виде книги, которую не заказывала. Я думаю, что тебе не нужно беспокоиться – кошмары не вернутся. В конце-то концов, ты же хорошо спала прошлой ночью?

– Да, – Би кивнула и потянулась к Ною, чтобы поднять его с надувного круга. – Мне не нужно разбирать ситуацию, не нужно всякое «Что ты почувствовала?». Я просто хочу об этом забыть.

– Забыть о чем? – прозвучал голос Карен в дверном проеме, и обе подруги резко повернули головы, оторопев. Би быстро сунула плакат под диван – успела, пока Карен еще не зашла в комнату. – Меня впустил Адам – он только что вернулся домой. Так о чем забыть?

Элеонора бросила взгляд украдкой на Би, которая побледнела на три тона. «Сколько же она слышала?»

Би проигнорировала взгляд Элеоноры и рассмеялась.

– У тебя слух, как у летучей мыши! Я только что рассказывала Элеоноре про последние события в саге про наш офис. Гэри все еще ведет себя как Дэвид Брент[12]; Сандра предложила подсыпать что-нибудь ему в кофе, а я считаю, что мне нужно выкинуть это из головы. Просто продолжать работать – вести себя по-взрослому.

Карен вопросительно приподняла брови, и в это мгновение Элеонора уже не сомневалась, что она слышала все.

– Отличный план – тебя, случайно, не ударили по голове?

Вместо ответа Би показала ей средний палец и встала, чтобы передать Ноя раскрывшей объятия Карен, при этом заталкивая ногой под диван букву из серебряной фольги.

– Ты как раз вовремя, бабушка, – мне нужно выпить бокал вина.

Глава 17

Би

Сон не повторялся три дня – на самом деле ей вообще ничего не снилось. Вначале она просто боялась ложиться спать. Она была в ужасе от того, что может увидеть лицо Кирана, как только закроет глаза, поэтому сидела на диване и смотрела сериал «Доктор Кто» на дисках, пока голова не начинала клониться от усталости и она не падала в черную пропасть сна, едва добравшись до кровати. Это очень сильно напоминало прошлое, когда она после случившегося проводила дни и ночи на диване у Элеоноры. Они все трое были в пижамах – Карен и Би позаимствовали их у Элеоноры, потому что обе очень поспешно сорвались с мест. Поэтому, проснувшись на следующее утро, она решила резко выйти из этого состояния, чтобы не погрузиться в яму, к которой опять шла, и продолжать жить своей жизнью. Ведь если она не будет осторожной, это опять случится! По пути в спорткомплекс она занесла книгу Элеоноре – зачем пропадать хорошей книге? – и попыталась забыть, что вообще ее открывала.

Когда это случилось в первый раз много лет назад, Би думала только о том, чтобы справедливость восторжествовала. Она представляла, как спецназ вытаскивает его из теплой уютной кровати среди ночи и его приговаривают к публичной кастрации или казни через повешение, как в старые добрые времена. Иногда она видела их обоих на вершине скалы глубокой ночью, и только Би решала, жить ему или умереть, разбившись о камни внизу. Проснувшись после очередного кошмара, она плакала и кричала и не могла заставить себя рассказать подругам, какое решение она приняла.

Карен и Элеонора вели себя как настоящие подруги, но они так и не смогли убедить ее обратиться в полицию. Ей хотелось увидеть страдания Кирана Ресслера, но если все в университете, ее мать, сестра и, что хуже всего, отец узнали бы о поступке Кирана – о том, что она допустила, – это стало бы еще большим кошмаром, чем тот, в котором она жила. Дело в том, что у нее не было доказательств, а масса людей засвидетельствуют, что она находилась в таком состоянии, в котором многие женщины совершают то, о чем потом сожалеют.

Ее пугала еще одна мысль, причем даже больше, чем обращение в полицию, где придется все рассказать. Ее пугало, что однажды во время этих кошмарных снов она вспомнит, что случилось на самом деле после того, как он привел ее домой. Что хуже? То, что он сделал все, когда она отключилась, или то, что она все время была в сознании, но в таком ужасе, что ее нетрезвый ум сам решил стереть это из памяти? А что, если она сама согласилась? Это не давало ей покоя не только во снах. Что с ней будет, если она все вспомнит? Как это изменит ее жизнь, вернее, то, во что превратилась ее жизнь после той ночи? Ее существование разделилось на две части – До Той Ночи и После Той Ночи. Она в тот вечер отправилась гулять с подругами, надев черный комбинезон, который обтягивал ее аппетитные ягодицы, а вырез спереди заканчивался у пупка. Она была из тех, кто твердо верил, что плохое случается только с другими людьми – глупыми неосторожными женщинами, которые одни идут пешком домой после наступления темноты. Их затаскивают в кусты, приставив нож к горлу. На следующий день Би проснулась в своей кровати в безопасности и комфорте, но полностью обнаженной, а покрытое синяками тело болело. Она стала жертвой.

С тех пор прошло шестнадцать лет, и она не могла представить ничего хуже, чем всплывшая на поверхность правда или торжество правосудия. Сердце замирало у нее в груди даже при мысли о том, как Киран идет в полицейский участок – хотя такое ведь не могло случиться? – и признается в своих грехах, вытаскивает из небытия прошлое и рассказывает всем, какой глупой маленькой девочкой она была. А она ведь потратила столько времени на создание своего образа смелой девчонки-тусовщицы, которой сам черт не страшен. Никто и подумать не мог, что она всю жизнь после той ночи лишь играет роль.

Иногда Би задумывалась над тем, как живут те, кто не презирает себя. Каково знать, кто ты есть, и гордиться этим? Было смешно, когда люди автоматически предполагали, что ей в жизни не хватает мужа, что она, вероятно, отчаянно нуждается в нем – разве не этого хочет каждая женщина? По правде говоря, ей было совсем не нужно, чтобы ее любил другой человек. Ей хотелось хотя бы немного любить себя.

Би хотела добиться успеха хоть в чем-то. В чем угодно. Когда люди говорили об Элеоноре, в их словах слышался благоговейный трепет – как она любит свою семью, какой у нее замечательный Тоби, а

теперь она еще думает о том, чтобы начать свое дело, и это с трехмесячным ребенком! У Карен есть собственный красивый дом, ипотеку она платит без помощи Майкла, у нее есть карьера, и она идет только вверх по служебной лестнице. Что говорят про Би? Какая она веселая, всегда готова посмеяться и пошутить, выпить еще пинту[13] пива или бокал вина. У нее всегда сногсшибательные туфли, и она никогда не выходит из дома без макияжа. Как так получилось, что после тридцати с лишним лет жизни она может похвастаться только умением подбирать обувь к наряду и выпивать столько же алкоголя, сколько здоровяк, играющий в регби?

Она не винила Кирана в том, во что превратилась ее жизнь. Было бы легко думать, что случившееся с ней в ту ночь сделало ее неспособной любить самой и позволять другим любить ее, или что она стала бы главой какой-нибудь корпорации или чего-то еще, если бы никогда не встретила Кирана Ресслера, никогда не позволила бы ему проводить себя домой. Но она ведь не могла знать, как бы все обернулось, так какой смысл об этом думать? Случившееся настолько стало частью ее жизни, что думать об этом каждый день было бессмысленно. С таким же успехом можно размышлять о том, как бы сложилась ее жизнь, родись она более высокой, или более худой, или с более светлыми волосами. Это ничего не изменило бы, и в любом случае она могла все так же испортить, если бы была высокой худой блондинкой.

Узнав про несчастный случай, она не могла разобраться в своих чувствах. И Карен, и Элеонора говорили ей, что Киран получил по заслугам, но ей было сложно осознать, что вызывающее жалость существо на больничной койке, которое показали в новостях, – это тот монстр, которого она столько раз видела во сне. Он почему-то казался ниже ростом, словно сжался и уменьшился в размерах, и был бледным, из тела торчали трубки, поддерживавшие в нем жизнь. Он совершенно точно больше не казался опасным, ей следовало благодарить за это, но она не чувствовала ничего. Его жизнь в аду казалась недостаточным наказанием, но было ли ей его жалко? Эта мысль вызывала у нее отторжение, но она была живым человеком и не могла заставить себя радоваться тому, что кто-то оказался вот так пойманным в капкан в собственном теле и обречен на такое жалкое существование до самой смерти. Когнитивный диссонанс – вроде так это назвала Карен?

Ощущение, что внутри нее живут два разных человека, постоянно борясь друг с другом, чтобы получить контроль над ее мыслями.

У нее так хорошо получалось не думать о нем в последнее время, даже не гуглить его фамилию. Теперь ей придется заново учиться, как все это забыть.

У нее зазвонил мобильный телефон, и она бросила взгляд на часы: двадцать минут десятого – она сидит здесь уже два часа. Звонила Карен, которая по прошествии всех этих лет каким-то образом точно чувствовала, когда она больше всего нужна своей подруге.

Глава 18

Карен

– У меня есть одна мысль насчет выходных.

Карен стояла у плиты, проверяя, как там ужин, за который принялась сегодня раньше обычного. Она взяла необычный рецепт, и ей пришлось сконцентрировать на ужине все свое внимание, которое хорошо было бы уделить Майклу. Он собирался уйти через час с небольшим, и ей стоило бы проводить каждую секунду, прижавшись к нему и не отходя ни на шаг.

– Хм-м? – Майкл подошел к плите, протянул из-за спины Карен руку с вилкой и воткнул ее в морской гребешок на сковороде.

– Прекрати это! Ты испортишь мой шикарный ужин!

Карен замахнулась на него лопаткой для рыбы, а он обнял ее за талию свободной рукой, одновременно пытаясь засунуть в рот горячий морской гребешок.

– И что за мысль? – спросил Майкл после того, как рот перестало жечь.

– А что, если ты никуда не поедешь? Скажешь, что возникла проблема, у тебя не получается вернуться. Мы проведем все выходные здесь, в кровати. Голые.

Майкл застонал и снял руку с ее талии.

– Не начинай, Карен. Ты же знаешь, что мне самому хочется этого больше всего на свете.

– Правда?

Карен пристально смотрела на него, хотя и слышала внутренний голос, который говорил ей, чтобы немедленно прекратила. Не нужно расставаться с ним на плохой ноте. Не нужно превращаться в подругу-невротичку.

– Конечно. Но я должен ехать. Ты знаешь, что должен.

– Я сказала девочкам, что ты отправляешься в Донкастер, – сообщила Карен, снова поворачиваясь к плите.

– Донкастер? Мне следует вернуться с северным акцентом?

Когда она не засмеялась, Майкл положил вилку и развернул Карен к себе, затем крепко прижал к груди.

– Я не понимаю, почему ты просто не скажешь им правду. Они же твои лучшие подруги.

Карен опустила голову ему на плечо и вздохнула.

– Я просто не хочу. Пока что. Давай больше не будем об этом говорить. Давай просто поедим.

– У меня есть идея получше. У меня в запасе час – потом нужно будет уходить. Что мы можем успеть за час?

Карен заставила себя улыбнуться. Если ему все равно придется уйти, она по крайней мере может дать ему то, о чем он будет думать, пока не вернется.

– У меня есть несколько вариантов, – ответила она, заводя руку за спину, чтобы расстегнуть бюстгальтер.

* * *

Она сидела на кровати в одном халате, подтянув колени к груди. В воздухе все еще висел запах секса и лосьона после бритья, хотя уже прошло два часа после того, как Майкл принял душ и ушел. Карен не могла проводить оставшуюся часть вечера так, как явно представляли ее вечер девочки, поэтому она потянулась за ноутбуком, стоявшим на прикроватной тумбочке, и поставила его себе на колени. Она включила его, кликнула по иконке браузера и напечатала букву «Ф» в строке поиска. Компьютер быстро дополнил недостающие буквы, и появилась знакомая синяя полоса. Она автоматически вошла в свой аккаунт.

Когда «Фейсбук» только появился в их жизни, Карен не удосужилась зарегистрироваться там. Би смеялась над ней и говорила ей, что она – единственная из ее знакомых, кого не было в «Майспейсе», а теперь она станет единственным человеком на планете без странички в «Фейсбуке». Карен ответила, что у нее слишком скучная жизнь, которой не стоит грузить других людей, а если ей вдруг отчаянно потребуется узнать, что Би ела на завтрак, то она всегда сможет позвонить ей и спросить.

Она вовсе не считала, что ей нужно что-то скрывать. Она могла бы присоединиться к «Фейсбуку», постить разные глупости, которые не имели никакого отношения к ее реальной жизни. Она могла бы притворяться, что у нее идеальная жизнь даже в те дни, когда ей

хотелось кричать или ныть из-за каких-то пустяков, чем, как казалось, занимался весь западный мир. Это не имело никакого отношения к каким-то тайнам, ей просто не хотелось притворяться больше, чем она уже притворялась.

Но Би с Элеонорой просто обожали «Фейсбук». Карен думала, что с таким же успехом они могли распечатать свое расписание и вывесить его на автобусных остановках вместе со своими маршрутами на «Гугл Картах» и фотографиями с фильтрами. Жизнь в стиле «Инстаграм» с оттенком сепии. Би не могла перейти из гостиной в кухню, не сообщив об этом в соцсетях. «Би Баркер ест запеченные сандвичи и пьет вино… классно! Вместе с Элеонорой Уитни и Карен Браунинг у меня дома».

Никто из подруг не знал про ее тайную страницу в «Фейсбуке». Профиль без фотографии, вымышленное имя, никаких друзей. Она сделала все так, что если бы даже кто-то случайно наткнулся на ее страницу, то решил бы, что она больше не используется и Джули Спэрроу просто не удалила ее. В истории поисковых запросов значилось только одно имя, Карен кликнула по нему и прождала несколько мучительных секунд, пока информация загрузится. Она так привыкла делать это, когда оставалась в одиночестве, что уже не могла остановиться. Она словно теребила болячку – знаешь, что будет больно, но пальцы вроде как все делают сами по себе. Ты понимаешь, что если ты продолжаешь ее теребить, она никогда не заживет, но затем болячка отваливается, ты испытываешь секундное удовлетворение, но за ним следует жалящая боль, которая длится гораздо дольше.

«Эмили Лентон в восторге!»

Этим все было сказано. Эмили чувствовала себя счастливой, и именно это причиняло боль Карен. Она просмотрела недавние посты, фотографии Эмили и ее семьи, улыбающихся и красивых созданий, казавшихся Карен детьми, которых у нее никогда не будет. Она продолжала просмотр семейных праздников и дней рождения, пока не нашла то, что искала: рождественский ужин, вся семья радостно улыбается. Впервые Карен увидела эту фотографию в Рождество и плакала несколько часов, пока не заснула, вымотанная и уставшая, на диване, где и нашел ее Майкл. Остатки ее собственного рождественского обеда разлетелись по стене в ее гостиной.

Вот она. Боль, которая приходит после того, как сковырнешь болячку. Только эта боль не была физической. Ей было больно от того, что у нее разрывалось сердце.

Глава 19

Карен

Карен работала всю субботу, пытаясь таким образом отключиться от постоянной боли в груди, которая появлялась у нее каждый раз, когда Майкл уезжал, и мучила ее до тех пор, пока он снова не оказывался у нее в постели. Вечером она позвонила подругам, но не Би с Элеонорой, а приятельницам, с которыми легко сходятся и легко расстаются. Это были люди, с которыми можно просто хорошо провести время. Люди, даже не знавшие, что у нее есть мужчина.

В будни она обычно зачесывала назад свои длинные темные волосы, убирая их с лица, носила костюмы темно-синего, черного или серого цвета. Блузки у нее были подогнаны по фигуре, и из-под воротника едва ли виднелась шея, не говоря про – боже упаси! – грудь. Она использовала очень мало косметики, только нейтральные тона и профессиональные средства. На неделе она сама была профессионалом до мозга костей. Но только не в выходные.

Красный блеск сиял на губах, и они казались влажными. Она улыбнулась, чтобы правильно нанести румяна на щеки. Карен расчесала волосы, выпрямила их, а потом побрызгала спреем, чтобы добавить блеска. Черные джинсы и красный свитерок с низким V-образным вырезом обтягивали ее гибкое тело, как вторая кожа. У Карен не было женских округлостей, как у Элеоноры до рождения ребенка или у Би, но на ее стройную спортивную фигуру всегда оборачивались. Может, это и было тщеславие, даже хвастовство, но она очень гордилась тем, что в ее возрасте ее принимают за женщину двадцати с чем-то лет.

В городе у входа в бар она встретилась с подругами – тремя женщинами, с которыми она училась в колледже. Все они были без мужей и детей, из-за которых пришлось бы волноваться и торопиться домой. Они были деловыми женщинами-одиночками, которые любили выпить и пофлиртовать с каждым мужчиной в баре, и при этом стонать о том, как они ненавидят противоположный пол. Грудь Тилли, блондинки с пышным телом, заходила в помещение за пять минут до нее самой. Эрин была высокой, стройной и гибкой, но невзрачной и крайне стеснительной. Катерину отличали мелированные пряди

тигрового цвета, она требовала, чтобы даже в их возрасте ее звали Кэт. На этот раз она надела слишком обтягивающее черное платье.

Они обнялись, не прижимаясь друг к другу, и чмокнули воздух, чтобы никто никому не размазал макияж. Фальшивое приветствие фальшивых друзей, которых объединяла только унылость их жизней.

– Как у тебя дела, Карен? – спросила Кэт после получаса стонов о своей последней жертве – каком-то типе, имя которого Карен мгновенно забыла, но могла бы описать его пенис так же точно, как и пенис своего любовника. – В твоей жизни появился кто-то особенный?

Карен покачала головой, а остальные даже не попытались скрыть, как переглядываются. Конечно, не появился. Если бы Карен встретила человека, с которым можно проводить время, то она сейчас была бы с ним, а не здесь. Если бы они только знали…

– У меня просто нет времени… Знаю, знаю, – она перебила Кэт, едва та успела открыть рот. – Я слишком много работаю. Именно поэтому я здесь.

Кэт улыбнулась. Очевидно, ее удовлетворило то, как Карен оправдывает свой стиль жизни старой девы.

– Сегодня вечером ситуация может измениться. Гаваец у стойки бара пожирает тебя глазами с той минуты, как ты вошла.

Карен бросила взгляд в нужном направлении. На мужчине, которого имела в виду Кэт, была футболка с надписью «Гавайские ночи» на фоне океана, выглядел он не старше тридцати, возможно, даже младше. Он был с пятью или шестью друзьями, которые играли в бильярд. Они по очереди брались за кий и так часто подходили к барной стойке, что Карен не могла точно определить, кто был в этой компании, а кто нет. Никто из них не показался ей знакомым. Они явно не могли учиться с Карен и ее подругами в старшей школе из-за разницы в возрасте. Также казалось маловероятным, что, даже в таком небольшом городе, она где-то пересекалась с кем-то с них. Получался действительно идеальный вариант.

– Молодой слишком, – тихо сказала она, но при этом слегка приподняла бокал, глядя на него.

Мужчина улыбнулся, постучал пальцами по краю пивной кружки и кивнул. Эрин заметила этот обмен сигналами, но ничего не сказала.

– Кто-нибудь хочет повторить? – спросила Карен, допивая остатки вина и глядя на почти полные бокалы своих спутниц. Эрин бросила

еще один взгляд на мужчину у стойки бара и слегка улыбнулась Карен так, будто хотела дать ей понять, что она-то не такая наивная, как их подруги.

– Розового вина? – Гаваец пододвинул к ней бокал. Он явно был доволен собой, ведь он заметил, что именно она пила. Карен улыбнулась и благодарно кивнула, повернувшись спиной к трем подругам, чтобы те не увидели, что она не сама платила за напиток.

– Куда пойдете потом? – спросила Карен, сделав небольшой глоток и отметив, что он купил не дешевое домашнее вино.

– Не уверен. Мы не местные.

Еще лучше.

– «Беллстоун» знаешь? – Было забавно смотреть на то, как менялось выражение его темных глаз, когда он понял, о чем его спрашивают. Он улыбнулся, но не лениво и чувственно, как Майкл, когда она намекала ему на секс, а нетерпеливо, но все равно привлекательно. Из-за улыбки он стал выглядеть еще моложе, и Карен решила не спрашивать его про возраст, уверенная, что после его ответа передумает. – Это бар прямо напротив крытого рынка. Наверху есть номера.

– Мы вроде бы проходили его по пути сюда.

– У меня на сегодняшнюю ночь забронирован там номер. Если хочешь ко мне присоединиться, улизни от своих приятелей в одиннадцать. Встретимся там. – Она приподняла бокал. – Спасибо за вино.

– Подожди. – Он говорил достаточно тихо, чтобы не привлекать внимания, и Карен задумалась, не пытается ли он скрыть их разговор по той же причине, что и она сама. Она наполовину развернулась. – Какой номер?

– Забронирован на миссис Джоунс.

Он улыбнулся.

– Что с ним не так? – спросила Кэт, когда Карен вернулась за их столик. – Женат? Голубой?

– Думаю, что и то, и другое, – ответила Карен и сделала маленький глоток вина, когда гиены загоготали.

* * *

По меркам Шрусбери номер был роскошный. Он, конечно, не шел ни в какое сравнение с номерами «Мариотта» или других дорогих гостиниц, в которых она останавливалась, когда ездила куда-то по работе или в начале отношений с Майклом. Но в номере было чисто, стоял телевизор с широким экраном, который им совершенно не пригодится, и огромная двуспальная кровать с такими большими подушками, что нормальный человек не смог бы на них спать. Ванная комната радовала ослепительной белизной, как в операционной, и шикарной отдельно стоящей ванной, которую придвинули вплотную к стене, чем испортили все впечатление.

Карен появилась в номере без десяти одиннадцать, распрощавшись с одинокими подругами. Никто не задал ей ни одного вопроса, только Эрин вопросительно приподняла брови и проверила время в телефоне. На пути к «Беллстоуну» у Карен возникло очень странное ощущение, будто ее преследуют, и на всем пути к гостинице она украдкой проверяла, нет ли кого-то у нее за спиной, будто она несла в сумке антикварное серебро, а не зубную щетку.

Ей не пришлось долго ждать стука в дверь гостиничного номера. Она бросила взгляд на экран телефона: три минуты двенадцатого. Он ждал последние три минуты внизу, не хотел показаться нетерпеливым? Сердце билось так сильно, что, казалось, могло пробить дыру в грудной клетке, когда она открывала дверь, в какой-то степени ожидая увидеть Эрин и этого раздражающего ведущего из «Вас подставили!»[14]. Но нет, это был он, мистер Гаваец, с улыбкой на лице, в которой читалось желание.

– Я не был уверен, что застану тебя здесь, – сказал он. – Думал, что ты, может, решила пошутить, поспорила или о чем-то там договорилась со своими подругами. Судя по их виду, они как раз такие. – Он покраснел. – Прости, я не хотел нелестно отзываться о твоих подругах.

– Все в порядке, – ответила Карен, открывая дверь шире, чтобы его впустить. – Не такие уж мы подруги. Я едва ли их знаю теперь.

– Тогда что ты с ними делала?

Она увидела, что он, войдя в номер, бросил взгляд на ее сумочку и наверняка отметил отсутствие багажа.

– Прости, ты поболтать сюда пришел?

Она подошла к нему поближе и увидела, что он пытается незаметно для нее сглотнуть. Она запустила пальцы ему под футболку и начала медленно ее приподнимать, обнажая пояс его джинсов и парусиновый ремень.

– Нет, я просто… Ты не хочешь вначале поговорить или… Я хотел сказать, ну, перед…

– Можешь говорить, если хочешь. – Теперь ее губы находились в нескольких дюймах от его губ, а ее пальцы расстегивали ремень. – Но я надеялась, что наши рты будут слишком заняты для этого.

Она придвинулась к нему, чтобы поцеловать, и уловила запах пива и сигарет, который он попытался замаскировать жвачкой перед приходом. Карен закрыла глаза, вдыхая этот запах, пальцами свободной руки она провела по его коротким темным волосам на затылке. Она слегка застонала, выдыхая этот стон ему в рот. Прижимаясь к нему, она почувствовала, что этого тихого звука оказалось достаточно, чтобы его член затвердел. Пряжка поддалась, она расстегнула пуговицу, а потом и ширинку на его джинсах. Их поцелуй становился все более настойчивым и страстным. Он слегка отодвинул Карен от себя, вытащил заправленный край свитера из ее джинсов, стянул его через голову и издал стон, обнаружив, что она уже избавилась от бюстгальтера. Он спустил свои штаны и резко расстегнул молнию на ее джинсах. Пошатываясь и не отрываясь друг от друга, они двигались к кровати в вальсе, который из года в год танцуют любовники по всему миру. Его губы опустились ей на грудь, он обводил ее соски сначала языком, а потом пальцами по влажному следу. Карен потянула его футболку, и он снял ее через голову. Их любовная игра, начавшаяся медленно и неуверенно, теперь становилась напряженной и дикой.

– Ты великолепна, черт побери, – пробормотал он, уткнувшись в ее грудь, играя языком с ее соском, отчего возбуждение пульсировало у нее между бедер. – Ты такая краси…

– Ш-ш-ш. – Карен схватила его за волосы – не грубо, но достаточно сильно, чтобы его губы оторвались от ее кожи. – Не нужно это повторять. Просто оттрахай меня.

Казалось, он не обиделся, а если и так, то был слишком возбужден, чтобы ее слова остановили его. Он спустил ее трусы до колен, а дальше они упали сами. Он схватил Карен за бедра, резко

развернул, а потом наклонил вперед так, что она нагнулась над кроватью. Он коленом развел ее ноги в стороны и вошел в нее, застонав от удовольствия. Теперь он становился неистовым.

Чем сильнее были его толчки, тем больше она стонала, хватая ртом воздух, когда казалось, что он вошел максимально глубоко. Он намотал ее волосы себе на руку и оттянул голову назад так, что Карен чувствовала его дыхание на своем лице, пока он трахал ее, одновременно лаская клитор сначала медленными ритмичными движениями, а затем все быстрее и быстрее, когда пытался сдержать оргазм.

– Пока нет, – прошептала она напряженным голосом. – Я еще не готова.

Он словно принял вызов, и его толчки внутри нее стали быстрее, он проникал все глубже, пока ей не стало больно, и из этой боли возникло восхитительное удовольствие. Она взяла его руку и положила себе на грудь. Его большой и указательный пальцы инстинктивно нашли ее сосок, словно ребенок, нащупавший грудь матери.

– Сильнее.

Он грубо схватил ее, и она почувствовала боль, которая прошла по всему телу и превратилась в знакомую вспышку удовольствия сначала между ног, а затем выше, растекаясь по груди и шее. Через несколько секунд она почувствовала, как он напрягся и, кончив, издал хриплый крик, после чего они оба рухнули на кровать в полном удовлетворении.

* * *

Они оба упали на кровать в блаженном дурмане, который бывает после секса, и Карен мгновенно заснула. Когда она проснулась, мистер Гаваец тихо посапывал, а часы на ее телефоне показывали два часа сорок три минуты. Четыре пропущенных звонка от Майкла и сообщение:

«Пытался позвонить, чтобы пожелать спокойной ночи. Скучаю по тебе. Поговорим завтра. Ххх».

Она тихо собрала вещи и закрыла за собой дверь, замок едва слышно щелкнул. После этого Карен украдкой спустилась по лестнице и выскользнула на улицу. Номер был оплачен заранее; она использовала вымышленную фамилию и ни разу не назвала свое настоящее имя мужчине, с которым только что занималась любовью. Ее как будто бы там и не было. По темной улице, пошатываясь, шел какой-то мужчина, загулявший субботним вечером и явно желавший его продолжить, чтобы не идти домой, где его завтра будет мучить похмелье, а то и алкогольная паранойя. Вскоре единственный на главной улице ночной клуб выпустит последних посетителей, и они, нагулявшись, станут искать путь к своим постелям. Карен направилась к местной стоянке такси.

– Есть свободные машины?

Мужчина за стеклом едва ли поднял голову, чтобы на нее посмотреть, и буркнул:

– Через час, дорогая.

Она не планировала столько времени провести в зале ожидания, где пахло пивом и пóтом, сидя на деревянной скамье и смотря на потертый ковер с пятнами блевоты. Она ушла, не ответив, а диспетчер даже не обратил внимания.

На стоянке стояли черные машины такси, водители смотрели на нее с надеждой. Даже очень сильно напившиеся гуляки не хотели платить в три раза больше обычной таксы, чтобы не ждать машину.

– Рэнгарт Гарденс, – назвала она район, усаживаясь в первую машину в ряду. Водитель мгновенно сел на свое место, захлопнул дверь, включил счетчик и завел мотор.

После десятиминутной поездки в полном молчании машина притормозила у края тротуара на некотором удалении от дома Карен. Она заплатила водителю невероятно крупную сумму за такую поездку, добавила пару фунтов стерлингов сверху в качестве чаевых и вышла из машины, бросив одно лишь «Спасибо».

Дом был большим и пустым, он всегда казался таким в отсутствие Майкла. Тишина была почти невыносимой, она словно насмехалась над ее глупостью. В кровати Карен никто не ждал, чтобы спросить, хорошо ли она провела вечер, никто не беспокоился из-за того, что она вернулась так поздно, и никто не хотел знать, где, черт побери, она была и почему от нее пахнет другим мужчиной. Она чувствовала себя

изможденной эмоционально и физически, и ей ничего не хотелось больше, чем забраться в кровать и обнять любовь своей жизни. Но этого она сделать не могла, а без него кровать казалась холодной и совсем не влекла ее. Вместо этого Карен включила душ на полную мощность, подождала, пока вода не станет максимально горячей, сбросила одежду и залезла в ванну, радостно принимая на тело обжигающую струю душа, которая смывала с нее все грехи.

Казалось, что она так стояла несколько часов, ее слезы смешивались с водой и утекали в сливное отверстие. Когда Карен наконец вылезла из ванны, она вытерлась насухо, обернула полотенцем голову, взяла книгу с прикроватной тумбочки и уселась в большое удобное кресло у себя в кабинете. В нем она и проснулась в одиночестве пять часов спустя. У нее затекла шея, и она страшно замерзла.

Глава 20

Холодный ветер шевелил ветки деревьев, росших вдоль реки. Сегодня даже вода, ставшая мутно-коричневой, выглядела скучной и недовольной из-за того, что выпало на ее долю в этот день. Хотя я знала, что вечером все изменится. Вечером эта часть реки освещалась разноцветными светодиодными огнями театра на другом берегу и теплым янтарным светом фонарей на мосту. Обе подсветки соединялись на поверхности воды, которая ночью становилась черной, и можно было даже забыть, что живешь в захолустном городке, в который и из которого ведет только одна дорога. В такое время можно было представить, что находишься в Сиднее или Лас-Вегасе и гуляешь по берегу с возлюбленным перед тем, как предаться любовным утехам. Или что ты самый одинокий человек на земле, ждущий подходящего момента, чтобы броситься вниз с моста в спокойную, неподвижную черноту. Хотя при ярком свете дня сразу становилось понятно, кто ты. Статус людей в этом городке определялся тем, во что они были одеты, на каких машинах и по какой стороне реки они ездили. Все это, словно масляными красками по холсту, рисовало картину о каждом.

Я достала фотоаппарат и снимала, и каждый его щелчок заглушал голос у меня в голове, который повторял, что мне нужно вернуться на работу прямо сейчас. *Щелк* – я не выполняю свою работу, и все будут говорить, что я сама виновата, если ее потеряю. *Щелк* – у меня никогда не получалось жить нормальной жизнью. *Щелк, щелк, щелк*. И при каждом щелчке образы этих женщин бледнели в моем сознании, занимали все меньше и меньше места в сравнении с утром – точнее, всеми выходными днями.

Меня разочаровали фотографии после того, как я вечером загрузила их в компьютер. Большинство оказались блеклыми и несфокусированными, не удалось поймать ускользающую двойственную природу реки и ее подобие хамелеону, которое я ясно видела у себя в сознании. Та, вторая сторона оказалась чуть-чуть вне пределов досягаемости, запертая в воображении, она отказывалась перемещаться на экран. Я не стала их удалять, каждая из них будет напоминать мне, что нечто нематериальное находится за этим образом,

что-то, чего не существует для неподготовленного взгляда, но остается для меня очень даже реальным.

* * *

– Мама, у тебя все в порядке? – Я заговорила веселым и непринужденным тоном – набросила его на себя, если так можно сказать про голос, как шелковый шарфик на шею, но мое тело оставалось напряженным в ожидании ответа. Через несколько секунд я смогу сказать, хороший ли у нее сегодня день – даже до того, как мама произнесет хоть слово. Я уже давно привыкла слушать тяжелое неровное дыхание, которое означало, что день плохой.

– У меня все хорошо, дорогая, а ты как?

Ее слова звучали кристально четко, а из-за ее нарочито небрежного тона могло показаться, что мы постоянно ведем такие разговоры. Вероятно, она принимает лекарства в правильной дозировке, и очевидно, что сегодня она не запила их слишком большим количеством виски. Обычно я, только взяв трубку, могла точно сказать, сколько стаканов она выпила. Сегодня, вероятно, был день одного стакана. Дней без стакана не бывало уже на протяжении многих лет.

Мне пришлось прикусить губу, чтобы не спросить, почему она звонит. Она была гиперчувствительной даже в хорошие дни, и если она почувствует хоть малейшее пренебрежение и недостаток внимания, то хороший день мгновенно превратится в плохой еще до того, как я успею осознать свою ошибку.

Окружающие видели ее уважаемой вдовой с дочерью, которой можно гордиться, – ну просто образец респектабельности. Но, как и большинство картинок, выставленных напоказ, это было застывшее изображение того, что когда-то представляла собой наша семья и наша жизнь. Такие снимки не показывают, что происходило даже за несколько секунд до того, как человек повесил себе на лицо фальшивую улыбку. Умело выставленный свет и густо наложенный макияж скрывали морщины, проложенные годами после утраты на когда-то молодом лице моей матери. Хочу ли я такого для себя? Нет, без этой боли я вполне могу обойтись.

– Со мной все в порядке, мама, только я сейчас занята.

Несмотря на мой веселый и бодрый тон, я услышала, как она вздохнула. В такие моменты определялось, как наш разговор пойдет дальше, было два варианта – и ни один из них мне не нравился. Агрессивный или самоубийственный? Иногда оба. Наверное, нас с ней объединяло только одно – у обеих были родители-неудачники со сломанной судьбой, которыми мы хотели бы восхищаться, но не могли. Я закрыла глаза и приготовилась к тому, что должно было последовать.

Глава 21

Элеонора

Элеонора ни разу не присела с тех пор, как Карен зашла к ней. Она перемещалась из комнаты в комнату, бросала игрушки в коробки, собирала одежду в кучи на кухонном полу. Она не чувствовала необходимость уделять все свое внимание Карен именно потому, что они были подругами, вообще в случае с Карен едва ли возникало ощущение, что она тут гостья. Лесли, помощница Элеоноры по хозяйству, работала просто фантастически, но мысль о том, что между ее визитами придется только иногда смахнуть пыль, казалась теперь слишком оптимистичной.

Карен вскипятила воду в чайнике и заварила им обеим по чашке кофе. Она передвигалась по кухне подруги так, словно была у себя дома и точно знала, где стоят чашки и лежат ложки. Ожидая, когда закипит чайник, она вымыла оставшуюся после завтрака посуду и смахнула крошки. Если бы кто-то другой взялся убираться у нее в кухне, Элеонора слетела бы с катушек, но в случае с Карен она была просто благодарна. Карен помогала так, как и всегда, без лишнего шума, этакая мамочка, которая приглядывает за подругами и всегда рядом, когда нужно, даже если они об этом не знают.

– Вынести мусор, чтобы забрали на переработку? – Карен показала на груду пластика, накопившегося за последние дни с прошлого визита Лесли.

– Да, спасибо, было бы отлично. Ключ от черного хода на диване. Или, может, на телевизоре.

И вот уже Карен сидела на диване с Ноем, который уютно устроился у нее на руке.

– Он уже такой большой, – заметила она, жестом предлагая подруге присесть и расслабиться.

Элеонора взяла в руки чашку с кофе – черным, без сахара и таким крепким, как укол кофеина прямо в вену, – и рухнула на стул.

– Это все из-за того, сколько он ест, черт побери. Сколько раз в сутки приходится его кормить! – улыбнулась Элеонора, эти слова не были жалобой. – Я чувствую себя шведским столом, с которого можно съесть все.

Карен едва заметно улыбнулась и снова стала серьезной.

– Как у тебя дела? Честно?

– Честно? Мне очень трудно, – призналась Элеонора. – Не пойми меня неправильно. Это большая радость, все прекрасно и так далее, но я чертовски вымоталась. Половину дня я чувствую, что лишилась мозгов. Спятила! Теряю вещи, все забываю… Я целую неделю не могла найти ключи, я уже заказала дубликаты. Знаешь, где я их потом нашла? В ящике с нижним бельем. Бог знает, как они туда попали. В общем, причин сомневаться в своей вменяемости у меня хватает.

– А Адам? Помогает?

Элеонора почувствовала, как изменился тон подруги. Они сейчас дойдут до причины ее появления здесь? Карен обычно не заглядывала в гости посреди недели, предварительно не отправив миллион сообщений и не согласовав графики. И без Би. Не то чтобы Карен и Элеонора не были близки, но они крайне редко собирались без третьей подруги. Би с Элеонорой порой встречались в неформальной обстановке, чтобы поболтать и поделиться последними новостями. Карен была занята на работе, Майкл уезжал в командировки в выходные, поэтому они редко виделись в будни.

– Адам это Адам. Ты его знаешь. Он делает то, что я попрошу. Нельзя сказать, что он ленив, но, кажется, он еще не заметил, как изменилась наша жизнь. Он ожидает, что Ной просто в нее встроится, и мы едва ли заметим его появление. И еще одно – он считает, что я весь день ничего не делаю, свободна и отдыхаю. Клянусь: он думает, что я тут просто сижу и попиваю кофе. – Она посмотрела на свою чашку и рассмеялась. – Обычно я этого не делаю.

Карен не улыбнулась. Теперь она нахмурила брови и смотрела только на Ноя. У Элеоноры сложилось впечатление, что подруга избегает на нее смотреть.

– Мы можем и дальше вести светскую беседу, говорить о всяких пустяках, если хочешь, – предложила Элеонора. – Или ты можешь прямо сказать мне то, ради чего пришла.

Карен скорчила гримасу.

– Это не так просто, Элс…

– Майкл?

– Нет, Адам.

Элеонора почувствовала, как у нее от этих слов все внутри сжалось. Карен не была склонна драматизировать события – она явно тщательно и долго обдумывала то, что собралась сказать, и это точно ее беспокоило.

– Выкладывай. – Элеонора постаралась, чтобы ее голос не звучал озабоченно, но дрожь в нем все равно ее выдала. – Что с Адамом?

Карен переложила Ноя на другую руку, растягивая мучительную паузу еще на несколько секунд. Когда она снова заговорила, ее голос был тихим, но слова прозвучали как удар.

– Я видела его с другой женщиной.

Хотя Элеонора в какой-то степени ожидала услышать именно это – что еще могло быть таким важным и одновременно трудным для сообщения подруге? – ей стало дурно. Элеонора молчала, и Карен продолжала говорить.

– Они были в ювелирном магазине в городе. Он положил ладонь ей на руку. Очевидно, что они… м-м-м… были вместе.

– Очевидно? – переспросила Элеонора, которой мгновенно захотелось отрицать услышанное. – Почему очевидно? Они держались за руки?

– Нет, но…

– Что «но»? – Элеонора заговорила выше на октаву. – Что там еще?

Карен покачала головой и впервые посмотрела прямо на подругу и вздохнула.

– Ничего. Больше ничего. Но они были вместе. Я просто знаю это.

– Ты просто знаешь это.

Внезапно Элеонора почувствовала, как на нее давит весь груз недосыпания, которое копилось минута за минутой последние двенадцать недель. Ей просто хотелось свернуться клубком под одеялом и не думать о том, что пыталась донести до нее Карен.

– Карен, ты никогда ничего не приукрашиваешь. Если есть что-то еще, скажи мне прямо сейчас. Речь не про какого-то бойфренда-подростка, это мой муж. Отец моих детей. Мне нужно нечто большее, чем «я знаю».

Ее лучшая подруга сидела на диване, прижав к себе ее маленького мальчика. Казалось, она хотела сказать ей гораздо больше. Почему же она сдерживается? Пытается защитить Элеонору? Если у Карен

имелись убедительные доказательства, то Элеонора хотела их услышать. Она не относилась к тем людям, которые держатся за робкую надежду – ей нужны были веские основания, чтобы поверить в предательство мужа, ведь она не могла позволить себе ошибиться.

– Нет, больше ничего. Все дело в том, как они вели себя вместе. Невинного объяснения этому нет. Прости, Элс, я знаю, что сейчас тебе это совсем не нужно, у тебя и так проблем выше крыши, но я не могла не сказать тебе. Ты меня ненавидишь?

Элеонора не могла заставить себя ответить, вопрос казался нелепым. Просто пол только что ушел у нее из-под ног, а Карен беспокоилась о том, будет ли Элеонора с ней дальше разговаривать после такого сообщения.

Элеонора встала и забрала сына у нее из рук.

– Я не ненавижу тебя, Карен, я просто не знаю, что думать. Ты пришла ко мне буквально ни с чем, кроме «как они вели себя вместе». Чего ты ждешь от меня? Что мне теперь делать?

Элеонора мерила шагами комнату, машинально укачивая Ноя, хотя он не только не капризничал, а вообще не произносил ни звука.

– Не знаю. Я думала, что, может, у тебя уже есть какие-то подозрения, и моего сообщения будет достаточно, чтобы ты определилась. – Карен прикусила губу. Судя по ее виду, она уже сожалела о своем решении рассказать Элеоноре об увиденном.

– Я ничего не заподозрила. И что теперь? Я должна припереть его к стенке и сказать: «Карен видела, как ты касался руки какой-то женщины»? Давай трезво взглянем на вещи. Если он и завел роман на стороне, то просто скажет, что ты ошиблась, ты видела не его, а эта женщина – коллега по работе, и мне придется в любом случае поверить ему. Я не могу разрушить свою семью только на основании твоих подозрений.

– Значит, ты признаешь, что это возможно?

– Нет! Да, мы ругаемся, порой раздражаем друг друга, но мы с Адамом единое целое. Да и когда ему найти время для интрижки на стороне?

Даже когда она произносила эти слова, в голове всплывали воспоминания о всех тех случаях, когда Адам в последние дни поздно приходил с работы или проводил время с друзьями. Она позволила себе почувствовать боль от этих видений: ее муж касается другой

женщины, целует другую женщину. Нет, она не могла позволить себе думать об этом. Не на основании того, что он стоял рядом с какой-то женщиной в ювелирном магазине.

– Прости, – вздохнула Карен. – Я должна была рассказать тебе о том, что видела, но ты права: нужно больше доказательств. Возможно, мне следовало за ним проследить, или прямо подойти к нему, или сделать что-то еще, но я запаниковала. Ты лучше меня знаешь своего мужа. Вероятно, есть совершенно невинное объяснение того, что я видела.

Элеонора мгновенно поняла, что Карен совершенно не верит своим словам. Что-то убедило ее в любовной связи Адама на стороне, хотя она отказывалась сказать, что именно. Но зачем говорить что-то, если не можешь сказать все?

– Послушай, я ценю то, что ты сообщила мне об этом. Я знаю тебя, я знаю, что ты не стала бы ничего говорить, если бы и впрямь не считала себя обязанной это сделать. Верю ли я в то, что Адам мне изменяет? Нет, на самом деле нет. Но я также верю, что ты действительно в этом убеждена настолько, чтобы сообщить мне. Поэтому я буду держать глаза открытыми и внимательнее присмотрюсь к происходящему. Но я правда ничего больше не могу сделать без доказательств.

Карен встала, определенно уловив в голосе Элеоноры намек на то, что разговор закончен.

– С тобой все будет в порядке? Я беспокоюсь из-за того, что вывалила это на тебя и сейчас сама уйду, но я догадываюсь, что Адам скоро вернется и…

«И ты не хочешь встречаться с ним лицом к лицу после того, как обвинила его в измене».

– Со мной все будет в порядке, – ответила Элеонора, стараясь, чтобы выражение ее лица соответствовало произносимым словам.

Карен поцеловала Ноя в лобик, Элеонора посадила его в детское кресло-качалку, чтобы проводить подругу.

У входной двери Карен повернулась. Она передумала и теперь расскажет Элеоноре все?

– Ты правда не замечала ничего необычного? Никаких признаков того, что кто-то побывал в твоем доме, следит за тобой и ребенком?..

– Теперь ты меня пугаешь, Карен. Нет, я не замечала, чтобы кто-то следил за мной или кем-то из моей семьи, или что Адам кого-то украдкой выпускает через черный ход, когда я возвращаюсь домой. Я рассеянная? Да. Но не настолько, чтобы пропустить такое.

– Я просто пытаюсь о тебе позаботиться, Элеонора…

– Я знаю, – резко кивнула Элеонора. – Но я теперь большая девочка, мне не нужно, чтобы ты вмешивалась. Позволь мне самой разбираться со своей семьей, хорошо?

– Конечно, – буркнула Карен себе под нос. – Я люблю тебя.

Но Элеонора уже закрыла дверь.

Глава 22

Элеонора

Элеонора прислонилась к входной двери и выдохнула. До этой секунды она боялась даже дышать. Она так устала, что глаза просто закрывались, но она не могла позволить усталости победить. Она неподвижно стояла секунду или две, прислушиваясь, не начнется ли плач, который обычно сопровождал ее уход из комнаты. Ничего не услышав, она побежала наверх, перепрыгивая через две ступеньки, пересекла лестничную площадку и ворвалась в их с Адамом спальню. Она резко раскрыла дверь, и та ударилась о стену так громко, что Элеонора сжалась от этого звука.

Она не знала, что ищет, но в любом случае времени на поиски оставалось мало. Если учесть, что до недавних пор только она одна занималась наведением порядка, у Адама просто не могло быть большого количества тайников. Но некоторых мест она не касалась, например ящиков в его прикроватной тумбочке. Она действовала быстро и суматошно, вытаскивая невинные вещи мужа: зарядка для телефона, запасная лампочка, пульт дистанционного управления для док-станции, давно отправленной на свалку. Никаких писем от тайной любовницы, никаких запасных телефонов, никакого кружевного нижнего белья или счетов за роскошный гостиничный номер. С тем же результатом она обшарила его карманы и поискала под кроватью. Ничто не давало повода заподозрить его в том, что он не любящий муж и отец. Слова Карен это тоже не опровергало, но не нашлось ничего, что она могла бы предъявить мужу.

«Что ты делаешь? – спросила она сама себя, опускаясь на пятки. – *Ты на самом деле думаешь, что Адам тебе изменяет?»*

Она попыталась представить, как ее муж вместе с другой женщиной подыскивают ювелирное украшение, как он нежно опускает ладонь на ее руку, когда она выбирает для себя утешительный приз. У нее в голове пронеслась еще одна мысль. Адам ее бросит? Ей стало тошно, когда она совершенно четко поняла, что даже если найдет доказательства измены Адама, она не станет их ему предъявлять. Она не сможет, потому что это заставит его сделать выбор. А если он выберет не ее?

Глава 23

Сейчас

Что вы почувствовали, когда поняли, что Элеонора и есть та жена, которую презирает Джессика?

Если честно, я была просто в замешательстве. Я не говорю, что не верю в случайные совпадения, но то, что из всех психиатров Джессика выбрала именно меня, нельзя было назвать случайностью. Это было бы уж слишком. Вначале я думала, что она пытается вынудить меня рассказать все Элеоноре, чтобы та бросила его. Но такое было просто невозможно – врачебная тайна. Это запрещено!

Но не тогда, когда вы считаете, что кто-то в опасности.

Все правильно. Вначале я гадала, не говорит ли она мне все эти ужасные вещи, чтобы не оставить мне другого выбора, кроме как рассказать Элеоноре. Я никогда не думала, что она начнет делать то, что говорила. Мне следовало бы действовать быстрее.

Что произошло после того, как вы наконец рассказали Элеоноре об увиденном?

Вы знаете, что произошло. Она мне не поверила.

Вам стало обидно?

Нет, она просто ушла в отрицание. Кроме того, я все равно не могла сообщить ей, что Джессика моя пациентка или пересказать ей наши разговоры. У меня не было других доказательств, которые я могла бы ей представить, кроме того, что я видела, как ее муж стоит рядом с девушкой в магазине.

Что вы решили предпринять?

А что я могла сделать? Мне пришлось ждать ее следующего шага. Вы утверждаете, что мне следовало сделать больше? Что это моя вина?

Я этого не говорила. Вы чувствуете, что это ваша вина?

Конечно, чувствую. Мне следовало сделать больше. Я просто не знаю, как я могла бы понять после одной встречи с ней, на что она способна. Я не имела представления о том, кто она на самом деле. А когда я пыталась их предупредить, они меня не слушали. Они мне не верили. Я сделала все, что могла. Я только хотела их защитить.

Как делали всегда.

Вот именно. Значит, вы меня и впрямь понимаете.

Глава 24

Элеонора

Элеонора лежала на диване, пристроив голову на коленях у мужа. Оба они уставились в экран телевизора, хотя если бы кто-то спросил у нее название той бессмысленной чуши, которую они смотрели, она не смогла бы ответить. Она не знала. Ее тело казалось тяжелым от усталости, которая копилась день за днем, но мозг не переставал работать с минуты пробуждения в пустой кровати в полной тишине дома.

Тишина как в могиле. Так ведь, кажется, говорят? Казалось, именно этого она ждала. Ной впервые со дня своего рождения не просыпался всю ночь, значит, она отдыхала целых девять часов, она даже не просыпалась в холодном поту среди ночи и не проверяла, дышит ли он, как бывало в прошлом, когда ребенок не просыпался каждые три часа. Было очевидно, что ей стоит уже отдохнуть. Если бы она спокойно проснулась, никуда не торопясь, и, потянувшись в сторону, наткнулась бы на сладко посапывающего рядом с ней Адама, придвинулась бы к нему поближе, подлезла бы ему под руку, как делала до появления в их жизни маленького дьяволенка, то это было бы идеальным началом дня. Вместо этого она проснулась резко и не смогла понять, что же ее разбудило. Вероятно, это Адам отправился в туалет, но когда она потянулась к его подушке, чтобы устроиться на ней, то обнаружила, что его сторона кровати холодная, а его телефона нет на прикроватной тумбочке.

Она буквально вытянула себя из кровати и приоткрыла шторы. Его машины не оказалось на подъездной дорожке. Проклятье – сейчас позднее, чем она думала? Грудь болела от веса накопившегося молока, но снаружи все еще было темно. Хотя в эти дни все время казалось, что темно, ведь зима вступала в свои права. Может, Адам повез Тоби куда-то завтракать? Они тихо выскользнули из дома, чтобы дать Элеоноре и Ною спокойно поваляться в кровати? Ведь они это заслужили. Мысль показалась настолько великолепной, что она разочаровалась, проверив время на телефоне – пять минут восьмого. Они никак не могли встать так рано и уйти. Вначале Элеонора почувствовала опустошенность, затем беспокойство. Где Адам? Вчера

вечером он не упоминал, что ему надо пораньше на работу, а он никогда не поднимался до звонка будильника в семь сорок пять. Сколько раз она не могла уснуть до шести часов после кормления в два ночи и молилась, чтобы он физически почувствовал это, пробудился от глубокого сна и взял на руки Ноя, а она сама заползла бы в кровать, чтобы поспать еще полтора часа. Но Адам ни разу не открыл глаза, пока не зазвонит будильник.

Элеонора набросила халат, сунула ноги в тапочки, прошлепала по площадке на втором этаже и вниз по лестнице, одним глазом посматривая на экран видеоняни. Третья ступенька снизу издала свой фирменный стон. Элеонора все еще надеялась, несмотря на отсутствие машины на подъездной дорожке, застать Адама в кухне с накрытым на столе традиционным английским завтраком. Но в нижней части дома оказалось так же тихо, как и наверху.

С трудом сдерживая нарастающую панику, она два раза набрала номер Адама, попутно занимаясь обычными утренними делами – поджарила тост, выложила кашу для Тоби в тарелку и все это время держала телефон между плечом и ухом. Когда она сдалась и бросила трубку на кухонный стол, из динамиков видеоняни стали доноситься тихие недовольные звуки, напоминающие радиопомехи.

Адам, как обычно, перезвонил именно в тот момент, когда Ной заорал в полный голос, в панике от того, что проснулся в одиночестве и, вероятно, изголодался после целой ночи без молока. Где, черт побери, она оставила телефон? Она держала его в руке всего четыре минуты назад… Да, в кухне. Она подхватила Ноя и побежала туда, но как только добралась до трубки домашнего телефона, тот прекратил звонить. И тут же она услышала мелодию звонка мобильного наверху. К тому времени, как она ответила, личико Ноя приобрело красновато-коричневый оттенок, а Элеонора устала и рассвирепела.

– Ты где? – Она тщетно попыталась скрыть раздражение.

– Я рано проснулся и не мог больше заснуть. Подумал, что лучше сходить в спортзал, чтобы не разбудить тебя и детей.

– В спортзал?

Адам не ходил в тренажерный зал больше года, а сегодня утром вдруг превратился в мистера Мотиватора?[15]

– Ну, я же говорил тебе, что хочу снова начать.

Да, он это упоминал. Один раз. Элеонора тогда ответила ему, что если он хочет возобновить тренировки, то ему придется ходить в спортзал до работы – дети и так скучают по нему по вечерам. Просто она не ожидала, что он на самом деле туда пойдет.

– А тебе не пришло в голову, что если ты рано встал, то можно было бы сделать что-то из домашних дел или собрать Тоби в школу, как это сделала бы я?

Адам вздохнул, и Элеонора представила, как он потирает лицо.

– Элеонора, я не хочу ругаться. Мне просто хотелось выделить какое-то время для себя.

– Время для себя? – рассмеялась она.

– Мы это уже обсуждали. Работа не считается. Я не трачу это время на себя. У тебя есть твои пятницы. А что есть у меня?

Ей хотелось спросить, чем его не устраивает время с ней, или заметить, как было бы хорошо для разнообразия просыпаться в одной кровати. Ведь в последнее время он спускается утром вниз и находит ее отключившейся и пускающей слюни на диван. Но Ной уже охрип от крика, требуя свой завтрак, а Тоби уже чем-то громыхал в кухне. Она могла только представить, какой беспорядок он устроил там, наливая молоко в чашку с хлопьями.

– Хорошо, желаю удачного рабочего дня, дорогой. Я люблю тебя.

*** * ***

Во всем была виновата Карен. Если бы она не сказала, что видела Адама с какой-то девушкой, Элеонора не стала бы размышлять весь день, на самом ли деле ее муж был в тренажерном зале, и прикидывать, как ей выяснить, сказал ли он ей правду. В голову приходили разные варианты. Например, позвонить в спорткомплекс, сказать, что он потерял пропуск, и спросить, не пользовались ли им. Это было рискованно – они выдадут новый и, вероятно, сообщат ему о звонке. Или позвонить якобы из полиции с просьбой просмотреть записи с камер видеонаблюдения. И она поняла, что не просто фантазирует. Та Элеонора, которая жила в этом доме еще на прошлой неделе, не стала бы двигать и переворачивать все в доме под видом уборки, чтобы найти доказательства измены мужа. Определенно она не

стала бы проводить сорок минут в интернете в поисках оборудования для прослушки телефонов – на всякий случай. Ей следовало забыть о подозрениях Карен и сосредоточиться на том, чтобы самой не разрушить свой брак.

* * *

Элеонора увидела, что Адам ожидал ссоры, когда вернулся вечером домой, но она очень устала – или просто боялась ее последствий, поэтому не сделала ему такого одолжения. Последнее, что ей хотелось, – это прямо спросить его, изменяет он ей или нет. А если он признается? Все в их жизни перевернется с ног на голову, и ей придется решать, что с этим делать. Сегодня вечером она была к этому не готова, а может, и не будет готова никогда. И все же на самом ли деле она относится к тому типу женщин, которые игнорируют связь мужа на стороне? Это слабые, бесхребетные женщины, бесхарактерные, лишенные внутренней силы. Элеонора никогда не была такой. Она испытывала ненависть и отвращение к людям, которые врут и изменяют. Если ты поступаешь так с тем, кого, как предполагается, любишь, то что ты за человек? Если они с подругами обсуждали изменяющих партнеров, она всегда первой твердо высказывалась по этому поводу – если Адам когда-нибудь ей изменит, она тут же разорвет отношения с ним. Сейчас ей было почти стыдно за ту женщину – она ничего не знала про настоящую жизнь и сложности брака. И оказывается, реальность совсем не черно-белая.

Они вымыли детей и уложили их в кровати, едва перекинувшись парой слов. Выходя из детской Ноя, Элеонора остановилась у двери в комнату Тоби и послушала разговор отца и сына о том, как прошел день в школе. Почему с Тоби было так легко, а с Ноем теперь так трудно? Да, ситуации тогда и сейчас разные, но ведь после рождения Ноя их связь с Адамом должна была укрепиться. Теперь появился их общий ребенок – тот, кого они создали вместе, без секретов, без лжи. Все должно было стать проще.

На улице стояла тишина, если не считать время от времени проезжавшие машины, которые заворачивали то к одному, то к другому соседнему дому и парковались там. Теперь, когда Адам понял,

что никакого скандала не ожидается, он казался более расслабленным, и все равно Элеонора почувствовала, как он напрягся, услышав шум за окном.

– Что это? – спросила Элеонора, приподнимаясь на диване. Адам не отвел глаз от экрана телевизора.

– Что «что»?

– Ты же слышал что-то снаружи. В кустах. Я тоже это слышала.

Адам наклонился к окну и на дюйм отодвинул в сторону занавеску, выглянул в темноту.

– Там никого нет. Наверное, птица.

– Это не птица, черт побери. Ты не собираешься сходить и проверить?

Он скорчил гримасу.

– Пойти посмотреть на человека, прошедшего мимо дома? Что с тобой не так?

Слова обожгли как пощечина. Не «что с тобой?», а «что с тобой не так?». Как будто все их проблемы можно по Фрейду свести к сумасшедшей матери, а не постоянно отсутствующему, и, возможно даже, распутному мужу. *«Он исчезает среди ночи, а что-то не так со мной?»*

Он знает, кто там? Именно поэтому он и отказывается пойти и проверить? У Элеоноры в голове прозвучали слова Карен, причем так четко, словно подруга сидела рядом с ней: *«Ты правда не замечала ничего необычного? Никаких признаков того, что кто-то побывал в твоем доме, следит за тобой и ребенком?..»*

Элеоноре стало дурно от одной этой мысли. Она никого не замечала, но могла ли? Она постоянно занята, ее внимание сосредоточено на одном или другом ребенке. Заметила бы она, что кто-то идет за ней или наблюдает издалека? У Карен, вероятно, имелась веская причина, чтобы это сказать. Что ей известно?

Но шум за окном был никак не связан с этим. Вероятно, как и сказал Адам, кто-то вывел собаку или дети возвращались домой из парка. Ничего больше. Ведь если бы Адам знал, что там кто-то есть, он бы с этим разобрался. Он никогда не допустит, чтобы его семья оказалась в опасности.

Глава 25

Я отправилась к ней домой.

Затем я сидела в машине, поставив ее на обочине в конце улицы. У меня все кипело внутри из-за моей глупости, из-за наплевательского отношения к правилам, которые я сама и установила. *«Твоя жизнь определяется правилами, которым ты поклялась следовать,* – говорила я себе сквозь стиснутые зубы. – *Если ты от них откажешься, ты потеряешь все. Все вокруг тебя может рухнуть, твоя жизнь превращается в снежный занос, но он способен перерасти в лавину, которая погребет тебя под собой».* Презрение к себе самой пузырилось внутри, как гудрон на раскаленной дороге, но его вызвал не страх быть пойманной. Если худшее из того, что вообще может случиться с тобой, уже произошло, то бояться подобного так же смешно, как бояться чудовища под кроватью. Меня не поймали. Но я потеряла контроль над собой.

Этот дом был настолько не похож на мой, насколько отличались наши с ней жизни. Он казался гостеприимным и притягивал, словно магнит. Даже когда там никого не было, внутри почти ощущался запах свежеиспеченного хлеба и слышались звуки мимолетной детской ссоры. Звуки, которые душили его, не давая вздохнуть, – напоминала я себе.

На подъездной дорожке не было никаких машин, но я все равно приближалась с опаской. Мне не хотелось торопиться. Я не искала здесь ничего конкретного, я просто хотела посмотреть.

На протяжении всего пути я зажимала ключ в кулаке. Он нагрелся и так удобно лежал в руке, что я посчитала это молчаливым подтверждением правильности моих действий. Давно пора было это сделать, я же не могла вечно ее избегать. Я ожидала, что ключ откажется поворачиваться в замке, не захочет предавать хозяина, не захочет пускать врага через порог, но он легко проскользнул в замочную скважину и повернулся без сопротивления с первого раза. Секунду я держалась за ручку двери, а мой разум словно застыл в точке между до и после. Я все еще находилась ближе к «до»; все еще оставалось время развернуться и уйти отсюда, ничего не нарушив. В ту минуту, когда я толкну дверь, наступит «после», и в какой-то

момент мне придется задуматься о возможных последствиях – как далеко я могу зайти по этой скользкой дорожке и удастся ли мне вернуться оттуда, куда все это приведет.

Но я знала себя и, даже когда колебалась, знала, что не пришла бы сюда, если бы на самом деле не намеревалась перешагнуть через порог. Какая-то часть меня, большая часть, хотела, чтобы она оказалась внутри, не оставив мне никакого шанса, но я стояла здесь, а дом был пуст. Лучше покончить со всем, сорвать пластырь, не задумываясь о том, какую боль это может причинить.

В коридоре было только самое необходимое: полка для корреспонденции, крючки для верхней одежды – на каждом висело пальто или куртка. Я отвернулась от разорванных белоснежных конвертов, лежащих сверху, и еще не прочитанных писем, которые положили вниз, потому что спешили в школу. От того, что я увидела его имя на них в этом месте, так ему не подходящем, у меня в животе все неприятно сжалось.

Я сняла его куртку с крючка. Это была тяжелая вощеная куртка, дорогая и удобная, из тех, которые носят, чтобы выгулять собак в сельской местности холодным воскресным днем. Темно-зеленая, с черной кожаной оторочкой по внутренней стороне ворота. Я поднесла ее к лицу и сделала глубокий вдох, запах наполнил мои ноздри как яд. Дорогой лосьон после бритья напомнил мне про пустующую половину моей кровати – про то, как я разбрызгивала его по подушке, чтобы вдыхать запах Майкла, пока его нет, так я могла притворяться, что он все еще со мной, когда закрывала глаза. Она делает то же самое?

В моих воспоминаниях о запахе чего-то не хватало, что-то было еще, когда он был со мной. Сигаретный дым. Я ощутила триумф в душе – это была маленькая победа, но важная. Здесь он не курил, здесь ему приходилось казаться лучше. А со мной он мог чувствовать себя свободным, он мог быть настоящим, самим собой.

Я прогуливалась по дому как призрак, как эхо, я, можно сказать, почти не находилась здесь. Я вдыхала суть той, другой женщины. У меня появилось ощущение, будто моя голова находится под водой; осознание того, во что превратились наши жизни, утяжеляло каждый мой шаг.

Я оказалась в ее спальне, раскрыла зеркальные дверцы шкафа и стала медленно перебирать висевшую в нем одежду. Когда мои пальцы

скользили по шелку и кашемиру, плотной шерсти и другим дорогим по виду тканям, один джемпер привлек мое внимание. Мягкий, шерстяной, василькового цвета, с V-образным вырезом. Я сняла его с вешалки и прижала к лицу – пахло «Ленором» и немного жасмином, но несмотря на другой запах, он был в точности такой же, как и джемпер, который висел в другом шкафу, в другом доме на приличном расстоянии отсюда.

Я натянула джемпер через голову; он сел идеально, но показался теплее моего. Вся эта жизнь казалась теплее моей. Я не говорю, что эта женщина была гораздо лучше обеспечена финансово; просто ее жизнь, казалось, была расцвечена палитрой разнообразных красок, а моя состояла из оттенков серого.

На комоде стояла косметика. Я не могла себе представить, где она находит время на то, чтобы накраситься. Для кого ей прихорашиваться? Точно не для него – если бы она прилагала для него чуть больше усилий, я, возможно, вообще не оказалась бы здесь. Я взяла в руки тюбик помады и открыла его – сдержанный коралловый цвет. Сдержанность казалась идеальным словом для описания ее самой, хотя она, несомненно, выбрала бы слова «стильный» и «спокойный». Стоя перед зеркалом, я провела помадой по губам, нанесла розовые румяна на яблочки щек, а потом тронула тушью ресницы, те самые ресницы, которыми мне лишь слегка нужно было похлопать перед ее мужем. Чувствовала ли я свое превосходство над ней в эту минуту? Вероятно, да. В конце-то концов он же выбрал меня. Со мной он был не из-за чувства долга и обязательств перед детьми; он был со мной, потому что ему это нравилось.

Я открыла один из ящиков и провела пальцами по атласному нижнему белью, спрятанному под мам-джинсами. Я достала и разложила пару бледно-розовых трусиков поверх остальных вещей. Мои пальцы автоматически потянулись к пуговице на джинсах, я расстегнула ее, затем молнию и спустила их на пол, одновременно стягивая и свои трусы. Стоя в полуголом виде в чужом доме, я натянула на себя вещь из жизни другой женщины. Ее нижнее белье свободно повисло у меня бедрах, и мне стало приятно. Я рассматривала себя в зеркальных дверях шкафа так, словно наблюдала за кем-то другим в доме, где этот человек был своим.

Я побрызгала ее духами себе на запястья, потом потерла ими шею, сделала вдох, втягивая тот запах, которым дышал он, когда утыкался лицом в *ее* шею. Я раскрыла шкатулку и достала пару серег с бриллиантами, вставила в свои уши. Женщина в зеркале с восхищением рассматривала их – они ей шли. Эта жизнь подходила ей. С каждой следующей секундой, которую я проводила в этом доме, в ее одежде, прикасаясь к вещам, которых касалась она, я чувствовала, что мы становимся теснее связанными, сплетаемся вместе, словно, находясь здесь, я переписывала нашу судьбу.

Кровать растянулась на всю комнату – главная декорация в этом самодельном театре. Я улеглась на чистое хлопковое белье, вытянула ноги и положила голову на шикарную подушку. Я свернулась в позе эмбриона, представляя, как они вдвоем лежат здесь, как сплетаются их руки и ноги, когда они отдыхают, удовлетворенные после соития. Снаружи хлопнула дверь машины, но мой разум едва ли отреагировал на это. Я знала, что теперь в любую минуту может открыться входная дверь, меня здесь застанут, но все равно я не могла пошевелиться. Было ощущение, будто все мышцы моего тела решили заставить меня остаться здесь, в этом месте и в это время. Пусть меня здесь найдут. Кому придется больше всего объяснять?

Но дверь не открылась. Никто не вошел.

Женщина в зеркале отстраненно, хотя и с интересом наблюдала за женщиной на кровати, за тем, как она завела большие пальцы за свободно висящую резинку атласных трусиков, чуть спустила их – достаточно, чтобы проскользнуть рукой внутрь, и начала ритмично работать ей. У нее приоткрылись губы, дыхание участилось, когда пальцы стали давить сильнее. Теперь они двигались быстрее, более настойчиво, женщина в зеркале закрыла глаза, и одновременно женщина на кровати откинула голову назад и позволила накатить волне наслаждения. Волна была мягкой, не взрывом, но все равно опьяняющей, кружащей голову и лишающей сил одновременно.

* * *

Когда мои глаза раскрылись, мне показалось, что все не так. Я не знала, сколько времени находилась там, сколько пролежала на кровати,

на которой они спали вместе в его собственном доме, но точно знала, что дольше мне находиться здесь нельзя. Пока я не была готова к тому, чтобы разобраться с этой ситуацией, я была еще не так сильна. Но я чувствовала, что могу стать достаточно сильной.

Я закрыла за собой дверь, оставив внутри ту, другую жизнь. Уходила я медленно, но мои шаги теперь стали легче, словно часть меня осталась на той двуспальной кровати со сбитыми простынями. В машине я поднесла руку к уху, дотронулась до крошечного бриллианта. Трогая машину с места и отъезжая, я притормозила, чтобы пропустить другую машину. Женщина, отразившаяся в зеркале, даже не удосужилась поднять руку в знак благодарности.

Глава 26

Элеонора

Это была плохая мысль, появившаяся от отчаяния: вечер-свидание. Его предложила Элеонора, Адам поддержал, хотя было ясно, что его пугает перспектива сидеть за столом напротив жены и вести светскую беседу, в которую нельзя включать ничего из «кто-что-кому-сказал» и «кто-все-это-начал». Они вернулись домой так рано, что даже мать Элеоноры с удивлением посмотрела на них, когда они вошли с совершенно трезвыми и серьезными выражениями лиц. А раньше, возвращаясь со свидания, они бы хохотали как подростки.

Адам практически сразу же предложил отвезти ее маму домой, а Элеонора позволила себе на секундочку задуматься, не пытается ли он избавиться от тещи для того, чтобы они уютно устроились на диване, прижавшись друг к другу, может, включили бы какой-то фильм или одну из тех программ, которые нравились им обоим. Но она спустилась с небес на землю, когда Адам, направляясь к входной двери, объявил, что по пути назад заглянет к Крису: он обещал тому посмотреть компьютер, а раз ему все равно нужно выйти из дома… Вот она – реальность.

Элеонора сказала себе, что не будет плакать.

*** * ***

Она лежала в кровати и пыталась спать – нужно пользоваться любой возможностью до того, как Ной проснется и яростно заорет от голода, – когда услышала, как ключ Адама поворачивается в замке входной двери. Элеонора пошарила рукой на тумбочке в поисках телефона. Глазам стало больно от яркого света экрана. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы понять, сколько сейчас времени: двенадцать часов сорок пять минут. Прошло больше трех часов с тех пор, как Адам отвез ее мать домой и отправился чинить компьютер друга. Почему он так задержался? Элеонора лежала без сна и ждала его, но он не отправился сразу в кровать. Она услышала, как

открылась дверь в ванную, а потом в душе полилась вода. Мыться в такое время, ночью? Ему в любом случае вставать через несколько часов, а он обычно первым делом принимает душ. Когда Адам наконец толкнул дверь в спальню, то удивился, увидев, что она не спит.

– Прости, дорогая. Не хотел тебя разбудить. Как мальчишки себя вели?

– Крепко спят, – ответила она нейтральным тоном. – Компьютер починил?

Последовала небольшая заминка, и только потом муж ответил:

– О да, а потом заболтались – ну, Крис жаловался на жизнь. Ты же его знаешь.

Элеонора не знала – они с ним виделась всего пару раз за шесть лет отношений с Адамом, – но ничего не сказала. Сегодня ночью она не хотела еще одного скандала.

Адам проскользнул в кровать рядом с ней, и Элеонора инстинктивно придвинулась поближе, отдавая свое тепло его холодному телу. Адам ответил – обнял ее и поцеловал в макушку. Прошло несколько месяцев с тех пор, как они занимались любовью, – еще до рождения Ноя. После родов этого не стоило делать, потому что у Элеоноры долго все болело и было сильное кровотечение, но она не удосужилась сообщить, что врач уже почти месяц назад разрешил ей возобновить половую жизнь. Она чувствовала себя такой изможденной, налитые молоком груди казались очень тяжелыми, а живот после родов она постоянно стягивала совсем не привлекательным нижним бельем, причем пока еще того же размера, что и во время беременности, поэтому половая жизнь не занимала верхних строк в ее списке дел. Если честно, она не занимала *вообще никакого* места в этом списке. Адам проявлял терпение, не давил на нее, ожидая от нее сигнала, но сейчас, поздно ночью, ей показалось, что для нее чрезвычайно важно заняться с ним любовью. Элеонора запустила теплую руку в пижамные штаны, которые он теперь стал надевать, и начала медленно ласкать его, при этом нежно целуя его в ключицу. Она почувствовала, как его тело ответило, и сразу же занервничала и почувствовала возбуждение одновременно, словно у них это происходило в первый раз. Но затем Адам положил руку на ее кисть – уверенно и нежно – и остановил ее движение.

– Не сегодня, малыш. Я просто без сил.

Шок от того, что ее отвергли, оказался сокрушительным. Элеонора не помнила ни одного случая за все время их отношений, чтобы ее муж отказался от секса – независимо от того, как они устали или как злобно ругались. У нее от стыда навернулись слезы, они жгли глаза, и она благодарила бога за то, что Адам не видит ее в темноте. Она резко убрала руку, словно ее обожгло, и чуть заметно кивнула.

– Конечно. Поспи, увидимся утром.

– Хорошо, любимая. – Он не понимал, как она обижена, снова поцеловал ее в макушку и повернулся к ней спиной. – Спокойной ночи.

Элеонора попыталась ответить, но слова застряли у нее в горле, она только сильно зажмурила глаза. Вскоре она услышала ровное дыхание Адама, который уснул, пока она сама лежала без сна в темноте.

Глава 27

У меня было такое ощущение, будто в моем теле поселилась тысяча невидимых насекомых, и я чесала руки, раздирая их ногтями, чтобы только избавиться от зуда. Я не могла просто сидеть и гадать, что они делают, в голове снова и снова крутились слова: «*Почему они не понимают? Почему они не видят угрожающую им опасность? Почему они все такие близорукие?»*

А если поймут – нет, *когда* поймут, – что тогда произойдет? Что мне нужно будет делать? На самом деле так далеко в будущее я не заглядывала. Мне не хотелось тратить время на рассуждения о последствиях моих действий. Последствия не всегда предсказуемы, а мой разум не занимало то, что я не могла держать под контролем, – это было запрещено.

Я ходила взад и вперед так много, что икры заболели, из-за постоянного напряжения все мое тело казалось негнущимся, я все время оставалась настороже. Я была словно сжатая пружина в ожидании чего-то, какого-то триггера, высвобождения. У меня в сознании возник образ змеи, спрятавшейся в высокой траве, и я быстро заменила его на их образ – они смеются, чокаются бокалами после того, как обсудили мелкие неудобства, мешающие им жить. Они празднуют, и могут себе это позволить, потому что те мелочи, на которые они жаловались друг другу почти каждую неделю, не были настоящими проблемами. Это были незначительные раздражители, о которых вспоминали, чтобы вызвать друг у друга улыбку. О них говорили вслух, чтобы напомнить себе, как хорошо, что у них только такие крошечные поводы для беспокойства. Они блаженные и счастливые. Они ничего не знают про боль и разбитые сердца, и про демонов, мучающих людей, которые живут в другой реальности. Их жизни – это посыпанные сахаром версии жизней тех людей, которым повезло меньше.

Мне так хотелось поднести зеркало к их реальности, будто взятой из сериала «Я люблю Люси», чтобы они увидели ее со стороны, но все же какая-то часть меня еще хотела защитить их и сохранить им эту жизнь. Я страшно хотела, – больше всего на свете, – такой жизни, в которой я могла бы отключаться, как только дети улягутся спать, и

сворачиваться в объятиях мужа, только моего, на самом деле моего мужа, и увлеченно смотреть телешоу «Большой брат со звездами» или «Лучший пекарь Британии». Мне страшно хотелось снять телефонную трубку и поделиться моими жалкими страхами и мелкими неудобствами с людьми, у которых в жизни нет ничего более серьезного, чем начальник, которого они считают придурком и самодуром. Мне отчаянно хотелось беспокоиться только из-за пустяков вроде некупленного молока или страдать лишь из-за того, что приходится менять миллион описанных и обкаканных подгузников моему идеальному ребенку в моем идеальном доме. Мне не хотелось, чтобы зловонный яд, который бежал по моим венам, был первым, о чем я думаю, просыпаясь по утрам.

Но разум – удивительная и пугающая машина. Я напоминала себе маленького Альберта[16] с его страхом перед мохнатыми белыми крысами, я жила долгие годы с внушением, что я глупый и плохой человек, которому нельзя доверять. Я была запрограммирована видеть бесполезного и ни к чему не пригодного человека, когда смотрела в зеркало. И моя жизнь по законам самоисполняющегося пророчества стала именно такой. Жизнь без будущего. Поэтому я держалась за то, что имела, – разве удивительно, что я хотела все это защитить? Вы бы поступили точно так же, если бы оказались на моем месте.

Тьма снаружи была всепоглощающей и незыблемой, и все же я почувствовала себя комфортно, когда вышла из двери черного хода и позволила ночи окутать себя. Я в наибольшей степени чувствовала себя настоящей, когда находилась в одиночестве в темноте. Мои ноги двигались автоматически, тело знало, куда я хочу пойти, лучше, чем разум. Поэтому, когда я оказалась перед домом Элеоноры и Адама и уставилась на окно комнаты, в которой, как я знала, спал малыш Ной, я нисколько не удивилась.

Глава 28

Би

Был субботний вечер, а Би сидела дома. Одна. После шестнадцати лет упорной работы над собой, чтобы вернуться к нормальной жизни, она чувствовала, как соскальзывает назад в прошлое и опять становится испуганной девушкой-подростком, которая просыпается в своей кровати одна, и у нее все болит. Осознавая это, она впадала в оцепенение.

– Беатрис Баркер, тебе нужно взять себя в руки, – пробормотала она себе под нос, выключая девчачий фильм как раз на той минуте, когда ветреная особа женского пола и невероятно красивый мужчина с ослепительно белыми зубами поняли, что искали именно друг друга. Неудивительно, что представления девочек-подростков об отношениях так отличаются от реальности. Девушки в таких фильмах всегда очаровательны и идеальны, и даже их недостатки кажутся чертовски милыми.

В ее озлобленный внутренний монолог ворвался звук дверного звонка. Она никого не ждала, но даже встреча с Джеффом, странным типом, отвечающим за техническое обслуживание здания, казалась предпочтительнее вечера в одиночестве. Боже, жизнь совсем не кажется отличной штукой, если ты молишься об утечке газа, чтобы просто оказаться в чьем-то обществе.

Но когда Би распахнула дверь квартиры, оказалось, что пришел совсем не мастер на все руки Джефф, чтобы проверить ее трубы, – на пороге стояла Карен. И она принесла пиццу.

– Спецдоставка, – улыбнулась Карен и вручила коробку Би. Та поднесла ее к носу и сделала глубокий вдох.

– Что ты здесь делаешь?

– Майкл в командировке. Мне стало одиноко.

Би подозрительно посмотрела на подругу.

– А твое появление здесь случайно не имеет отношения к разговору, который у меня совсем недавно состоялся с некоей Элеонорой Уитни?

У Карен хватило такта принять виноватый вид.

– Да, Би, она мне рассказала. Не надо на меня так смотреть! Она о тебе беспокоилась. Она сказала, что ты это очень болезненно восприняла. Не беспокойся, я не расстроилась из-за того, что ты поделилась с ней, а не со мной. – Говорила она непринужденным шутливым тоном, но Би достаточно хорошо знала Карен, чтобы понять: она раздражена. – Хотя в последнее время вы проводили слишком много времени вдвоем.

Би съежилась. Она не могла объяснить Карен, почему они с Элеонорой собирались только вдвоем, без нее, и ей не удалось достаточно быстро придумать оправдание. Не то чтобы они никогда не встречались неполным составом – Карен сейчас пришла сюда одна, так ведь? Но из-за планирования вечеринки Элеонора и Би проводили без Карен больше времени, чем обычно. К счастью, Карен и не ждала никакого оправдания, она, как предположила Би, просто дала ей знать, что обратила на это внимание.

– Элеонора считает, что тебе следует рассказать Фрэн о случившемся.

Би не могла не обратить внимания на тон, которым это было сказано. Дело в том, что Фрэн не ошибалась насчет Карен. Ее лучшая подруга не жаловала ее сестру, и когда они были подростками, никогда не упускала возможности указать на недостатки Фрэн, особенно в ее поведении по отношению к младшей сестре. Именно Карен убедила Би не рассказывать Фрэн про то, что произошло у нее с Кираном Ресслером. По словам Карен, она не хотела, чтобы та сделала что-то безрассудное и у нее возникли неприятности из-за Би. Хотя нелюбовь была взаимной. При упоминании Карен Фрэн всегда меняла тон голоса и обязательно закатывала глаза. Карен считала Фрэн непредсказуемой, этаким пистолетом, снятым с предохранителя, который может выстрелить в любой момент. А Фрэн считала, что Карен вся такая правильная, строгая и скучная – как будто кол проглотила. Би объясняла это тем, что они ревнуют ее, но не могла не думать, что все это связано с сестрой Карен, которая умерла, когда они были совсем маленькими детьми. Понятно, что она завидует Фрэн из-за того, что у нее есть Би, но это же не повод ее не любить. Би не могла изменить тот факт, что у нее была сестра, а Карен точно так же ничего не могла поделать с тем, что у нее сестры не было.

Она пожала плечами, пытаясь этим жестом изобразить беспечность и безразличие.

– Просто я испытала шок. Я ждала книгу о женщине, которая обнаруживает, что книга, которую она читает, написана о ней, а достала из пакета книгу о себе самой. – Она усмехнулась. – Какая ирония, правда? Мне даже в голову не пришло, что я могу получить такую книгу.

– А ты ее получила? – спросила Карен.

– Ты про что?

– Другую книгу ты получила?

– О да, она пришла на следующий день. Я еще не открывала ее, но ты можешь взять ее у меня после того, как я сама прочитаю.

– Спасибо. – Карен теперь доставала тарелки и салфетки в кухне, но тут остановилась и посмотрела на Би. – Знаешь, что пришло мне в голову? Если ты все-таки получила книгу, которую заказывала, то это никакая не путаница. То есть я хочу сказать, что они не ошиблись при отправлении посылки.

Она принесла поднос и поставила его на кофейный столик, затем села на диван, поджав под себя ноги, и потянулась за куском пиццы.

Би замерла на месте, не донеся до рта свой кусок, который уже взяла в руку.

– А я о таком и не подумала. Боже, ты считаешь, что кто-то прислал ее мне специально? – От подобной мысли у нее к горлу подступила тошнота, и Би бросила пиццу назад в коробку. – Ты считаешь, что это он?

– Нет, – быстро ответила Карен, наклонившись и опустив руку на колено подруги. – Нет, Би, я так не думаю. Во-первых, – Карен села как раньше и отогнула один палец, – он не знает, где ты живешь.

– Я живу в том же городе, где выросла, в четырех улицах от моих родителей. Меня едва ли можно считать Усамой бен Ладеном.

Карен отогнула второй палец.

– Хорошо, второе: прошло шестнадцать лет, и ты за все эти годы от него ни разу ничего не слышала. Три, – продолжила Карен до того, как Би успела что-то вставить, – мы с тобой обе знаем, что случилось с Кираном Ресслером. После того несчастного случая у него серьезно поврежден головной мозг. Он никогда больше не сможет ходить. И

последнее, о чем он сейчас думает, – если он вообще способен хоть на одну связную мысль в день, – это отправка тебе книг.

Смысл сказанных Карен слов до нее дошел через секунду, хотя в большей степени Би помогли расслабиться не сами слова, а то, как Карен их произнесла. Она не говорила для того, чтобы убедить или подбодрить и успокоить; она просто констатировала факты: хочешь – принимай, не хочешь – не надо. Она была абсолютно убеждена в своей правоте. Если человек настолько уверен в своих словах, то с ним трудно спорить и трудно ему не верить.

Би снова взяла в руку кусок пиццы, но не вонзилась в него зубами так, как отчаянно хотела еще пять минут назад.

– Значит, кто-то отправил ее мне, но кто? Никакой записки приложено не было, типа: «Увидел это и подумал о тебе».

– Хм-м-м.

Би напряглась.

– Ты знаешь?

Карен покачала головой, но она врала, и Би это видела.

– Ты знаешь. Скажи мне.

Именно поэтому она и говорила с такой уверенностью, что это не Киран Весслер. Она считала, что знает, кто это сделал.

– Я не знаю, Би, честное слово. Но у меня есть одно подозрение, и я хочу кое-что проверить. Если я окажусь права, то ты станешь первым человеком, который об этом узнает.

Би удовлетворенно кивнула. Она привыкла к таким отношениям с Карен, в которых всегда присутствовало «не спрашивай» – и это было связано с ее работой. Она не имела права ни с кем обсуждать большую часть своего рабочего дня. Би восхищалась способностью Карен держать рот на замке. Она сама никогда не умела хранить секреты.

* * *

– Ты не выбросила упаковку?

Они доели пиццу час назад – вернее, доела Би. Несмотря на то, что она вначале резко потеряла аппетит, она никогда в жизни не отказывалась от еды. Однако Карен всегда была очень разборчива в еде и едва ли прикоснулась к своей половине. Они посмотрели «Х-

фактор», а теперь Карен мыла посуду в кухне, прибиралась и готовила им напитки. Они воздержались от алкоголя: Карен приехала на машине, а Би совсем не хотелось напиваться и становиться слезливой.

– Какую упаковку? – крикнула Би в ответ, быстро переключая каналы. Именно поэтому она обычно куда-то ходила по вечерам в субботу – альтернатива сидеть перед телевизором казалась чертовски депрессивной.

– Из-под книги. Она все еще у тебя?

Би напряглась. Она надеялась, что тема закрыта и о случившемся можно забыть.

– Да, наверное. В спальне. Мне кажется, что я засунула ее в шкаф. Подожди секундочку, я сейчас схожу и посмотрю.

Ее мать называла ее барахольщицей из-за ее привычки все хранить. Би предпочитала называть себя находчивой и предусмотрительной. Она хранила только то, что можно было использовать повторно – например, упаковки, особенно те, из картона, в которых присылали книги, – они определено могли еще пригодиться.

В результате из-за этой ее привычки в нижней части шкафа был бардак. Би бросила туда упаковку из-под книги всего пару дней назад, но она уже была похоронена под другими вещами, которые ее мать ласково назвала бы «кучей дерьма».

Поверх кучи валялось платье. Вначале Би подумала, что оно свалилось с одной из вешалок, вытащила его из шкафа и уже собралась отнести в корзину для грязного белья. Это тоже было одной из ее привычек – она ленилась развешивать вещи заново. Уже собравшись отправить вещь в корзину, Би узнала ткань, которую держала в руках. Это было не платье. Это был комбинезон.

Глава 29

Би

– Так, Би, дыши. Глубже. Спокойно, вдыхай: раз, два, три, четыре. И выдыхай: раз, два, три, четыре. Вот, выпей это.

Карен поднесла стакан к губам Би, и та стала жадно пить, потом подавилась, и ее затошнило от холодной воды. Почувствовав, что дыхание вернулось в норму, Би рухнула на кровать.

– Что случилось? – спросила Карен.

Комбинезон лежал в стороне, куда его отбросила Би после того, как начала кричать. Она не могла произнести ни слова, но ее взгляд остановился на валявшейся на полу вещи, и Карен подняла ее. Би отвернулась; она больше никогда в жизни не хотела видеть этот комбинезон и уж точно с такого близкого расстояния.

– Что это?

– Я была в нем в ту ночь, – выдавила Би надтреснутым голосом и снова замолчала.

– Би, почему ты его сохранила? – Голос подруги звучал тихо, она старалась ее успокоить, но вопрос вызывал воспоминания, которые Би не хотела выпускать наружу.

– Я не оставляла его у себя. На следующий день я выбросила его в передвижной мусорный контейнер на колесиках, который стоял перед студенческим общежитием. Я не могла даже подумать о том, чтобы снова его надеть.

– Ты купила другой точной такой же?

Би покачала головой.

– Я никогда бы этого не сделала.

Карен рассматривала материал, хотя не подносила его к свету и не развертывала полностью.

– Не похоже, что этой вещи десять лет.

– Это не тот комбинезон. – Би заставляла себя держать глаза открытыми. Больше всего на свете ей хотелось просто лечь и закрыть их, просто минутку отдохнуть, но она боялась, что подсознание предаст ее и из него выплывут картины ее самой в том комбинезоне, в той, другой жизни. – Лямки были тоньше, совсем тоненькие бретельки, и ворот другой, не V-образный вырез, а более свободный.

Карен ничего не сказала, и какое-то время они неподвижно сидели на полу в спальне, будто малейшее движение могло спровоцировать еще одну паническую атаку. Казалось, уже прошел целый час, когда Карен наконец поползла вперед и устроилась прямо напротив Би, в ее глубоко посаженных карих глазах читалось беспокойство.

– Би? Я хочу тебя кое о чем спросить, только, пожалуйста, не пугайся и не расстраивайся, хорошо?

Би кивнула, мгновенно испугавшись и расстроившись, хотя даже понятия не имела, о чем ее собирается спрашивать Карен.

– Не случалось ли в последние дни такого, чтобы ты не помнила, что происходило в определенный период времени? Например, ты просыпаешься и не знаешь, где была и что делала?

Би неотрывно уставилась на нее, вначале не поняв вопрос.

Или, может, поняла, но не хотела верить, что она об этом спрашивает ее.

– Конечно, нет.

– Ты уверена? Не было периодов, когда казалось, что время бежит быстрее, чем следовало бы? Когда ты бросала взгляд на часы и с удивлением спрашивала себя, как это время так быстро пролетело?

– Это совсем другой вопрос. – Би попыталась улыбнуться, но вышло неестественно. – Каждый раз, когда мне нужно заниматься работой в офисе, я смотрю на время и гадаю, на что же я потратила последние несколько часов.

– Я говорю серьезно, Би.

– Я знаю, и это меня беспокоит. Ты же не думаешь, что я схожу с ума? Послушай, Карен, ты же не можешь так думать! – Ей хотелось, чтобы последняя фраза прозвучала шутливо, но, по правде говоря, ей было не до шуток, и это было видно.

– Я не говорю, что ты сошла с ума, Би, я никогда не скажу такое. Просто вначале книга, теперь это… он лежал у тебя в шкафу! Ты – единственный человек, который мог его туда положить. Может, таким образом твое подсознание заставляет тебя вспомнить о случившемся, потому что ты до конца с этим так и не разобралась.

От этой мысли у Би на коже появились мурашки, но она быстро отмахнулась от предположения Карен, хотя на самом деле ненадолго задумалась.

– Глупость несусветная, – тихо сказала она. – Должно быть какое-то простое объяснение. Только я пока его не нашла.

Глава 30

Элеонора

Утро Элеоноры никуда не годилось. А было еще только восемь часов. После рождения Ноя у Тоби проявились лучшие черты старшего брата – он вырос во всех смыслах и прекрасно общался с малышом. Но во многом другом он будто откатился назад, отчего не верилось, что это тот же самый ребенок. Он отказывался одеваться без помощи матери, не хотел идти в школу. Все дела занимали в два, а иногда и в три раза больше времени, чем до рождения Ноя, и Элеонора сходила с ума от этого. Она не просто недовольно брюзжала, ей хотелось биться лбом о стену – так все выводило ее из себя. Ее все раздражало, она ненавидела себя за то, что рявкает на Тоби, и обычно в конце концов просто уходила поплакать в дальнюю часть сада.

В тот день у Тоби был урок природоведения. Последние три дня Тоби с Элеонорой работали над его школьным проектом. Адам на самом деле занялся Ноем, и она смогла с пользой провести время со старшим сыном. Они очень долго искали идеи в интернете и наконец решили сделать дельфина в формате 3D из переработанных и повторно используемых материалов. Это было настоящее приключение – вечерами они работали над дельфином, сидя в куче бумаги и измазавшись клеем ПВА. Подобными делами они занимались вместе до рождения Ноя. Элеонора гордилась результатом и не могла дождаться реакции учителей. Но вначале нужно было доставить дельфина в школу.

– Тоби, мне одной не справиться! Помоги немножко, пожалуйста, – крикнула Элеонора, пытаясь засунуть дельфина в машину. Уже сидевший в машине Ной нетерпеливо пискнул. – Секундочку, дорогой. Мама сейчас немного занята.

– Да, Ной, ты не единственный в семье.

Элеонора вздрогнула, ей стало не по себе, когда она с ужасом поняла, сколько раз сама говорила Тоби эти слова. Он привык быть единственным ребенком, а после рождения Ноя с трудом привыкал к новому порядку.

Они загрузили дельфина в машину и наконец, потратив, как казалось, невероятное количество времени, поехали в школу, хотя и на

пятнадцать минут позже, чем обычно. А «обычно» – это уже с задержкой на десять минут. К счастью, в опоздании были и свои плюсы – пробки рассосались, и Элеонора вскоре уже заворачивала на автомобильную стоянку у школы.

– Хорошего тебя дня, дорогой. – Она, как обычно, поцеловала Тоби в щеку, стараясь, чтобы другие дети не увидели, а он скорчил гримасу.

– Мама, мне самому его не донести.

Конечно, он не мог это сделать. Она сама попыхтела, прежде чем засунуть чертова дельфина в машину. Едва ли можно было ожидать, что Тоби сам потянет его через спортивную площадку. Элеонора бросила взгляд на Ноя в детском кресле. Он очень кстати заснул, напившись молока, в ту же минуту, когда они отъехали от дома, видимо, устал из-за того, что проснулся без пятнадцати пять. Да и Элеонора, если честно, тоже устала. Та единственная ночь, когда он беспробудно спал, оказалась счастливой, но жестокой случайностью. И теперь, после того, как ей один разок удалось почувствовать вкус нормальной жизни, ночные подъемы стали еще более невыносимыми.

– Хорошо, дружок, давай вместе.

Она закрыла дверь машины так тихо, как только могла, проверила, что Ной не проснулся, и нажала на брелок сигнализации. От дверей школы их отделяло двести ярдов, людей поблизости не было, и машина находилась в поле зрения. Элеонора сказала себе, что родители так постоянно делают. Она еще раз огляделась – никого.

Тоби смеялся, когда они вдвоем вытаскивали дельфина. Элеонора притворилась, что половина с ее стороны тяжелее, чем у сына.

– Давай, малыш, посмотрим, не удастся ли найти кого-то, кто поможет тебе дотащить его до класса.

У входа тоже никого не оказалось – вероятно, из-за того, что на этот раз они и впрямь сильно опоздали. Элеонора виновато посмотрела на машину и кивнула на вход в школу.

– Мы занесем его в здание, и сразу беги к секретарю. А потом кто-нибудь поможет тебе донести его до класса.

– А если он сломается? – спросил Тоби, когда они засунули дельфина под лестницу, ведущую к кабинету директора. – А что, если его украдет кто-то из старшеклассников?

– Никто его не украдет, Тоби. – У Элеоноры все сжалось внутри при виде изменившегося лица сына – он явно упал духом. – Знаешь что? Иди в класс, а я поговорю с миссис Фентон, попрошу ее подержать дельфина у себя в кабинете.

– Спасибо, мама! – улыбнулся Тоби.

Она поцеловала его в макушку.

– Он всем понравится. Вспомни, как ты усердно трудился. Все будет хорошо. Я тебя люблю.

– Я тебя тоже люблю, – буркнул Тоби себе под нос, предположительно, на тот случай, если на лестнице установили скрытые записывающие устройства.

Элеонора осторожно, чтобы по пути ничего не свалить, потащила дельфина к кабинету секретаря. Миссис Фентон не было на месте. Элеонора хотела просто бросить там чертову махину и вернуться к Ною – а что, если он проснулся и плачет? Но она дала обещание Тоби, а их отношения в последнее время и так держались на одной нитке. Да и прошлый опыт подсказывал ей, что Ной будет крепко спать до той минуты, пока они не зайдут домой, где ей захочется хоть ненадолго прилечь. Днем он спал, только когда они уходили из дома. Стоило Элеоноре захотеть поработать над своим новым делом или – боже упаси! – отдохнуть дома, как он тут же просыпался, требуя что-то. Ничего подобного с Тоби не было. К тому времени, как она вошла в его жизнь, он уже спал всю ночь, даже потеря биологической матери недолго его беспокоила. С Тоби было очень легко, и появление нового ребенка стало шоком для ее организма.

После того, как, казалось, прошел целый час – а на самом деле всего несколько минут, – в кабинет вошла миссис Фентон. За ней, словно выводок утят за мамой-уткой, тянулся запах табачного дыма. Элеонора сделала глубокий вдох, смакуя этот запах. Адам не знал, что до того, как они стали встречаться, она время от времени курила. На первом свидании он дал ей понять, что всей душой ненавидит курение из-за того, что его отец умер от рака легких. Поэтому Элеонора решила не говорить про свою привычку, а потом постепенно вообще от нее отказалась. До рождения Ноя она ни разу не задумывалась о том, чтобы снова начать курить, но в последнее время ей, как никогда раньше, хотелось подержать между пальцев наполненную никотином свернутую бумажку.

– Что-то случилось, миссис Уитни?

Миссис Фентон оценивающе оглядела одежду Элеоноры, типичную для утра понедельника: черные легинсы, о которые она вытерла запачканные в детской смеси пальцы, оставив заметные отпечатки, и свободная длинная блуза темно-синего цвета, призванная скрыть живот, который до сих пор не подтянулся после родов

– Тоби выполнил задание для урока природоведения, который будет у них сегодня утром. Может ли кто-то помочь дотащить дельфина? Мы не успевали дотащить его до класса. Видите ли, мы… м-м-м… немного опоздали.

Она с трудом преодолела желание рассказать о том, каким стрессовым оказалось ее утро. Она долго могла об этом говорить. У миссис Фентон не было детей, и Элеонора сомневалась, что она поймет, сколько времени могут отнимать такие простые дела, как душ или переодевание, если их сопровождают вопли маленького человечка и недовольство немного более старшего.

– Без проблем. Просто оставьте его здесь. – Миссис Фентон махнула рукой на дельфина.

Она повернулась, чтобы достать книгу в мягкой обложке, которую прятала в ящике письменного стола, и в эту секунду Элеонора поняла, что ненавидит ее и ее простую жизнь, и то, что она может заварить себе чашку чая, не вздрагивая, когда чайник громко отключается, и имеет возможность спустить воду в туалете.

– Спасибо, мне нужно идти.

Элеонора вылетела из дверей школы и бросила взгляд на машину. Вернее, туда, где она стояла, потому что теперь ее там не было.

Часть вторая

Глава 31

Карен

– Как вы себя чувствовали после нашего прошлого сеанса?

Джессика Гамильтон вопросительно приподняла брови, глядя на Карен. Ей так показалось или они на самом деле стали менее густыми, чем во время их последней встречи? И она накрасила губы? Карен непроизвольно сжала свои. Сегодня утром, собираясь на работу, она думала об Элеоноре и совершенно забыла накрасить губы. Она испытывала раздражение из-за того, что отправилась на работу, не проверив макияж, и из-за того, что позволила пациентке заставить чувствовать себя неполноценной.

– Мне наскучило отвечать на ваши вопросы. Я разочарована, что вы не понимаете меня, только задаете эти вопросы – «Как вы себя чувствуете?». И больше ничего! С моей стороны было глупо думать, что сеансы помогут. – Джессика поставила локоть на подлокотник дивана, опустила лоб на руку. Казалось, что ей все надоело.

– А чего вы ожидали добиться к этому времени?

«Пациентке некомфортно от нового направления, которое наметилось во время сеанса, это проявляется в раздражении из-за отсутствия продвижения вперед».

– Я думала, что вы окажетесь более проницательной, подскажете, как избавиться от головных болей. И навязчивых мыслей. Я не ожидала, что мне придется говорить вам, как я собираюсь со всем справляться сама.

Карен попыталась говорить спокойно, чтобы у Джессики не создалось впечатления, будто она на нее давит, желая услышать детали.

– Ваши отношения продолжаются?

Джессика с любопытством посмотрела на нее, и у Карен не в первый раз появилось ощущение, будто девушка пытается заглянуть ей внутрь в поисках ответов на вопросы, которые она еще не готова представить. Словно Карен находится под микроскопом, а Джессика пришла сюда, чтобы ее препарировать.

– Если бы у вас была возможность перенестись назад в прошлое и убить Адольфа Гитлера, вы сделали бы это?

Это был совсем не тот ответ, который Карен ожидала. Она колебалась.

– Я думаю, что большинство людей ответили бы положительно, потому что это убийство было бы оправданным ради спасения тысяч жизней.

Джессика улыбнулась, словно уже знала, что скажет Карен.

– Интересно. Вы избегаете ответа, говоря, что, по вашему мнению, сделало бы большинство людей.

Да уж, интересно. Словно над ней проводится эксперимент, а она бабочка в банке, которая бьется крыльями о стенки, зная, что лететь некуда.

Джессика молчала несколько секунд, отчего создавалось впечатление, будто она размышляет над следующим предложением, но даже тогда Карен казалось, что каждое слово Джессики спланировано заранее. Она не говорит, а читает сценарий, спрятанный у нее внутри.

– А если бы у вас была возможность перенестись назад в прошлое и убить *мать* Гитлера? Вы сделали бы это? Пожертвовали бы жизнью невинного человека, чтобы тысячи других остались в живых?

– Вас интересуют вопросы морали и нравственности в целом или мое мнение по этим вопросам? – Карен старалась не показать, что выведена из равновесия, но чувствовала, как у нее горит лицо, и понимала, что Джессика это тоже видит и слышит, как резко стал звучать ее голос.

– Меня интересуют люди. – Если Джессика и увидела, что Карен некомфортно, ей было на это плевать. – Они могут заявлять, что верят в одно, а затем поступать совсем по-другому. Меня поражает, как мы можем цитировать свой моральный кодекс, а потом полностью им пренебрегать, если он противоречит тому, как мы хотим жить. Вот он – когнитивный диссонанс.

Если кровь действительно могла бы застыть в венах, Карен не сомневалась, что ее собственная превратилась бы в лед. Эти слова… когнитивный диссонанс… Она упоминала их при Джессике? Это был ее первоначальный диагноз, объясняющий головные боли напряжения, – но пока Карен не видела и не слышала ничего, что бы подтвердило их наличие. Карен не считала, что пациентам на раннем этапе следует сообщать диагноз: если она ошиблась, может создаться

неправильное впечатление, а люди часто воспринимали только ее первые слова и отказывались слушать про какие-то другие варианты.

«Это могло быть совпадение?»

Конечно, такое было возможно, но только не в этом случае. Джессика Гамильтон знала диагноз, который уже поставила ей Карен, и использовала его, чтобы поиздеваться над ней. «Я вас знаю, – говорила она. – Я опережаю вас на один шаг».

– Расскажите мне, что знаете про когнитивный диссонанс.

Джессика улыбнулась так, словно Карен прочитала реплику из написанного ею сценария.

– Это несоответствие между мыслями и убеждениями человека и его действиями. Например, я думаю, что спать с женатыми мужчинами в общем и целом плохо, но в реальности я продолжаю это делать.

– В таком случае…

– В качестве примера можно привести людей, которые отправились на экскурсию по подземным пещерам, и беременная женщина на большом сроке, которая шла впереди, застряла у выхода из пещеры. Начался прилив, поднимался уровень воды, и вскоре единственным человеком, который окажется в безопасности, будет эта застрявшая в камнях женщина, потому что ее голова находится над водой. У людей в пещере была шашка динамита и выбор. Взорвать невинную женщину и спасти всех остальных или сохранить ей жизнь и обречь всех других на смерть.

Джессика рассказывала про этот случай, словно он был взят из реальной жизни. Но история была выдуманной, и Карен слышала ее миллион раз в различных вариациях – она обсуждалась в работах по этике, когда она еще училась в университете, ее использовали для дебатов: утилитарная этика против деонтологической.

– И что они сделали? – спросила Карен, словно прилипшая к креслу в ожидании ответа Джессики.

– Ее взорвали.

Карен услышала шипение и поняла, что это она сама втягивает воздух между зубов. Джессика улыбнулась, видя, как ей не по себе, затем закинула ноги на диван и подогнула их под себя. Обычно такая поза воспринимается как классический признак самоуспокоения, но только не в случае Джессики. В ее случае это было доминирование, и Карен никогда раньше не доводилось встречать человека, которому у

нее в кабинете было бы так комфортно, чтобы он мог принять такую позу. Она почувствовала раздражение при мысли о том, что грязь с обуви пациентки остается на ткани, когда она ерзает. Стала бы она класть ноги на диван у кого-то дома?

Джессика снова подала голос.

– Давайте поговорим про Адама.

Адама? Вот оно. Сейчас Джессика призналась в истинной причине своего появления здесь. Карен попыталась сделать непроницаемое лицо игрока в покер.

– Адама? – У нее уже так хорошо получалось сохранять нейтральный тон во время этих сеансов, что ее слова начинали звучать так, будто вылетали из говорящих часов.

– Э? – Джессика посмотрела на нее в недоумении. – А кто такой Адам?

– Вы сами сказали: «Давайте поговорим про Адама», – напомнила ей Карен, но Джессика выглядела так, словно на самом деле ничего не понимала, и уверенность Карен пошатнулась. Ей вполне могли послышаться эти слова. *«Или я схожу с ума».*

Джессика покачала головой.

– Я сказала: давайте поговорим про *него*. Вы спрашивали про мои отношения. Они стали более серьезными. Теперь моя жизнь с ним – это и есть настоящее, а когда он со своей женой, можно считать, что у них просто любовная интрижка.

Карен не могла говорить: слова Джессики задели ее за живое. И у нее появилось чувство, что девушка именно этого и добивалась. Она хотела, чтобы мысли Карен крутились в голове, как последний носок в барабанной сушилке. Не успела Карен оправиться от откровения, заставившего ее сердце остановиться на секунду, как Джессика добавила скорости.

Карен прилагала усилия, чтобы снова взять себя в руки. У нее было чувство, что она на допросе, и собеседник, сидящий напротив, точно знает следующий вопрос, а она сама даже не может предположить, на какую тему он будет. Она не собиралась позволять Джессике так действовать – *она* здесь главная; а Джессика просто девушка. *Просто девушка.*

– Вы много думали про его жену после того, как начали со мной говорить?

Джессика уставилась на нее стальным взглядом.

– Постоянно думаю.

– И что это за мысли?

Джессика заерзала на диване, Карен было некомфортно просто смотреть на нее.

– Разные. Иногда я представляю, как она набирается решимости и уходит от него. Иногда я представляю, как она приходит ко мне на работу, чтобы встретиться со мной лицом к лицу, ударяет меня, кричит на меня или делает хоть что-то. Порой я представляю, как сама иду к ней выяснять отношения. Рассказываю, чем занимается ее муж, чтобы просто посмотреть на выражение ее глупого лица. На прошлой неделе я заснула у себя за письменным столом, и мне привиделось, что я забираю у нее этот кричащий кулек с дерьмом и блевотиной и прячу его, наслаждаясь ее паникой.

Эти заявления вызвали у Карен меньшее беспокойство, чем все остальное в поведении Джессики. Для нее не было чем-то необычным слышать подобные вещи – это случалось почти каждый день. У большинства людей мысли в какой-то степени беспорядочны: на мгновение возникает образ – ты бьешь кулаком в лицо начальника, который только что назвал тебя идиотом; или кричишь на женщину, потому что она влезла вперед тебя в очереди в супермаркете. Но обычные люди знают, что их мысли не повлекут за собой поступки, этим они и отличаются от Теда Банди[17] и подобных ему. Джессика Гамильтон пыталась ее испугать. Но Карен никак не могла понять зачем.

– И как вы себя чувствуете после таких мыслей?

Джессика посмотрела на ноготь большого пальца и принялась теребить заусенец.

– Виноватой. Кому вообще такое в голову придет? Последняя заставила меня чувствовать себя ужасно, действительно ужасно.

«И именно этим мы отличаемся от психопатов, – подумала Карен. – *Чувством вины. Страхом от того, что наши мысли определяют нас, хотя в действительности только наши поступки имеют значение».*

Джессика внезапно подняла голову и посмотрела Карен прямо в глаза.

– И кое-что еще.

– Что еще, Джессика?

– Я испытывала возбуждение. Думая о том, как ей навредить, я испытывала возбуждение.

Глава 32

Элеонора

Элеонора замерла на месте, ей понадобилось несколько секунд, чтобы ее разум обработал то, что не видели глаза. Место, где она оставила машину всего несколько минут назад, оказалось пустым, словно она туда и не заезжала. У нее в груди начала подниматься паника, она оглядела другие машины: они все стояли там же, именно на тех местах, где были, когда она заехала на стоянку. Не было видно никаких инспекторов дорожного движения, ждущих, чтобы выписать ей штраф за парковку в неположенном месте, – да она и раньше парковалась там миллион раз, – никаких полицейских, окруживших ее серебристый компактвэн, чтобы спросить ее, почему она оставила ребенка одного на парковке. Нигде никого не было видно.

Ноги отказывались шевелиться, она не знала, что делать, разрываясь между желанием бежать туда, где совершенно точно теперь не было ее машины, и рвануть назад в здание школы и истошно кричать. Сердце судорожно билось, угрожая выскочить из грудной клетки, а она беспомощно стояла на одном месте, молясь, чтобы все это оказалось какой-то шуткой или глупой путаницей. Наконец она повернулась к школе.

– Моя машина! – Она буквально бросилась на дверь и ворвалась в кабинет. Миссис Фентон подняла глаза от книги. – У меня угнали машину. Звоните в полицию!

– Успокойтесь, миссис Уитни. Я сейчас позвоню. А пока присядьте, я заварю вам чашечку чая.

– Там мой сын! Ной… он в чертовой машине!

Улыбка миссис Фентон застыла на лице, она мгновенно схватилась за телефон и так быстро стала набирать девятки[18], что трубка чуть не вылетела у нее из рук. Пока миссис Фентон говорила с оператором, Элеонора мерила шагами кабинет, паника застилала ее мысли. Что ей делать? Выйти из здания, бегать по улицам и кричать?

– Миссис Уитни, они хотят поговорить с вами. Сохраняйте спокойствие, полиция уже едет; им просто нужны дополнительные детали. Я прямо сейчас позвоню директору, и мы запустим процедуру, которая проводится в случае пропажи ребенка.

Элеонора тупо кивнула и взяла трубку. Оператор задавал ей разные вопросы, она отвечала не думая. То, что она пыталась вспомнить утром, внезапно всплыло в памяти так, словно было написано у нее перед носом. «Воксхолл Зафира» серебристого цвета, автомобиль семиместный, но она использует только пять сидений, номер DU54 FUP, все двери заперты, есть только один запасной ключ дома. Она разговаривала по телефону, пока не увидела, как две полицейские машины заезжают в главные ворота на территорию школы. Она сама так заезжала всего двадцать минут назад. В каждой машине сидело по двое полицейских. Элеонора хотела опустить трубку на рычаг, но та выскользнула из ее дрожащей руки и упала на пол.

Директор школы, мистер Ньюман, невысокий лысый мужчина в очках, оказался рядом с ней через несколько секунд.

– Это констебль Эдвардс. Я уже сообщил ему, что мы направили людей по периметру школы на поиски подозрительных вещей или людей. Два человека работают на автостоянке, записывают номерные знаки автомобилей и сверяют с номерами автомобилей наших учителей из базы данных – на тот случай, если преступник бросил собственную машину, намереваясь вернуться за ней позднее. Более вероятно…

– Спасибо за вашу помощь, мистер Ньюман, – поблагодарил констебль Эдвардс, по-доброму глядя на Элеонору. – Миссис Уитни, пожалуйста, расскажите мне подробно, что случилось.

Он терпеливо слушал, пока Элеонора говорила. Слова буквально вылетали у нее изо рта, как патроны из пулемета.

– Я находилась здесь всего пять минут, может, чуть дольше, но точно не больше десяти.

– Так сколько же, по вашему мнению? Пять или десять?

– Ну, вероятно, ближе к десяти. Я проводила Тоби и ждала, когда миссис Фентон вернется в кабинет.

Джорджия Фентон все-таки покраснела, но Элеоноре в этот момент было плевать на ее смущение. Если бы она сидела в своем чертовом кабинете, а не курила…

– Погодите-ка, а вы разве не находились в то время на улице? – Элеонора повернулась и сделала шаг в направлении женщины, которая

теперь была напугана. – Вы там кого-нибудь видели? Кто-то подходил к моей машине?

– Я… я не выходила на крыльцо у главного входа, – заикаясь, ответила миссис Фентон. – Я стояла с другой стороны, у кухни. И возвращалась через тот вход в школу…

– Сэр? – Женщина-полицейский, которая приехала вместе с констеблем Эдвардсом, сделала знак головой, чтобы он прошел за ней.

– Что? Есть новости? Вы его нашли?

– Да, мэм, мы нашли вашу машину, ваш сын внутри. Судя по его виду, с ним все в порядке. Он крепко спал и даже не подозревал, сколько тут из-за него суеты и беспокойства. Нам пришлось выбить окно у переднего сиденья, чтобы до него добраться. Тогда он и проснулся.

Элеонора почувствовала, как невероятное облегчение накатило на нее волной так быстро, что у нее подогнулись колени, и она прислонилась к стене, чтобы не упасть.

– Где он?

– Ну… – Женщина переводила взгляд с Элеоноры на коллегу-полицейского. – Машина была на стоянке, мэм, но за углом, вход в школу оттуда не виден. Ее заметила одна из учительниц, которая записывала номера автомобилей. Мы бы сами ее нашли, но предположили, что вы проверили стоянку… – Она смутилась из-за этой оплошности, но Элеонора чувствовала только недоумение.

– Что? Зачем кому-то угонять мою машину и оставлять ее на стоянке?

– Дело в том, миссис Уитни, что нет никаких признаков взлома. Двери заперты, ни одно окно не было разбито.

Элеонора просто не хотела тратить время и разбираться с тем, что, черт побери, только что случилось. Ей нужно было добраться до своего сына, взять его на руки и больше никогда не отпускать. Не произнеся больше ни слова, она побежала в то место на стоянке, где уже собралась толпа.

– Ной! Дайте его мне!

Она протянула руки к своему маленькому мальчику и практически выхватила его у полицейского, который прижимал ребенка к груди.

– Миссис Уитни, кому мы можем позвонить? Кто приедет и посидит с вами, пока мы пытаемся выяснить, что же здесь произошло?

Нам нужно определить, требуется ли Ною медицинская помощь и все ли в порядке с вами…

Им нужно было знать, сумасшедшая она или нет. *Ей самой* хотелось понять, спятила она или нет. В эту минуту, когда все смотрели на нее, она подумала, что вполне могла. Только сейчас, когда Ной оказался в безопасности у нее на руках, она стала различать отдельные лица – учителей, которые ежедневно занимались с ее сыном, людей, с которыми она виделась каждый день и веселилась на спортивных мероприятиях и родительских собраниях. Они смотрели на нее подозрительно и со страхом.

Первой ее мыслью было позвонить Адаму. Он ее муж и отец Ноя, но она просто не выдержит, если придется сказать ему по телефону, что она опять все испортила. Она хотела вернуться в то время, когда он выбрал ее, захотел, чтобы она стала матерью его драгоценного сына. В то время, когда она была надежным человеком, на которого можно положиться. Когда она еще не сошла с ума.

– Карен, – сказала Элеонора, доставая телефон из кармана. – Пожалуйста, позвоните Карен Браунинг.

Глава 33

Карен

Карен заехала на автомобильную стоянку у школы, где учился Тоби, той же самой школы, в которую ходила она сама вместе с Элеонорой и Би, казалось, целую жизнь назад. У главного входа стояла кое-как припаркованная полицейская машина, но кроме этого не было ничего, что указывало бы на какое-то необычайное происшествие. Карен огляделась в поисках машины Элеоноры, но ее не было видно.

– Карен!

Когда Карен зашла в холл, Элеонора тут же бросилась к ней, держа крошку Ноя на руках. Карен никогда не видела подругу в таком состоянии – казалось, Элеонора даже в размерах уменьшилась, а ее лицо, на котором оставались следы слез, покраснело и распухло. Карен обняла их обоих, не обращая внимания на полицейских, которые сидели на стульях для посетителей.

– Что случилось, дорогая? – спросила Карен, уткнувшись в волосы Элеоноры, потом отодвинулась, держа ее за плечи на расстоянии вытянутых рук, чтобы лучше рассмотреть. Выглядела Элеонора ужасно, одежда была несвежая и помятая, под глазами темнели круги пурпурного цвета.

– Кто-то угнал мою машину с Ноем внутри! То есть я хочу сказать, что ее переставили. – Она опустила голову и замолчала. – На самом деле я не знаю, что хочу сказать, но думаю, что у меня проблемы.

Карен посмотрела на сотрудницу полиции, которая встала, чтобы с ней поздороваться. Эта была женщина средних лет со стянутыми в тугой хвост тусклыми каштановыми волосами. Но ее лицо, в отличие от строгой прически, казалось доброжелательным.

– Что здесь произошло? Вы выяснили, кто угнал машину моей подруги?

Женщина бросила взгляд на напарника, молодого человека, который был совершенно не подготовлен к общению с истеричными женщинами.

– Миссис Браунинг?

– Доктор Браунинг.

– Да, конечно, простите. Мы можем выйти на улицу и поговорить там?

Карен взглянула на Элеонору.

– С тобой все будет в порядке? Я выясню, что происходит, и со всем разберусь.

Элеоноре страшно не хотелось отпускать ее сейчас, и Карен это нисколько не удивило – ведь наконец в помещении появилось дружеское лицо. Кто-то угнал ее машину с сыном внутри! Почему к ней относятся как к преступнице? Карен прикоснулась к руке подруги, пытаясь успокоить ее, а потом последовала за женщиной-полицейским на улицу.

– Доктор Браунинг, насколько я понимаю, вы – психотерапевт миссис Уитни?

– Я *действительно* психотерапевт, но не психотерапевт *Элеоноры*. Ей не нужна терапия, ей нужно просто высыпаться по ночам.

– Хорошо. Мы сейчас пытаемся определить, может ли Элеонора отправиться домой вместе с сыном.

– Она просто в шоке. А что бы вы чувствовали, если бы у вас угнали машину с сыном внутри?

– В этом-то все и дело, доктор Браунинг. Машину Элеоноры никто не угонял. Ее нашли на стоянке, где она ее сама поставила. Сразу же за углом здания, это место не видно при выходе из школы.

И тут до Карен дошла вся серьезность ситуации, в которой оказалась Элеонора. Она не только оставила машину со своим сыном так, что просто не могла видеть ее, подходя к дверям школы, но еще и забыла, где припарковалась, и запустила поиски Ноя и воображаемого вора, будто бы угнавшего ее машину.

– Значит, она забыла, где оставила машину, и запаниковала. Это может случиться с любым человеком. В особенности с женщиной, у которой трехмесячный ребенок. Возможно, ей не следовало оставлять Ноя, но если бы она не забыла, где поставила машину, то не стала бы долго находиться там, откуда она ее не видит.

Женщина-полицейский вздохнула.

– Послушайте… – Она явно колебалась.

– Карен, – подсказала Карен.

– Послушайте, Карен, мы не волнуемся за безопасность Элеоноры или ее сына. Такую ошибку легко допустить и, как вы говорите, она

запаниковала. Я уверена, что со мной было бы то же самое. – Глядя на нее, Карен решила, что это, вероятно, не так. – Мы просто не хотели, чтобы она в таком состоянии возвращалась домой одна и терзала себя мыслями о случившемся здесь. Ведь тогда ей может стать только хуже.

Карен выдохнула с облегчением.

– Спасибо. Я отвезу ее домой. Я присмотрю за ней.

– Но… – О боже, как Карен ненавидела эти «но». – Я не выполню свою работу, если не поставлю в известность социальные службы о том, что здесь случилось.

– Это правда необходимо? Вы же сами сказали, что подобную ошибку легко допустить.

– Да, и я действительно так считаю. Однако если с Элеонорой или ее сыном случится что-то еще, то отвечать придется мне. Они просто поговорят с ней и проверят, все ли в порядке. Ей нужно быть к этому готовой.

– Хорошо. – Карен повернулась и посмотрела на Элеонору в окне, которая сидела на том же месте и прижимала Ноя к себе так, словно кто-то мог войти в здание школы в любую секунду и отобрать его у нее. – Конечно, вы должны делать то, что положено. Позвольте мне только отвезти ее домой и подготовить.

– Именно поэтому мы вам и позвонили. Поддержите вашу подругу, Карен. У меня есть ощущение, что сейчас ей это нужно больше всего.

* * *

– Что они сказали? – поинтересовалась Элеонора, когда они шли по стоянке к ее машине с разбитым стеклом. – У меня отберут Ноя?

Карен покачала головой.

– Женщина из полиции сказала, что такую ошибку легко допустить, но они должны поставить в известность социальные службы. Это входит в их обязанности.

Судя по виду Элеоноры, она была готова снова разрыдаться.

– Я так и знала. Я поняла, что она меня ненавидит, эта женщина. Она смотрела на меня так, словно я кусок дерьма у нее на ботинке.

Карен остановилась и посмотрела Элеоноре прямо в лицо.

– Она не ненавидит тебя. Она о тебе беспокоилась. Почему ты припарковалась так далеко от входа? Ведь тебе же нужно было оставить машину.

– Я там не парковалась. – Элеонора говорила тихим напряженным голосом. – Мне пришлось притвориться, будто я так сделала, чтобы они прекратили относиться ко мне как к сумасшедшей. Но я знаю, Карен, что поставила машину там, где ставлю всегда. Тоби тебе может это подтвердить. Я могла видеть машину из школы.

– Но ты не видела, как ее кто-то переставлял?

– Я ждала чертову секретаршу, пока она курила. Я зашла к ней в кабинет, но всего на несколько минут! Кто-то это сделал, чтобы я посчитала, что схожу с ума. Клянусь, Карен! Ты должна мне поверить.

– Я верю, – ответила Карен, и облегчение на лице подруги подтвердило, что она ответила правильно. – Я о тебе позабочусь. Я обещаю.

Глава 34

Элеонора

– О, прекрати, Элеонора! Кому, черт побери, нужно угонять твою машину, чтобы передвинуть ее на какие-то гребаные пятьдесят ярдов? Это чушь какая-то! И как можно быть такой идиоткой, черт побери, чтобы оставить Ноя одного, без присмотра? А если бы машину на самом деле угнали?

– Так ее *на самом деле* угнали, Адам. Ты меня не слушаешь! – Элеонора старалась говорить тихо, чтобы не разбудить Ноя, но чувствовала, как в груди опять поднимается паника. – Ты же слышал Тоби! Он сказал тебе, что мы припарковались рядом со школой!

По правде говоря, после того как Элеонора и Карен засыпали Тоби вопросами, он сказал, что «почти уверен», что они припарковались на своем обычном месте, и пожал плечами. День получился длинным, все его друзья говорили про то, что полиция приехала в школу, чтобы арестовать его маму, и никому не было дела до его потрясающего дельфина, в центре внимания оказалось совсем другое. Элеонора опять была «плохим парнем» и видела, что Тоби совсем не собирается выступать в ее защиту.

– Тоби не вспомнит, что ел на завтрак, – фыркнул Адам. – Если ты вообще не забыла накормить его завтраком.

– Что ты хочешь этим сказать?

Лицо у него стало ярко-красным – он старался не кричать, но, несмотря на тихий голос Адама, его слова ранили ее в самое сердце.

– Ты в последнее время сама на себя не похожа, Элеонора. Ты все время уставшая, измотанная, ты каждый день что-то теряешь, не знаешь, приходишь ты или уходишь. А теперь еще и это… – Он махнул рукой. – Нам нужно решить, что говорить социальным службам, когда они здесь объявятся.

– Что значит «что говорить»? Я собираюсь сказать им правду. Кто-то переставил машину, Адам, веришь ты в это или нет.

Он вздохнул.

– Я не говорю, что не верю тебе, дорогая. Я говорю, что в это сложно поверить. Звучит неправдоподобно! А если мне так кажется, то и им это покажется безумным.

Ее передернуло, и он, следует отдать ему должное, это заметил.

– Я не называю тебя сумасшедшей, Элс, я просто думаю, что ты должна им сказать, что ошиблась. Это совершенно точно лучше, чем какая-то теория заговора, будто кто-то пытается до тебя добраться, не правда ли?

Элеонора кивнула, она потерпела поражение. Адам был прав. Она говорила безумные вещи. И на сто процентов была уверена в своих словах, а это означало, что она и впрямь сошла с ума. Но она ни в коем случае не позволит кому-то об этом узнать.

Глава 35

Расскажите мне про тот день, когда Элеонора потеряла Ноя.

Я уже рассказывала вам, что случилось. Она настаивала, что это ошибка. Что она забыла, где припарковалась.

Вы ей поверили?

Это было на нее не похоже. Когда я приехала в школу, она настаивала, что припарковалась как обычно. Я ей тогда поверила, поэтому я не знала, что думать после того, как она изменила свою версию. Она была такой растерянной, совершенно на себя непохожей.

Где вы находились, когда вам позвонили из полиции?

На работе.

В полиции утверждают, что вы приехали очень быстро.

Они сказали, что дело срочное. Вы собираетесь арестовать меня за превышение скорости?

Для вас было важно быстро добраться до Элеоноры. Помочь ей, поддержать.

Это вопрос?

Вы не согласны?

Согласна. Разве вам не захотелось бы быстро добраться до подруги, которая потеряла ребенка?

Но вы в то время этого не знали.

Я знала, что помощь нужна срочно. Этого было достаточно.

Вас когда-нибудь волновало то, что вы ставите потребности подруг выше своих собственных? Вы уходили с работы по любому их звонку, вы позволяли втягивать себя в их мелкие ссоры…

Совершенно не волновало. Я была им нужна. Так поступила бы любая хорошая подруга.

В вашем возрасте? Вообще-то они теперь достаточно взрослые, чтобы самим о себе позаботиться…

Нет, это не так. Им нужна была я.

А теперь? Теперь вы им нужны?

Я думаю, что на сегодня мы закончили.

Глава 36

Со своего наблюдательного пункта за большим деревом я видела, как машина Элеоноры заехала на территорию школы. Я подождала, пока она остановится на своем обычном месте, и смотрела, как Элеонора вылезает из нее. Тоби вышел с переднего места пассажира, затем вытащил дельфина и под его весом чуть не рухнул на асфальт вместе с ним. Я подумывала, не пододвинуть ли его поближе к камину у них в гостиной, когда разглядела его в окно вчера вечером. Пусть бы пластик расплавился от идущего из камина жара, чтобы все время, которое они делали проект, оказалось потраченным зря, но теперь я радовалась, что этого не сделала. Разочарование Тоби из-за невнимательности и легкомысленности его матери – ничто в сравнении с недоумением Элеоноры после исчезновения ее машины. Я представляла панику в ее глазах, когда она вернется с ребенком и окажется, что им не на чем ехать домой. Но все получилось еще лучше, чем я могла себе представить. Ведь оставляя машину, чтобы помочь Тоби донести дельфина до школы, Элеонора огляделась украдкой и заперла автомобиль с Ноем внутри.

На секунду я задумалась, не отказаться ли мне от своего плана. Угнать машину – это одно. У меня были запасные ключи от машины Элеоноры, и мне понадобилось бы всего несколько секунд, чтобы уехать, как только Элеонора скроется из вида. Но выкрасть Ноя… Я чувствовала, что захожу слишком далеко.

Но, может, мне и не нужно на самом деле угонять машину для того, чтобы мой план дал максимальный результат. А что, если я ее просто переставлю? Даже если Элеонора сразу же ее заметит, этих нескольких секунд, когда она поймет, что машины нет на месте, будет достаточно, тем более теперь, когда она оказалась такой дурой, что оставила внутри сына. Но мне пришлось действовать быстро: если бы она просто бросила дельфина внутри, прямо за входной дверью, она могла бы почти сразу же вернуться и увидеть меня. Я не приготовила объяснение на этот случай, но пересекая стоянку и вставляя ключ в замок на двери машины, я знала, что выкручусь.

Я проскользнула на водительское место и повернула ключ в замке зажигания, чувствуя в эти секунды, как у меня в венах пульсирует

адреналин. Мне надо было только тронуть машину с места и медленно проехать за угол школы, к дальней части стоянки для родителей. Я бросила взгляд на угол здания. Элеоноры пока не было видно. Мне следовало быстро вылезти из машины и спрятаться, но мое внимание привлек спящий на заднем сиденье ребенок. Он молчал, слышалось только его тихое дыхание. Он выглядел таким спокойным и безмятежным. Как же это крошечное человеческое существо может превратить взрослую женщину в плачущую развалину в вечном стрессе? А ведь именно такой становилась Элеонора.

Я протянула руку, чтобы погладить его по щечке. Было бы так легко отстегнуть ремни, которые фиксировали его в детском кресле, и достать его. Я могла бы прижать его к себе, уткнуться носом в его мягкое тельце. Я могла бы показать ему, какой должна быть мать – не вечно недовольной, изможденной женщиной, от которой осталась одна оболочка, а человеком, который даст ему все, что нужно. Мать должна быть женщиной, которая никогда не позволит мужчине контролировать ее жизнь до такой степени, чтобы стать бесполезной без него. Женщиной, которой не нужна любовь другого человека, чтобы чувствовать себя настоящей, а не призраком, который исчезает, когда на нее не смотрит муж.

Мои пальцы теребили пряжку ремня, красную кнопку, которую было почти невозможно надавить до самого конца. В это мгновение я поняла, что приняла решение. Я вытащу его из негатива и предательства, в котором ему приходится жить. Он не вырастет бесхребетным мужчиной-обманщиком, как его отец, женатый на убогой ненормальной женщине, как его мать, которую надо все время контролировать. Его будущее будет определяться тем, кто он есть, а не его ненормальной семейкой.

И именно тогда он начал шевелиться, у него задрожали веки, глазные яблоки зашевелились вверх и вниз под ними, будто он не хотел просыпаться. Из-под соски послышался тихий стон. Я замерла на месте. Я словно проснулась и отчаянно хотела вернуться в сон, зная, что момент упущен. Вернулись все мои ощущения. Я и так находилась тут слишком долго, удача могла от меня отвернуться в любой момент, стоило мне потерять бдительность.

Я не стала ждать, чтобы увидеть, проснется он или нет. Я выпрыгнула из салона и толкнула дверь машины, чтобы она

захлопнулась у меня за спиной. Я нажала на брелок, замки защелкнулись, а я засунула ключ в карман худи и побежала назад к своему дереву, ждать и наблюдать.

Глава 37

Карен

– Как все прошло?

Карен попросила следующего пациента немного подождать, чтобы быстро позвонить Элеоноре между сеансами. В это утро к ней должны были прийти из социальной службы. Насколько Карен могла судить, Элеонора сейчас волновалась гораздо меньше, чем вчера.

– Все хорошо, – голос Элеоноры звучал спокойно, но она казалась немного растерянной. – Я сказала им правду: я допустила глупую ошибку, и это послужило мне уроком. Больше я никогда не выпущу Ноя из виду. Адам предложил сократить свой рабочий день в следующие несколько недель, чтобы больше помогать дома, дать мне немного отдохнуть. Все очень скоро вернется в привычное русло.

– Ты правда в это веришь?

– Конечно, почему бы мне не верить? Я сделала глупость, больше это не повторится.

Карен постаралась, чтобы ее голос не звучал осуждающе, но ей это не до конца удалось.

– Еще совсем недавно ты была уверена, что кто-то переставил твою машину, чтобы ты подумала, будто ее угнали. А сейчас ты утверждаешь, что это была твоя ошибка.

– Потому что это и была моя ошибка. В тот день мне не хотелось признаваться в этом даже себе, и я приняла глупое решение, потому что устала. Вероятно, я думала, что паркуюсь на обычном месте, но на самом деле оставила машину в другом. Когда я вышла из школы и не увидела ее, я запаниковала, слишком остро отреагировала. Ничего особенного.

В пятницу, конечно, казалось совсем иначе, когда Элеонора дышала в бумажный пакет, пытаясь справиться со стрессом, а Карен держала на руках Ноя и старалась успокоить свою лучшую подругу.

– Отлично. – Спорить сейчас смысла не было – Элеонора приняла решение. Если хочет считать, что это было недоразумение – прекрасно, это выглядело лучше, чем та дикая версия, которую она придумала в пятницу, – будто кто-то пытается таким изощренным способом свести ее с ума. – Дай мне знать, если тебе что-то понадобится. У меня

сегодня весь день расписан, пациенты один за другим, но ты можешь оставить сообщение Молли, и я перезвоню тебе между сеансами.

– Спасибо, и еще раз спасибо за пятницу. Прости, что вела себя как сумасшедшая. – Элеонора пыталась говорить непринужденным тоном, но Карен услышала надрыв в голосе, когда подруга добавила: – Увидимся в пятницу.

– Я тебя люблю, – Карен попрощалась так, как они это делали всегда, но Элеонора уже повесила трубку.

* * *

Последний пациент Карен в то утро представлял один из самых интересных случаев, с которыми ей довелось работать. В сорок два года он согласился на гипнотерапию, чтобы попытаться выяснить причину проблем в пищевом поведении, и узнал, что когда ему было четыре года, мать или насильно кормила его, или морила голодом в качестве наказания за малейшие проступки. Его мать умерла за три года до гипнотерапии, поэтому он не мог точно узнать, истинное это воспоминание или ложное, и не представлял, как справиться с проблемой. Гипнолог запаниковал из-за осложнений, которые могло дать это открытие, и быстро перенаправил пациента к Карен. У них наблюдался прогресс, хотя и медленный, они использовали письмотерапию. Карен всегда хотела заниматься именно такими случаями – когда она реально могла изменить жизнь человека. Она всегда стремилась к этому.

После сеанса за ней заехал Майкл, чтобы вместе пообедать. Карен до сих пор гадала, как ему удается появляться в самое идеальное время, именно тогда, когда он ей нужен, – этакий счастливый пенни[19]. Выглядел он потрясающе, как и всегда. Она прижалась к его темно-серому костюму, вдохнула запах лосьона после бритья, стараясь, чтобы он отпечатался у нее в сознании на то время, пока Майкла не будет рядом. Рабочие дни пролетали гораздо быстрее, чем выходные. Это было все равно что целый год ждать один день Рождества.

– Как работа? – спросил он, тщетно пытаясь выглядеть достойно, когда наматывал лапшу на палочки, а она сваливалась в третий раз

подряд.

Карен рассмеялась и подозвала официантку китайского ресторанчика, который по большей части работал навынос.

– Можно нам вилку?

Здесь было всего три столика для небольшого количества клиентов, которые не забирали еду с собой, два другие сейчас пустовали, поэтому Карен не переживала, что кто-то услышит ее ответ на вопрос. Майкл знал, что Карен не может сообщать специфические детали про своих пациентов, поэтому у них имелись кодовые имена для них самих и их случаев. Профессиональная этика позволяла ей эту игру, потому что она ничем не отличалась от научных статей, которые она имела право писать и публиковать, если не упоминает настоящих имен пациентов.

– М-м-м, да все в порядке, – ответила Карен. – Трэвис продолжает называть меня «босс» чуть ли не в каждом втором предложении, причем говорит снисходительно, а ведь я начну подготовку только после того, как Кен уйдет на пенсию. Здравствуй-Мэри-из-высшего-класса на этой неделе вела себя несколько напряженно, – продолжала она, говоря нейтральным тоном, когда имела в виду Джессику Гамильтон. Под именем «Здравствуй-Мэри-из-высшего-класса» подразумевались женщины, у которых не было никаких серьезных проблем. Зачастую такие женщины, совершив какой-то проступок, хотели снять груз с плеч и использовали терапию скорее как исповедь, а не способ понять, почему поступили именно так. Обычно они не стремились изменить свое поведение.

– Все еще ходит на сеансы? – Майкл кивком поблагодарил симпатичную молодую официантку, которая принесла вилку.

– Ага. И она ничуть не стала лучше понимать причины ненависти к жене своего любовника. А дело в том, что она чувствует вину из-за того, что спит с женатым мужчиной, у которого есть дети.

Карен страшно хотелось упомянуть имя Адама. *«У тебя нет никаких доказательств. Вспомни про этику. Вспомни о продвижении по службе».*

– Судя по тому, что я слышал, она, кажется, просто пользуется своей привлекательностью. Как я и раньше говорил тебе, Карен, я не понимаю твою профессию. Ты же совершенно точно знаешь, что

заставляет ее так себя чувствовать. Почему ты просто не можешь ей сказать, в чем дело?

– Поверь, мне бы очень этого хотелось. – Ей удалось отправить в рот остатки лапши с говядиной, не запачкав бежевую блузку. – Но люди отказываются верить, что могут быть сами виноваты в своих смешанных чувствах. Сказать ей прямо – все равно что сообщить, что она должна порвать с этим мужчиной для решения проблемы. А она не собирается с ним расставаться. Значит, после сеанса она уйдет, уверенная, что *у нее* с головой все в порядке, потому что она ходила к психотерапевту и в ней ничего не поменялось.

«Или она попытается найти другой способ разлучить Адама и Элеонору».

– Как я понимаю, это идет на пользу Роберту. Как бы он делал деньги, если бы ты решала проблемы пациентов за один сеанс?

– А как ты справлялся бы со мной, если бы должен был меня содержать?

Она сказала это беззаботным тоном, но Майкл помрачнел, и какое-то время они оба молчали.

– Как там Элеонора после того случая? – спросил Майкл, когда наконец снова заговорил.

Карен скорчила гримасу.

– Я звонила ей сегодня утром. Говорила она странно.

– Более странно, чем обычно?

– Вот ты опять! Не надо так про них, ну что ты вредничаешь? Они тебя любят.

– Меня все любят, – улыбнулся Майкл. – И ты знаешь, что они мне нравятся, только мне кажется странным, что они так сильно от тебя зависят. Я хотел сказать, что вам всем за тридцать, не пора ли им уже повзрослеть? У Элеоноры двое собственных детей, но она все равно срывает тебя с работы из-за любой мелкой проблемы.

– Ты не понимаешь, потому что ты мужчина. У мужчин не бывает такой дружбы. Мои подруги полагаются на меня, потому что так у нас сложилось с тех пор, как нам было по пять лет. Я – сама стабильность. Я самая разумная. Они могут на меня рассчитывать.

– А что будет с тобой, когда у них отпадет потребность в тебе?

– Этого не случится, – уверенно ответила Карен. – Я всегда буду им нужна.

Глава 38

Би

Глаза у нее были закрыты, но она чувствовала запах скошенной травы и воды в реке. Ветер трепал ее волосы, а она все сильнее работала ногами, чтобы оказаться подальше над водой. Ветка, вокруг которой была обмотана веревка, опасно скрипела, а пальцы Би все крепче сжимали качели, пока у нее не побелели костяшки пальцев. Она не задумывалась о том, как вернется на берег, она не остановилась ни на секунду перед тем, как потянуть на себя качели из старой грязной шины, а ведь ее тело в тридцать пять лет не могло быть таким же гибким, как в шестнадцать. Не говоря уже о том, что они с друзьями проводили здесь долгие летние дни, а не холодные осенние, и их развлечения на тарзанке почти всегда заканчивались падением в освежающую ледяную воду. В те годы вода выглядела грязной, и в ней плавала всякая дрянь. Просто удивительно, что никто из них не подцепил кишечную палочку.

Она часто втайне от всех возвращалась сюда, чтобы воскресить в памяти те беззаботные подростковые дни, когда еще никто из них не осознавал, что с ними может случиться что-то плохое.

Они нашли этот участок реки с грунтовым выступом, скрытым за деревьями и кустарниками, которые росли выше по берегу. Нужно было вскарабкаться наверх или съехать вниз по узкому проходу в зарослях, чтобы добраться до места, где собирались полдюжины подростков и передавали по кругу двухлитровые бутылки «Белой молнии»[20] или бутылки из-под лимонада, наполненные той мешаниной из алкоголя, который удалось стащить у родителей. Солнце отбрасывало тени в виде листьев на их джинсовые шорты, когда они по очереди подсаживали друг друга, чтобы раскачаться на веревке, свисавшей с ветки. Тогда еще не было никаких сложных конструкций с шиной. Они с криками пытались спрыгнуть на сухую землю, но у них не получалось.

А потом был тот последний раз…

Они много лет не приходили к реке. Они выросли и шли по жизни дальше. Все трое учились в университетах, а мальчики, на которых они пытались произвести впечатление, уже увлеклись другими

девочками, менее образованными и более веселыми. Взрослость в них разрасталась как опухоль, которую почти невозможно распознать в самом начале, а когда они ее все-таки заметили, она уже стала неизлечимой. Почувствовав необъяснимую острую необходимость вернуться, они приехали домой летом после первого курса – того года, в который жизнь Би резко изменила направление и пошла по новому пути. Словно с их глаз упали шоры, они поняли, что плохое случается и с хорошими людьми, и они принялись бороться с этим всеми доступными средствами. В то лето они будто вновь стали подростками: субботними вечерами работали в барах, а дни проводили, загорая в саду у родителей Элеоноры или у реки. Вечера, когда они не работали, проходили в алкогольном тумане, теперь встречались только они втроем, надев джинсы и «мартинсы», а не тот минимум одежды, в котором вообще можно было безнаказанно улизнуть из дома. У Би возникло ощущение, будто ее подруги знали, что она выходит из-под контроля, и у них было два варианта на выбор: попытаться затянуть ее назад или находиться как можно ближе к ней, когда она упадет.

«Кто меня подсадит?»

Теперь солнце пробилось сквозь облака, Би прекратила работать ногами и немного отклонилась назад. Она слышала слова так четко, словно произнесла их вслух всего несколько секунд назад. Она представляла в своем воображении, как, пошатываясь, поднимается на ноги, отряхивает джинсы и пытается встать прямо.

– Эй, нельзя же прийти к реке и не покачаться на качелях. Кто меня подсадит? – спросила она тогда.

Карен лениво открыла один глаз, посмотрела на нее и снова его закрыла.

– Не дури. Нельзя идти плавать после того, как ты столько выпила.

– Ты не права. – Би ткнула пальцем в сторону подруги, хоть Карен и не могла ее видеть. – Так говорят про еду. Нельзя идти плавать в течение двух часов после еды. Насчет выпивки ничего такого нет.

– Карен права, Би.

Но Би не слушала. Она уже обматывала веревку вокруг запястья и оперлась ногой о дерево, чтобы от него оттолкнуться. Она стала выше с тех пор, как приходила сюда в последний раз, и еще немного

похудела, поэтому взобраться на сиденье без чьей-либо помощи оказалось легче, чем она ожидала. Оно находилось у нее между ног, ей было неудобно, а ветка над головой почти демонстративно стонала, но Би выпила слишком много, чтобы обращать на это внимание, или, может, дошла до такого состояния, когда ее уже ничто не волновало. Она оттолкнулась ногами от дерева и, вращаясь, полетела над рекой, закрыв глаза, чтобы выпитый алкоголь не стал подниматься вверх по горлу. Когда она снова их открыла, все вокруг смазалось и стало одним зелено-коричневым пятном: деревья, берег и река – Би больше не могла определить, что есть что.

И такой, казалось, была вся ее жизнь: день сливался с ночью, алкоголь размывал границы дней, неотличимых друг от друга. Даже Карен и Элеонора не знали, сколько она пила, не знали, что ее куратор в университете сказал ей, что если она планирует приехать в таком же состоянии, в котором уезжала, то может вообще не возвращаться.

Треск сиденья прозвучал словно выстрел, эхом разнесшийся над рекой. Она начала падать, едва осознав происходящее, и вошла в ледяную воду с такой силой, что воздух мгновенно вышел из ее легких. Она стала инстинктивно работать ногами, чтобы всплыть на поверхность, а там начала судорожно хватать воздух. Шок уступил место облегчению, и она уже собиралась помахать двум подругам, кричавшим на берегу, и дать им знак, что с ней все в порядке, но тут течение снова потянуло ее вниз.

С тех пор каждый раз она вспоминала тот случай с улыбкой. Они смеялись с Элеонорой – помнишь, ты тогда так напилась, что чуть не утонула в реке? Но Карен отказывалась об этом говорить. Она больше никогда не возвращалась в то место после того, как Элеонора бросилась в воду, чтобы вытянуть подругу на берег, она давила Би на грудь и всхлипывала, пока Би не закашлялась и не выплюнула из себя половину реки вместе с содержимым желудка. Может, все дело было в том, что Карен тогда застыла на месте – всегда предприимчивая Карен не могла пошевелиться в экстремальной ситуации. За все годы их знакомства с Би Карен никогда не заходила в реку, но после того происшествия она стала относиться к ней почти как к врагу, физическому существу, которое тайно замыслило отобрать у нее подругу навсегда. Со временем, когда Би с Элеонорой это поняли, они прекратили говорить про тот случай в ее присутствии.

Сама Би испугалась в достаточной мере, чтобы несколько дней вообще не прикасаться к алкоголю, а затем ей показалось, что нет необходимости каждый день напиваться до потери пульса. Она вернулась в университет более-менее трезвой и субботние вечера посвятила занятиям, чтобы наверстать упущенное, а не поискам того, что она сама не могла выразить словами, или попыткам доказать себе, что пережитое на нее никак не повлияло. Она позволила себе вылечиться. Поэтому в некоторой степени река оказалась третьей лучшей подругой, которая у нее была. Один раз она спасла ей жизнь, и, может, это снова сработает. Так думала Би, распрямляясь и бросаясь в воду.

Глава 39

Карен

Кафе было практически пустым, когда пришла Карен. Она удивилась тому, что пришла первой – обычно две другие подруги уже сидели за столиком, заговорщически склонив головы друг к другу, когда она появлялась в дверях. Она заказала им чай и три куска шоколадного торта, потом достала свой айпад, чтобы проверить, не пришли ли какие-то новые письма за те пятнадцать минут, которые она добиралась сюда из офиса. Это могло показаться безумием, но ей нужно было постоянно чем-то заниматься – если появлялось свободное время, к ней в голову лезли всякие мысли, а она не могла их вынести. Во «входящих» не оказалось ничего нового, поэтому Карен испытала огромное облегчение, увидев в дверях Би, которая тащила сумку размером с машину. На ней были кроссовки, и это вместе с обтягивающей юбкой-карандашом и блузкой с отделанным рюшами воротом, и все равно она нетвердо стояла на ногах. Лицо было бледным, с темными кругами под глазами.

– Господи, Би, ты выглядишь ужасно! – заметила Карен, когда Би бросила свою сумку на стул рядом с ней и уселась напротив.

– Спасибо, – нахмурилась Би. – Можно подумать, я не в курсе. Сегодня четыре человека спросили меня, не нужно ли вызвать скорую помощь. Я серьезно выгляжу так, будто вот-вот умру?

– Ты выглядишь так, словно уже умерла, а кто-то после этого посадил тебя на стул. Ты так и не спишь?

Би проигнорировала вопрос.

– Тебе кто-нибудь вообще говорил, что честность не всегда является лучшей политикой?

Подошла официантка с их шоколадным тортом, и Карен пододвинула кусочек к Би, которая выглядела так, будто ее вполне могло стошнить при виде него.

– Ты, должно быть, шутишь. Можно мне три пинты крови и капельницу?

Несчастная девушка явно не поняла смысла шутки и не знала, как ответить. Она напоминала оленя, оказавшегося в свете фар, и переводила взгляд с одной подруги на другую, потом пробормотала:

– Я сейчас принесу вам чай.

С этими словами она быстро убежала на кухню.

– Если серьезно – сегодня у меня не хватает терпения на сторонников теории плоской земли, – проворчала Би, вытащила телефон из сумки и положила на стол. – И комментариев по поводу живого мертвеца тоже хватит уже. Про тебя тоже не скажешь, что ты цветешь и пахнешь. В чем дело? Вы с Майклом не спали всю ночь и исполняли танго в горизонтальном положении?

Ничего подобного не было, хотя Би правильно заметила, что Карен не похожа на саму себя. Она чувствовала себя не в своей тарелке. Каждую свободную секунду с их последнего сеанса с Джессикой Гамильтон она думала о ней, ее словах, враждебности по отношению к женщине, которая, как очень хотелось Карен, была не Элеонорой. Все эти мысли заполняли ее голову, словно мед банку, – липкие, неподатливые и не оставляющие места ничему другому.

– Если бы, – буркнула она себе под нос. Ей не хотелось упоминать Джессику Гамильтон. Би не обладала талантом Майкла – ей, в отличие от него, не была свойственна деликатность. Ей захочется знать все детали, все до одной, а Карен даже не будет знать, с чего начать.

– Куда запропастилась Элеонора? – Карен испытала облегчение, когда Би сама сменила тему. – Ты в последнее время с ней общалась? Я не знала, держаться подальше или наоборот. Я не хотела, чтобы она думала, будто мы лезем не в свое дело…

Какое удобное оправдание – Би могла забыть об Элеоноре и ее проблемах, стоило той скрыться из виду. Не то чтобы Би преднамеренно вела себя как эгоистка; она была хорошим человеком, и если решала быть внимательной и заботливой, это у нее отлично получалось. Но в последние дни она не очень часто поступала так.

– Она рассказала тебе о том, что случилось с Ноем?

Би скорчила гримасу и кивнула.

– Да. Как ты считаешь, чего ждать от социальных служб? Они поставят их семью на учет?

– Совершенно точно поставят. Что она тебе сказала?

– Она забыла, где припарковала машину, и позвонила в полицию. Она, наверное, не соображала, что творит. Бедняжка!

Карен кивнула и не стала упоминать, как Элеонора клялась, что кто-то переставил ее машину. Если Элеонора не рассказала об этом Би,

значит, на то была причина, и Карен должна уважительно относиться к решению подруги. Хотя ей страшно хотелось спросить, что Би думает об этом случае. Может, Элеоноре было просто стыдно.

– Я просто немного беспокоюсь, что у нее наблюдаются признаки…

– О боже, Карен, не надо этих твоих психиатрических штучек. Только не с нами. Мы же договаривались.

Да, они на самом деле договаривались. В самом начале ее учебы в университете, когда она, возможно, слишком усердно занималась психоанализом и излишне часто использовала медицинский жаргон, они серьезно поговорили. Она не могла ничего с собой поделать. Она приходила в восторг от психиатрии: от того, как прошлое может объяснить многое из настоящего, от того, как можно разобрать и объяснить действия людей. Люди в буквальном смысле ведут себя как по учебнику. Редко встречаются проблемы, которые нельзя объяснить после тщательной оценки всех факторов.

Неудивительно, что Би совсем не понравилось, когда она услышала, что ее постоянная потребность во внимании объясняется тем, что она младший ребенок женского пола у властной матери и не проявляющего эмоций отца. По ее словам, она была вполне счастлива после ее «долбаного детства», и ей нравилось то, каким человеком она после него стала. Би уклонялась от разговоров о том, почему у нее так складывались отношения с мужчинами. И она точно так же предупредила Карен, чтобы та никогда не упоминала при Элеоноре, что ее постоянная, похожая на материнскую, забота об Адаме и необходимость держать под контролем каждую сферу жизни, происходят из-за неуверенности и проблем с весом в юном возрасте, которые она не могла контролировать. Тогда они и договорились, что Карен не станет использовать недавно приобретенные знания применительно к подругам, их семьям и мужчинам (включая потенциальных), а они в свою очередь не станут привязывать ее к мешку с камнями и сбрасывать в реку Северн.

– Хорошо, не буду. После того, как Элеонора успокоилась, с ней все было в порядке.

Би фыркнула.

– Не верю. Скорее всего, она стала еще более дерганой и нервной, чем раньше, и это совсем не удивительно, учитывая, что у нее

новорожденный ребенок, а от ленивого мужа помощи не дождешься… – Она запнулась при виде Элеоноры, которая вошла в кафе и тут же бросила на них взгляд. – Боже, ты только посмотри на нее. Напомни мне, чтобы я никогда не заводила детей. Никогда.

Когда Элеонора приблизилась к их столику, Би повесила на лицо фальшивую улыбку – такую же искусственную, как и ее ногти. Элеонора бросила один взгляд на торт и с облегчением улыбнулась, пусть и не очень широко.

– Слава богу, что в природе существует шоколадный торт.

Вариантов тут не было: Элеонора выглядела ужасно. Причем не как измотанная молодая мамочка, которая забыла сегодня утром сделать макияж и надела трусы на левую сторону. Дело обстояло гораздо хуже. У Карен в сознании промелькнул образ Джессики Гамильтон. *«Я испытывала возбуждение. Думая о том, как ей навредить, я испытывала возбуждение».*

– В чем дело? С тобой все в порядке? Что-то случилось?

Элеонора вздохнула и уселась, поставив локти на стол и сжав голову руками. Ее волосы были зачесаны назад и собраны в хвост, скрепленный резинками. Несколько прядей выбились и торчали в разных местах, под прямым углом к голове. В таком виде она немного напоминала «сумасшедшего профессора». Элеонора подняла голову, и Карен не могла не заметить сыпь на подбородке и красноту под правым глазом, словно там вот-вот вскочит ячмень.

Элеонора застонала, и сначала Карен подумала, что кроме стонов они больше ничего из Элеоноры не вытянут. Через несколько секунд молчания Би протянула руку и нежно коснулась руки Элеоноры – так, должно быть, приближаются к тигру в период кормления.

– Элс? Расскажи нам все. Вдруг мы сможем тебе помочь?

Элеонора покачала головой и снова сжала ее руками.

– Сомневаюсь. – Ее голос звучал приглушенно, но Карен все равно расслышала в нем изможение. И что-то еще, похожее на готовность сдаться. У нее в груди появился комок – начиналась паника.

– А ты попробуй.

Элеонора подняла голову, ее глаза словно пытались передать послание, которое Карен не могла понять.

– У меня такое ощущение, что сейчас я больше не управляю своей жизнью, – медленно произнесла она так, словно тщательно подбирала

слова. – Я понимаю, что у меня, возможно, паранойя, послеродовая депрессия или что-то подобное, но я чувствую – что-то происходит, есть какая-то неведомая мне внешняя сила, и она всем распоряжается. Я не знаю, как выразиться, но чем больше я об этом думаю, тем больше подходит такое объяснение. Я чувствую, что кто-то наблюдает за домом…

Карен с трудом сдержалась, чтобы не ахнуть, – звук уже был готов сорваться с ее губ. Теперь она поняла, почему Элеонора так на нее посмотрела перед тем, как начать говорить. Она думала о том, что Карен рассказала ей про Адама, про ее предупреждение быть осторожной, но очевидно, она пока не решалась поделиться этим с Би. Карен не знала почему, но могла догадаться, что Элеонора просто не хочет произносить слова вслух. Вдруг в момент, когда она признает, что ее муж может иметь любовную связь на стороне, это станет реальностью.

– А потом угнали мою машину… У меня такое ощущение, будто я схожу с ума.

Би склонилась к Элеоноре и стала говорить тише:

– Сейчас ты точно говоришь, как сумасшедшая. Ты же сказала, что забыла, где поставила машину.

– Тогда я убедила себя, что именно это и произошло, но теперь я не уверена, – вздохнула Элеонора. – Или, может, я пытаюсь убедить себя, что в деле замешан кто-то еще, а на самом деле просто не могу признать, что сама по себе так все порчу и рушу. Мы с Адамом почти не разговариваем, мы оба так устали; Тоби считает, что меня волнует только Ной. Кажется, что я постоянно всех раздражаю, а я только хочу сделать все как можно лучше. Моя дурацкая идея об открытии собственного дела испарилась как дым, а мой дом бывает чистым раз в неделю. Я не знаю, как решить все проблемы, не знаю, как со всем справиться, и, вполне возможно, я виню кого-то еще, чтобы не взваливать ответственность себе на плечи.

Карен перевела дух. Если она собирается поделиться с ними своими подозрениями по поводу Джессики, то делать это надо сейчас, но она никогда раньше не нарушала врачебную тайну, и это для нее был очень серьезный вопрос. Но она не могла игнорировать слова Элеоноры.

– Послушай, Элеонора, я не думаю, что ты сумасшедшая. Сейчас я собираюсь вам сказать кое-что, но вы никогда не должны говорить это никому другому. – Карен оглядела кафе, чтобы проверить, не может ли их кто-то услышать. – У меня есть пациентка. Я не могу назвать вам ее имя и фамилию, но я думаю, что она почему-то на мне зациклилась, и эта ее зацикленность может распространиться на одну из вас или на обеих. Больше я ничего сказать не могу, правда, но я думаю, вам обеим следует проявлять осторожность и следить, не происходит ли вокруг вас чего-то необычного.

Карен откинулась на спинку стула и наблюдала за их реакцией. Они обе явно пребывали в недоумении.

– Как мне кажется, ты говорила… – Элеонора запнулась. – Почему нам угрожает опасность, если она зациклена на тебе?

– Каким образом зациклена? – спросила Би.

– Я правда больше не могу вам ничего рассказать. Из-за любой более конкретной информации у меня могут возникнуть проблемы. Но вам не нужно беспокоиться: я как-нибудь разберусь с этим вопросом. Пока я не уверена, как именно, но я найду способ.

– Вы обе сумасшедшие, – объявила Би. – Сталкеры с навязчивыми идеями, автомобильные воры – послушаешь вас, и кажется, что вы вдруг оказались в «Холлиоксе»[21]. – Она повернулась к Элеоноре. – В жизни постоянно случается всякое дерьмо. Помнишь, когда у тебя только появился Тоби, ты поехала в город, чтобы переделать кучу дел, но вернулась и забыла обо всем? За тобой тогда кто-то следил, нашептывал заговоры тебе в ухо, заставляя обо всем забыть?

– Нет, но…

– И ты залила в машину бензин, а не дизель, она у тебя сломалась и…

– Поняла, – перебила Элеонора. – Согласна. Но не нужно в деталях вспоминать все случаи из моей жизни, когда я напортачила.

Би повернулась к Карен.

– Карен, я не хочу тебя обидеть, но ведь если бы у тебя имелись хоть какие-то доказательства того, что эта девушка представляет опасность, ты бы к этому времени уже точно что-то предприняла. Поэтому очевидно, что их у тебя нет. Не знаю, как вы обе, но мне совсем не хочется жить, постоянно оглядываясь через плечо, чтобы проверить, не собирается ли кто-то спрятать мою зубную щетку или

воспользоваться моим рулоном туалетной бумаги только для того, чтобы заставить меня думать, что я схожу с ума. У меня и так достаточно всего происходит в жизни, чтобы не спать по ночам. Не надо так на меня смотреть, Карен. Я тебя люблю, но ты драматизируешь события, а бедная Элеонора и так не высыпается. И она в таком состоянии, что может воспринять твои слова серьезно. Уж тебе ли не знать. Готова поставить сотню фунтов стерлингов на то, что эта девушка не представляет никакой опасности.

Глава 40

Карен

– У меня сегодня опять была та пациентка, которая спит с женатым мужчиной.

Карен попыталась произнести эту фразу непринужденным тоном, но Майкл многозначительно посмотрел на нее – так он смотрел, когда у нее появлялась какая-то навязчивая идея, которую он не мог понять. Он чуть слышно вздохнул, такой вздох обычно не замечают и обращают внимание, только если его ждут. Однако после того как Би сегодня днем отреагировала на ее слова, она отчаянно хотела поговорить с кем-то о происходящем. На минуту ей показалось, что у нее есть союзница в лице Элеоноры, но после короткой речи Би Элеонора замкнулась и больше не желала все это обсуждать. После того как они разошлись, Элеонора прислала Карен сообщение, в котором спросила, имеет ли ее сумасшедшая пациентка какое-то отношение к тому, что Карен рассказала ей про Адама. Карен ответила только:

«Я скажу тебе больше, как только смогу. Хх».

– И что?

– Она оговорилась – произнесла имя мужчины, с которым встречается. Похоже, она не поняла, что назвала его, и стала сразу же отрицать это, но я знаю, что слышала его.

– Но тебе же нельзя мне это говорить. Врачебная тайна и все такое?

– Она не назвала его фамилию, так что ты не сможешь его опознать.

– Так в чем дело-то? Здесь где-то собака зарыта, или мы не обсуждали бы этот вопрос вместо того, чтобы… – Он опять многозначительно посмотрел на нее, и Карен прекрасно поняла, что он предпочел бы делать.

– Ты прав. – Она покрепче прижалась к нему, а он провел теплой рукой у нее по бедру. – Только получается немного странно, потому что его зовут Адам.

– Это странно, потому что?.. Погоди, позволь мне догадаться. В «Космополитене» написали, что мужчины по имени Адам наименее склонны к любовным связям с молодыми женщинами, имеющими психические отклонения?

– Прекрати паясничать. Я просто посчитала это странным, потому что, знаешь ли, у Элеоноры муж Адам.

Майкл улыбнулся, и Карен поняла, что совпадение имен для него не повод подозревать мужа ее лучшей подруги в изменах с Джессикой.

– Ты знаешь, что Адам – это одно из наименее распространенных имен в Великобритании? Например, когда я рос, в моем классе и всех параллельных насчитывалось только три Адама, а во всей школе восемь или девять. С такими шансами встретить Адама я понимаю, почему у тебя возникли подозрения.

Карен должна была почувствовать себя глупо после его остроумных замечаний, но она ощутила только раздражение. «Расскажи ему все остальное…»

– Его жена только что родила. Элеонора только что родила ребенка.

– В таком случае я и правда не знаю, что и сказать. – Майкл говорил с невозмутимым видом, но Карен знала, что он не относится к делу серьезно. – Я только что использовал весь свой сарказм, когда говорил про имя.

Карен хотелось рассказать ему про то, что видела Адама вместе с Джессикой, но Элеонора ей не поверила, и она не хотела утруждать себя, пытаясь убедить еще и Майкла. Ему совершенно точно было плевать на ее обеспокоенность из-за Джессики Гамильтон. Она же совершенно точно знала, что видела и что происходит, но, похоже, больше никто не собирался верить ей на слово.

– Ладно, отвали. – Она попыталась отвернуться, но он схватил ее за руку и притянул к своей груди.

– Не надо так. Не заводись из-за какой-то пациентки. Я же говорил, тебе нужно оставлять работу за дверьми кабинета. Ушла и забыла. А то это все тебя погубит.

– Да, ты прав. – Она знала, что звучит ворчливо. И вообще она была не в настроении.

– Не сердись. – Майкл положил ноги на диван и притянул Карен поближе к себе. «Ноги в чистых носках», – подумала она, с

неудовольствием вспоминая грязную обувь Джессики Гамильтон. Она откинулась назад и позволила себе расслабиться на его теплой широкой груди. – Судя по тому, что я слышал, она кажется мне отвергнутой женщиной.

– Отвергнутой? – Карен приподняла и повернула голову, чтобы посмотреть на Майкла. – Почему ты это сказал? Как будто она проиграла в каком-то сражении?

Его красноречивый взгляд дал Карен ясно понять, что она додумывает за него и сейчас сама же начнет спорить с этими домыслами.

– В любом случае мне не следует о ней говорить. Я уже сказала больше, чем обычно. Но, наверное, она меня немного напугала.

– Ты не должна этого допускать. Она будет использовать тебя еще несколько недель как тестового слушателя и пойдет по жизни дальше. Но ты не должна выходить из кабинета вместе со всем этим багажом.

Он был прав. К ней приходили многие другие пациенты с гораздо более серьезными проблемами, чем у Джессики Гамильтон, и она никогда раньше не допускала, чтобы они ее беспокоили. Одним из правил ее работы было не допускать личной вовлеченности. Если возникало чувство, что кто-то из психиатров не может сохранять профессиональную отстраненность, то этот вопрос поднимался на еженедельном совещании, и пациент переходил к кому-то другому, или тот же врач продолжал вести пациента, но сам получал профессиональную помощь. Это может показаться странным – психотерапия для психиатра, но в их сфере деятельности все регулярно проходили сеансы психотерапии, чтобы проверить: справляется ли их сознание и готовы ли они и дальше работать. Но Карен считала, что не может предоставить этот случай другим партнерам. Она рисовала в воображении картины развития событий: они отнесутся к делу точно так же, как Майкл, – эта женщина никак не отличается от других пациентов, и в действительности даже представляет меньшую угрозу для душевного здоровья Карен, поэтому она должна с ней справиться. Ее коллеги могут даже заподозрить, что у нее есть другая причина для дискомфорта на этих сеансах, а за ее опасениями стоит нечто более серьезное. Ведь они же профессионалы.

Наверное, был только один человек, с которым она могла поговорить, – Роберт. Ей было необходимо с кем-то обсудить этот

случай; если даже только гипотетически один из пациентов может навредить кому-то, они должны об этом сообщить. Промолчишь – совершишь профессиональное самоубийство. И ведь еще были записи, которые она делала. Она не могла их изменить задним числом – во всех документах ставилось время, как и в случае любой правки. Делалось это в интересах получения полной информации на случай, если возникнут какие-то… *проблемы*.

Карен не знала, почему не рассказала Майклу, как она на самом деле себя чувствует, – ей казалось, что Джессика ее знает. Что между ними есть что-то личное. Может, Карен все еще отрицала эту возможность, а если скажет об этом вслух, то придется как-то действовать.

– Ты прав, – тихо сказала она, не желая больше продолжать этот разговор. – Мне нужно приготовить ужин.

Глава 41

Элеонора

Крики не прекращались все утро. Каждый раз, когда Элеонора хотя бы на секунду укладывала Ноя в кроватку, он превращался в завывающую сирену, отчаянно желая уведомить власти о том, что его бросили. С Тоби было не легче. Он ел так медленно, что у Элеоноры появилась уверенность: его тарелка с кашей наполняется каждый раз, когда она в нее заглядывает. Часы показывали уже без пятнадцати восемь, и ни один ребенок еще не был одет.

Проблема заключалась в том, что она просто не могла ни на чем сосредоточиться. Колесо у нее в голове крутилось как в замедленной съемке, хомяк объявил забастовку и еле передвигает лапами. У нее возникло ощущение, будто кто-то удалил мозг из ее черепной коробки ложка за ложкой, а вместо него наполнил ей голову воздушно-пузырчатой пленкой. Время от времени она вдруг обнаруживала, что стоит и не двигается, смотрит прямо перед собой и не понимает, что хотела сделать.

Ей следовало приготовить все вчера вечером. Она это прекрасно понимала. Когда появился Ной, она пообещала себе, что будет организованной и начнет готовить все для школы накануне вечером. Сейчас ей хотелось над этим смеяться. Несмотря на обещание Адама работать поменьше, его не было дома почти каждый вечер, а к тому времени, как удавалось уложить обоих мальчиков, ей хотелось только принять ксанакс[22] и рухнуть в кровать. Слава богу, что у нее есть волшебные пилюли.

Она положила Ноя в детское кресло-качалку и попыталась вспомнить, какой сегодня день, что нужно дать Тоби с собой в школу и что ей необходимо сделать вне дома. Она собиралась купить подарки ко дню рождения Тоби, написать приглашения на вечеринку, но ребенок кричал не переставая. Тоби громко включил телевизор, чтобы слышать героев программ, которые он смотрел, и голоса из телевизора перекрыли шум дома, а в голове у Элеоноры барабаны отбивали ритм с шести часов утра, когда она только проснулась.

– Мама… – открыл рот Тоби.

Опасаясь, что она сама сейчас вполне может опуститься на пол и начать орать, Элеонора предупредительно подняла дрожащую руку.

– Секундочку, Тоби, маме нужно в туалет.

Она исчезла за дверью, а потом побежала наверх, перепрыгивая через две ступени – так быстро она еще этим утром не передвигалась. Она закрыла за собой дверь ванной комнаты и сползла вниз, прижимаясь спиной к деревянной поверхности. Крики Ноя все еще доносились снизу, но, по крайней мере, громкость стала приемлемой.

Она вытащила бутылочку с таблетками из кармана халата, где они все утро перекатывались, напоминая о себе, высыпала две на ладонь, с жадностью отправила в рот и проглотила, даже не запив водой. Она снова прижалась головой к двери и закрыла глаза.

«Ну, давай, тебе нужно только доехать до школы, – мысленно сказала она сама себе. – *Ноя даже не нужно одевать; просто набросить на него пальтишко, и он готов. Если у Тоби в рюкзаке лежат деньги на завтрак и домашнее задание, которое он сделал вчера, то с ним все будет в порядке. Ему нужна спортивная форма? В какой день у него физкультура? Все равно лучше дать ее с собой на всякий случай…»*

Силой воли она заставляла себя подняться, но ноги казались такими тяжелыми, а здесь на полу было так уютно, настолько тише, чем внизу. Если бы она только могла здесь остаться, хотя бы на пять минут…

В дверь стучали настойчиво, затем начались крики: «Мама! Мама! Мама!», причем такие громкие, что Элеонора открыла глаза. Она заснула? Сколько времени она здесь сидит? Конечно, всего пару минут, но крики Ноя теперь казались более страдальческими, а в голосе Тоби слышалось отчаяние. Она заставила себя подняться на ноги, в голове, казалось, взрывались петарды, но она резко распахнула дверь ванной комнаты.

– Ной вывалился из кресла-качалки! – заорал Тоби и понесся вниз по лестнице до того, как она успела что-то ответить.

Ею двигала чистая паника, когда она бежала за сыном, ее ноги двигались только благодаря этому. Элеонора была на автопилоте – нужно добраться до Ноя, а потом разбираться со случившимся.

Когда она ворвалась в гостиную, крики Ноя перешли в истерику. Он лежал на деревянном полу лицом вниз, не мог подняться и

неистово колотил ножками по воздуху. Она бросилась к нему, подхватила на руки, крепко прижала к груди, ей было страшно посмотреть, что же с ним – насколько сильно он расшибся.

– Что случилось? – Она повернулась к Тоби. Ей отчаянно хотелось обвинить кого-то еще, а не того, кто был на самом деле виноват, – не себя. Паническое выражение на лице Тоби заставило ее замереть на месте.

– Он просто упал, – ответил Тоби. – Он не был пристегнут. А тебя так долго не было.

– Я совсем недолго… – Элеонора бросила взгляд на часы: тринадцать минут девятого. Она провела в ванной почти полчаса. – О боже. Давай, Тоби, надевай форму. Не смотри на меня так. С твоим братом все в порядке, а ты опоздаешь в школу.

Она оторвала успокаивающегося Ноя от груди и проверила, нет ли синяков на голове. Там осталась ярко-красная отметина, которая вскоре превратится в шишку размером с теннисный мяч, но глазки смотрели внимательно, и ребенок больше не плакал. Ей просто нужно будет понаблюдать за ним до конца дня.

Как она допустила подобное? Элеонора сдерживала слезы ради Тоби, который, надо отдать ему должное, сразу же молча отправился наверх переодеваться. Она улыбнулась Ною и немного покачала его у себя на бедре, чтобы он успокоился. Теперь нужно было успокоиться самой. Сердце так сильно стучало у нее в груди, что она удивилась, как оно еще не выскочило из пижамы. Ее трясло, и она ничего не могла с этим поделать.

Она не помнила, как оделась сама и одела обоих детей, а потом усадила их в машину, она понимала, что в таком состоянии ей лучше не садиться за руль. Ей позвонить Адаму? Карен? Би? Обе подруги сейчас в пути на работу, а ее мать не умеет водить. Если она позвонит Адаму, то придется признаваться, что она принимает ксанакс, признаваться, что рядом с детьми уже давно находится зомби.

– Мама, с тобой все в порядке? Мы опоздаем.

Элеонора опустила стекло, чтобы холодный воздух бил ей в лицо. Благодаря освещающей прохладе осеннего утра она немного ожила и почувствовала, что просыпается. Она включила двигатель и завела машину. С ней все в порядке, она сможет – она тысячу раз ездила по этой дороге.

– Все в порядке, ребенок, мы уже едем.

Она отъехала от края тротуара, пристально глядя на дорогу и бормоча себе указания, чтобы компенсировать пустоту в том месте, где должен бы находиться ее мозг.

Глава 42

Би

В прошлом году Элеонора прислала Би на день рождения черно-белую открытку с изображением двух разговаривающих женщин. «В спорткомплексе новое оборудование, – заговорщически сообщала одна из них. – Выдает все: батончики “КитКат”, “Марс”…»

Именно так Би и относилась к тренажерному залу. Торговый автомат стал единственным устройством, с которым у нее там сложились серьезные отношения, но она все равно туда ходила каждый вечер, и слова ее матери стимулировали ее гораздо сильнее, чем мог кто-либо еще.

– Нам, женщинам из семьи Баркеров, нужно следить за тем, что мы едим, или заниматься спортом, а я не видела, чтобы ты в последнее время делала хоть что-то из этого. Если не хочешь отрастить бедра, как у тети Джеммы, то тебе нужно прекращать заказывать еду навынос и есть всякий мусор.

Но Би не могла отказаться от последнего, она вообще относилась к тем людям, которые едят батончик «Марс» на беговой дорожке, поэтому она просто стала ходить в спортзал четыре раза в неделю и с радостью отмечала результаты: теперь у нее просто оставалось меньше времени на еду.

– Да, мама у нас такая. Это как раз в ее стиле, – засмеялась Фрэн, когда Би передала ей слова их матери. – Тебе повезло, что ты у нас младшенькая. Если бы я предложила ей отвалить, как сделала ты, то оказалась бы в полной заднице, и она гонялась бы за мной с большой кухонной лопаткой.

Би улыбнулась, представив, как ее мать гоняется за ее тридцатидевятилетней сестрой по саду с кухонной лопаткой. Хотя Фрэн была права: установленные дома порядки несколько смягчились к тому времени, как родилась Би. Или, может, их мать просто была слишком занята, чтобы замечать, какое их количество нарушает младшая дочь. Неравенство в их воспитании частично объясняло то, что они стали близки, только когда повзрослели, и их просто перестало все это волновать. Би всегда чувствовала, что их мать гораздо больше интересуется Фрэн, чем ею, а Фрэн неустанно жаловалась, что ее

младшая сестра считается золотым ребенком, который просто не может что-то делать неправильно. Однако теперь соперничество между сестрами уступило место дружбе, возможной только у людей, которые каждый день вместе купались в ванне и вместе ели на протяжении первых десяти лет жизни.

– Ты прекрасно знаешь, что мама любит тебя больше, – продолжала Би. Это была старая шутка, к которой обе давно привыкли. – Иначе меня не назвали бы в честь бабушки Беатрис, а тебя в честь бабушки Фрэнсис. Мне отлично подошло бы имя Фрэнки. Такое крутое имя совсем не для тебя. Напрасно мама так сделала.

– Если ты закончила все свои дела, то я могла бы к тебе подскочить. Рич и Льюис сейчас на футболе, Мейзи у подруги, а мне нечем заняться. Я подумала, что лучше всего будет поехать к тебе.

– Отлично, спасибо, Фрэн. Как я могу отказаться от такого предложения?

Ей в эти дни было легко разговаривать с Фрэн. Иногда даже легче, чем с подругами. Би не была уверена, в ком тут дело – в них или в ней самой, но иногда у нее возникало чувство, будто они наконец выросли и потеряли интерес друг к другу. Вместе с Фрэн она не чувствовала себя неудачницей из-за отсутствия мужа, двоих детей и прекрасной работы. Фрэн была старше, и дети у нее появились до того, как кто-то мог ожидать того же от ее младшей сестры, плюс ко всему детки оказалась маленькими гаденышами, поэтому Би радовалась своему статусу одинокой незамужней женщины. Би любила подруг как сестер, но каждый раз при виде их вспоминала, что с карьерой у нее ничего не получается, а серьезных отношений завести не удалось. Поэтому она неоднократно собиралась рассказать Фрэн про то, что с ней случилось много лет назад, но никак не могла заставить себя произнести эти слова вслух – заново все пережить или, еще хуже, выяснить, что ошибалась по поводу сестры, и увидеть в ее глазах осуждение.

– В последнее время у Элеоноры, кажется, не все в порядке с головой из-за гормональной перестройки после рождения ребенка. И еще она считает, что теряет себя. – Фрэн едва успела переступить порог, как сестра начала выпускать пар. – А Карен рассказала про пациентку, которая ее пугает. Она слишком серьезно ее воспринимает, как мне кажется. Я уверена: она знает, что мы с Элс что-то от нее скрываем, – у нас не очень получается с этой вечеринкой-сюрпризом.

Плюс она еще давит на меня – хочет познакомить с мужиком со своей работы. Я разрешила ей дать ему мой номер, причем довольно давно, а он еще даже ни одного сообщения не прислал. Может, он думает, что я неудачница.

Фрэн вопросительно приподняла бровь.

– Карен все еще пытается организовывать тебе встречи со скучными не подходящими тебе типами?

Би улыбнулась.

– Ага. Я пыталась ей говорить, что довольна своей жизнью, но, похоже, она не верит, что я могу быть счастлива в одиночестве в моем возрасте… Она заботится обо мне. Желает мне счастья.

– Хм-м-м, – пожала плечами Фрэн. – Я уверена, что это так, просто…

– Просто что? – Голос Би прозвучал резче, чем она хотела.

– Забудь, – быстро ответила Фрэн. – Прости.

– Нет, серьезно, в чем дело?

– Ну, просто создается такое впечатление, что забота Карен о тебе – это всегда попытки тебя изменить. Я знаю, что она твоя лучшая подруга, но почему, если ты одна, то с тобой обязательно не все в порядке?

То, что Фрэн не понимала положения вещей, было нормально. Никто не понимал, как три женщины оставались подругами столько лет. Люди понятия не имели, что история их отношений – это цемент в стенах. Но из-за ее настроения в последнее время слова сестры все же задели чувствительную струнку.

– Карен ничего не имеет в виду. Она просто так действует. Она любит чувствовать себя нужной – что каким-то образом помогает. Да и мужик этот не кажется таким ужасным…

– Хорошо, я поняла. Он психиатр?

– Нет. Он айтишник.

Фрэн резко подняла голову, и Би рассмеялась.

– Не надо на меня так смотреть. Майкл тоже айтишник и не сделал Карен ничего плохого.

Сестра нахмурилась.

– Что? Ты имеешь что-то против Майкла? Ты всегда так морщишься, когда я его упоминаю.

Фрэн покачала головой.

– Я не доверяю ему, Би. Я не могу сказать что-то конкретное, объяснить почему, но я просто ему не доверяю.

Глава 43

Карен

Карен постучала в дверь два раза и ждала. Она не думала, что когда-нибудь так разнервничается перед разговором со своим начальником после стольких лет знакомства. Ведь он был ее наставником, обучал ее. Ей хотелось думать, что Роберт любит и уважает ее, но работа у него всегда стояла и будет стоять на первом месте, поэтому ей было особенно трудно сказать ему то, что она собиралась.

– Да?

Она вошла, толкнув тяжелую дубовую дверь, которая сама тихо закрылась у нее за спиной. Шикарные массивные двери необходимы в здании, где бывает слишком много нервных людей, а громкие стуки могут вызвать истерику.

– Привет, Карен! Как ты? Не мог не обратить внимания на вчерашнем совещании, что ты какая-то тихая.

Она прошла к дивану и опустилась на него как пациентка, несмотря на то, что Роберт сидел за письменным столом. Он сразу же уловил подсказку, встал и устроился напротив нее. От него исходил резкий мужской запах дорогого одеколона, от которого в венах женщин начинает пульсировать кровь, независимо от того, кто использует этот одеколон. Хотя к ней это не относилось. Роберт пользовался им много лет, и на нее он уже не действовал – выработался иммунитет. Она чувствовала себя как в университетские времена, когда она готовилась до поздней ночи к экзаменам, которые, по ее мнению, все равно завалит, хотя все вокруг видели только ее уверенность в себе. Она могла честно сказать, что Роберт был единственным человеком, который видел ее панику. При нем она переставала защищаться, и он видел ее настоящую.

Теперь он откинулся на спинку кресла и молча наблюдал за ней. Карен задумалась о том, что же он видит. Заметил ли он, что сегодня ее волосы не выпрямлены и гладко зачесаны назад, как обычно, а распущены и волнистыми прядями спадают на плечи? Она так долго вчера не ложилась, что была уверена: под глазами остались темные круги, которые резко выделяются на фоне слишком бледного лица.

Наверное, выглядела она ужасно, но Роберт не стал комментировать ее внешний вид.

– Мне кажется, что у меня возникла проблема с одной пациенткой.

Карен почувствовала, как Роберт слегка напрягся. Большинство людей даже не обратили бы внимания на такое незначительное движение.

– Какого рода проблема?

– Конфликт интересов.

Он немного расслабился, наклонился вперед, поставил локти на колени.

– Ты лично с ней знакома?

С этой проблемой он мог легко справиться. Карен знала, что он предложит перевести ее пациентку к другому психиатру. Можно подумать, все было так просто.

– Не совсем. Она пришла из-за того, что у нее любовная связь с женатым мужчиной. Внутренний конфликт. Возможно, здесь проявилась более глубокая проблема – опыт прошлых отношений, но дело не в этом. Я считаю, что знаю мужа. И жену. Это Элеонора.

– Та самая Элеонора, которая супермама?

Карен улыбнулась.

– Сегодня, скорее, измученная Элеонора. Я тебе говорила, что она родила второго? Ноя. Ему всего несколько месяцев.

– И ты утверждаешь, что ее муж трахает одну из твоих пациенток? Ух ты!

– Не надо говорить «трахает», это звучит ужасно. Но да, я думаю, что Джессика говорит про него.

Роберт поерзал в кресле.

– Ты думаешь? Она прямо тебе это не сказала?

– Нет, в этом-то и проблема. Она пришла ко мне по поводу навязчивой идеи. Она зациклена на жене мужчины, с которым спит. Она над ней прикалывается. Это ее слова.

Судя по виду Роберта, он снова почувствовал себя некомфортно: было ясно, что надежда быстро разобраться с ситуацией испарилась. Сейчас в любую минуту у него на шее начнет дергаться вена.

– Прикалывается?

– Она говорит, что это всякие мелочи – она таким образом осложняет ей жизнь. Судя по тому, что я слышала, несчастная женщина должна сойти с ума. И в этом-то все и дело. Если бы ты видел Элеонору… Она в ужасном состоянии, пропускает приемы у врача, назначенные встречи, теряет вещи…

Роберт нахмурился.

– Но вообще-то так себя вели все молодые мамы, которых я когда-либо знал. – Увидев, как Карен приподняла брови, он добавил: – Да, пришлось иметь дело с несколькими. На каком-то этапе психотерапия была очень модной в среде успешных молодых мамочек.

– Но здесь совсем другая ситуация, Роберт.

– Мне так не кажется, Карен. Если у тебя нет каких-то веских доказательств того, что эта женщина приносит вред твоей подруге, то ты не можешь ничего сделать. Я знаю, что мне не нужно напоминать тебе про врачебную тайну. Мне кажется, ничего из сказанного тобой не означает серьезную угрозу. Только если ты о чем-то умолчала?

Ей хотелось рассказать ему больше, но, по правде говоря, если она что-то добавит, то может показаться еще более безумной, чем большинство людей, которых они тут видят каждый день. О том, как Элеонора потеряла машину с маленьким Ноем внутри и клялась, что кто-то ее переставил. Письмо, которое получила она сама. Уверенность, что кто-то находился перед ее домом глубокой ночью, и странное *ощущение*, что эта девушка забавляется с ней и не собирается использовать сеансы психотерапии для улучшения своего душевного здоровья, а просто затеяла игру. У нее не было ничего конкретного на Джессику Гамильтон. Ей стоит упомянуть, что она видела ее с Адамом? Тогда Роберт спросит ее, рассказала ли она об этом Элеоноре, и ей придется врать своему начальнику или признаться, что нарушила установленные правила. Она совершила ошибку, рассказав подруге про свои подозрения?

– Нет, больше ничего нет.

– Я не говорю, что ты ошибаешься, Карен, но тут ты зашла слишком далеко. Ты видишь несуществующие связи, и в конце концов можешь принести больше вреда, чем пользы своей пациентке, своей подруге и себе самой.

– Ты прав.

Она встала, чтобы уйти. Она сдулась, как воздушный шарик, из-за того, что ее ожидания не оправдались. Она думала, что Роберт не посчитает ее опасения беспочвенными и поможет ей найти способ справиться с происходящим. Она была уверена, что поступает правильно. В фильмах, если женщина не справляется, ей со всех сторон твердят, что она должна обратиться за помощью – *«Просто расскажи кому-то!»*. Придет сильный мужчина и решит все вопросы, правда? Лиам Нисон не говорил своей дочери, что вряд ли ее похитили. Просто так совпало, что эти мужчины надели ей мешок на голову и затолкали в машину. Он не внушил ей, что она истеричка. Он помог ей, черт побери.

– Не уходи. – Она замерла в дюйме от дивана и снова опустилась на него. – Мне нужно спросить тебя, Карен: с тобой все в порядке?

Он что, не слушал ее? Конечно, с ней не все в порядке. Он разве не видит, в каком она состоянии? Он – единственный человек в ее жизни, помимо любовника, которому она может признаться, что с ней не все в порядке, а он по сути сказал ей, что она видит то, чего на самом деле нет. Сколько они уже знакомы? Она никогда не была склонна к драматизму и слишком острым реакциям. Она не пыталась искать трагедию там, где ее не было. Бог знает, у нее их достаточно в реальной жизни.

– По правде говоря, нет, – ответила она. – Я в замешательстве с тех пор, как начала подозревать, что Джессика Гамильтон использует меня, чтобы принести еще больше зла моей лучшей подруге. Я беспокоюсь из-за Элеоноры: она в жутком состоянии.

– И ты считаешь, что это твоя вина?

– Наверное, я чувствую себя виноватой из-за того, что не провожу с ней достаточно времени.

– Но если у нее проблемы из-за Джессики Гамильтон и измен мужа, то не ты несешь за них ответственность.

– Нет, я не могу отвечать за действия ее мужа или Джессики, если это все правда, но я могла бы…

О, он был хорош. Начался маленький сеанс психотерапии для нее, а она даже не осознала этого. Она предполагала, что именно поэтому над входом в здание висит его фамилия.

– Я понимаю, что ты делаешь. Ты намекаешь на то, что я переживаю из-за того, что не оказываю достаточную поддержку

Элеоноре, и переношу свои переживания на пациентку, чтобы смягчить собственное чувство вины.

Роберт поднял руки ладонями к ней: сдается.

– Мне следовало бы знать, что не нужно даже пытаться переплюнуть психиатра в психотерапии. А ты не считаешь, что это на самом деле так? Не думаешь, что, приписывая внешнему источнику вину за неспособность Элеоноры справиться со своими проблемами, ты отпускаешь себе грехи, освобождаешь себя от необходимости действовать?

– Ты говоришь как по учебнику, Роберт, а не как друг, черт побери. Но в твоей теории есть один недостаток.

Он приподнял одну бровь. Она сама никогда не могла так сделать, и это всегда вызывало у нее благоговение и трепет. Майкл говорил, что Роберт кажется по-настоящему крутым мужиком.

– Недостаток? Не может быть. – Роберт улыбнулся.

– Если я пытаюсь освободить себя от необходимости действовать, то почему я только и думаю о том, что сделать? Почему я постоянно прикидываю, что лучше предпринять?

– Потому что ты не можешь бросить подругу в беде. Ты стремишься помогать всем, ты хочешь быть человеком, к которому все обращаются за советом, даже понимая, как это влияет на тебя. Посмотри на себя. Ты состоишь в хороших отношениях, у тебя есть собственный дом, карьера, причем работа на всю жизнь, вскоре тебя ждет повышение по службе, а ты разваливаешься на части, беспокоясь из-за того, что твоя подруга пропустила приемы у врача.

– Я…

– Ты ничего. Как твой начальник и твой друг говорю тебе: иди домой, прими ванну, отправься на пробежку или что ты там обычно делаешь, чтобы выйти из стресса, и возвращайся на работу завтра, думая о своих пациентах и ни о чем больше. Как ты считаешь: это тебе по силам?

В его голосе звучало предупреждение – такое, которого она раньше не слышала. Оно означало, что ей лучше все это сделать, или следующим шагом будет совсем не отгул на полдня.

– Конечно, могу, – соврала она.

Но даже после его улыбки и слов о том, что он всегда готов прийти на помощь, если потребуется, Карен поняла: точно так же, как

она сама, он знал, что она врет.

Глава 44

Карен

Карен отложила книгу в сторону. Она была слишком взволнована, чтобы погрузиться в чью-то историю. С улицы доносился привычный шум: взбудораженные какой-то ерундой подростки кричали и веселились, совершенно не думая о том, что где-то в восемь вечера могут пытаться заснуть дети, а работающие посменно люди хотят урвать несколько ценных часов сна. Из-за этого она вспомнила, какой была эгоисткой в подростковом возрасте, когда проводила вечера на игровых площадках с Би и Элеонорой. Ей и впрямь удавалось на несколько часов становиться нормальным счастливым подростком, на которого не давит прошлое. У нее это так хорошо получалось, что иногда возникали моменты, когда она полностью забывала о случившемся, пока звенящий смех какой-нибудь девочки не толкал ее назад в прошлое.

Потом они открыли для себя «Белую молнию», которая практически полностью смывала воспоминания, и Карен искала отпущения грехов на дне пластиковой двухлитровой бутылки. Она не видела сны, только когда напивалась, – это давало гарантию, что перед ней не возникнет *ее* лицо, отпечатавшееся у нее под веками. На следующий день приходилось бороться с последствиями. Не с обычным алкогольным похмельем, когда во рту появляется вкус заплесневевшего носка, и легкой паранойей, а с прокручивающимися словно на кинопленке воспоминаниями, от которых хотелось кричать, – страшными эпизодами из сериала «Это ваша жизнь». Это было наказание за те блаженные часы, когда она не испытывала никаких эмоций. Она провела столько дней в слезах, закрывшись в своей комнате и включив на полную громкость ту чушь, которую крутили по телевизору в дневное время, чтобы родители не услышали ее рыданий. Каждый раз она говорила себе, что короткая передышка не стоит той боли, которая придет на следующий день. Каждый раз становилось все труднее и труднее вытянуть назад ту Карен, которой она пыталась быть.

Но она никогда не прекращала этого. До того вечера, когда все пошло не так. Того вечера, когда ее прошлое хлынуло вперед, чтобы

встретиться с настоящим. Элеонора с Би теперь смеялись над этим, хотя и нервно. Так могут смеяться люди, не пережившие ничего по-настоящему плохого, им не приходится смотреть в прошлое, от которого кружится голова. Но она не могла заставить себя к ним присоединиться, потому что для нее это было нечто гораздо большее, чем почти не случившаяся глупость. Для нее это была попытка судьбы отправить ей послание: *«Посмотри, что происходит, когда ты притворяешься нормальной. Посмотри, что происходит, когда ты пытаешься выкинуть это из головы. Ты никогда не сможешь забыть, потому что когда ты забываешь, умирают люди».* Она прекратила пить.

Она взяла в руки пульт и включила телевизор. Приятные воспоминания теперь были запятнаны и испорчены. Она чувствовала себя как ребенок, нашедший красивый камушек, но обнаруживший, что к нижней его части прилипла мокрица. В более мрачные дни, обычно когда не было Майкла, ей иногда казалось, что она вообще не может позволить себе думать о прошлом. И совершенно определенно она не могла позволить себе размышлять о будущем. Было проще отвлечься какими-то дурацкими передачами по телевизору и судоку. Эти вещи были гораздо менее неприятными.

Глава 45

Карен

К следующему сеансу с Джессикой Гамильтон Карен готовилась, словно к сражению. На нее повлиял ее вчерашний разговор с Робертом – если быть честной с собой, то ее испугали его замечания о том, как она пытается справляться с проблемами. Каждый раз, закрывая глаза, она представляла Джессику, сидящую на диване в грязной обуви, и выражение ее лица, когда она говорила про беременную женщину, которая застряла в камнях. «Ее взорвали».

Ну, если Джессика думает, что может взять над ней верх, то удачи ей. Пусть подумает еще раз.

Карен посмотрела на часы: до сеанса пятнадцать минут, полно времени, чтобы сходить в туалет. Нервы. *«Возьми себя в руки»*, – приказала она себе.

Когда Карен шла в туалет, Молли сидела за своим письменным столом. Проходя мимо, Карен приветственно улыбнулась, но ничего не сказала, не доверяя своему голосу. В туалете никого не оказалась, но как только она опустилась на стульчак, распахнулась дверь, и кто-то зашел в соседнюю кабинку. Через несколько секунд оттуда послышались рыдания.

Карен не могла игнорировать явно страдающую женщину и заговорила:

– Молли?

Их секретарь была единственной женщиной на этаже, кроме нее самой, и предположение оказалось верным – она услышала, как та что-то пропищала в ответ. Карен спустила воду, вымыла руки и стала ждать появления Молли. Когда та вышла из кабинки, у нее были красные глаза, а лицо блестело от слез.

– Что случилось? – спросила Карен, протягивая руку, чтобы коснуться плеча Молли. – Что-то дома?

Молли покачала головой. Выглядела она смущенной.

– Дело в Джо, – сказала она, избегая взгляда Карен и притворяясь, будто поправляет волосы. – Я думаю, что он собирается со мной порвать. Он говорит, что ему нужно свободное пространство.

Карен не могла не подумать, что если Джо порвет с Молли, то ничего ужасного не случится, но она не стала озвучивать свои мысли, потому что это совсем не помогло бы. Она видела парня Молли всего один раз. Он, развалившись, сидел в приемной и едва поднял голову, когда Карен открыла дверь и представилась. Он говорил односложными словами и отдельными звуками, и Карен не понимала, как этот нескладный малограмотный мужчина может служить причиной такого горя симпатичной и умной Молли.

– Мужчины всегда так говорят, – сказала вслух Карен. – Они почти никогда не ценят то, что имеют. Если он тебя упустит, то потеряет лучшее из того, что было в его жизни, а ты обязательно потребуй огромный букет цветов, когда он поймет свою ошибку. И какое-нибудь ювелирное украшение.

Что-то подобное сказала бы Би, и такие слова обычно помогали гораздо больше, чем то, что выдавала сама Карен в таких ситуациях. Она обычно переключалась в режим психотерапии, начинала говорить про защитные механизмы и первобытную потребность мужчин осеменить как можно больше женщин, чтобы увеличить шанс на продолжение рода. Похоже, Молли удовлетворил ответ в стиле Би, а Карен удалилась до того, как по сценарию она должна была обнять Молли.

В приемной было пусто. До начала сеанса с Джессикой оставалось еще пять минут, и та пока не пришла. Карен налила себе чашку кофе и толкнула дверь к себе в кабинет, собираясь занять свое место и принять позу, призванную показать, что она держит все под контролем.

Джессика стояла за письменным столом Карен и смотрела на единственную личную фотографию, которая была в ее кабинете. Карен словно ударило током, и она чуть не выронила чашку с кофе. Часть коричневой жидкости выплеснулась, капли упали на ковер.

– Джессика.

Та даже не подняла голову, когда вошла Карен, но сделала это, услышав ее голос. Джессика улыбнулась и совершенно не выглядела смущенной от того, что Карен зашла в кабинет, когда она трогала ее личные вещи.

– Доктор Браунинг, в приемной никого не было, поэтому я сразу же вошла к вам. Хорошая фотография.

Она подняла ее, чтобы стало понятно, о чем идет речь, затем поставила назад на стол. Снимок размером шесть на четыре[23] – Карен с подругами радостно улыбаются в объектив, взявшись за руки. Они поехали своей девичьей компанией на уик-энд в Ирландию, и вскоре после того, как был сделан этот снимок, поругались потому, что никто не заказал такси и им пришлось идти две мили до гостиницы, а по пути они еще два раза заблудились.

– Я предпочла бы, чтобы вы без приглашения не заходили ко мне в кабинет, Джессика. И пожалуйста, называйте меня Карен.

Она показала на диван, надеясь, что выглядит гораздо более собранной, чем чувствует себя. Как этой девушке всегда удается заставлять ее защищаться? Джессика пожала плечами и уселась, не извинившись.

– Как вы себя чувствуете после нашего прошлого сеанса? Головные боли продолжаются?

Карен приготовилась к ответу на свой очевидный и скучный вопрос или к выяснению ее отношения к лагерям военнопленных, но Джессика просто покачала головой.

– Нет, похоже, они пока прекратились. Я чувствую себя гораздо лучше. Может, эти сеансы и впрямь дают результат.

Карен не могла представить как. Они ходили кругами, избегая разговоров об истинной причине, по которой Джессика обратилась к ней, и как будто совершенно не продвинулись в том, что касалось ее отношения к своей любовной связи. На самом деле единственное, чего они добились, – это превращение каждого сеанса в спарринг, когда Джессика пыталась вынудить Карен потерять самообладание, а Карен старалась не закричать.

– О чем бы вы сегодня хотели поговорить?

Джессика уставилась на свои ступни, и Карен не сомневалась, что она снова собирается закинуть их на диван.

– Может, поговорить о моем прошлом? Ведь вроде так делается? Чтобы исследовать причины моих неудачных отношений с мужчинами?

Это была хорошо знакомая Карен территория.

– Если вы так хотите. Что-то сразу же приходит на ум?

Джессика кивнула.

– Мой отец часто изменял матери, когда я была младше.

В этом не было ничего удивительного. Дочь идет по стопам матери и вступает в нездоровые отношения с противоположным полом, повторяя деструктивное поведение, образец которого видела, и саботирует попытки реальных взаимоотношений, выбирая кого-то неподходящего. Просто случай из учебника.

– Вы помните, что чувствовали в связи с этим? В детстве вам, вероятно, было трудно видеть, как мать из-за этого страдала.

– Наверное. Я думаю, что я больше винила мать. Если бы она была более симпатичной или более веселой, или прилагала больше усилий, то отцу, возможно, хотелось бы чаще бывать дома. Она словно отказалась от попыток его удержать.

Карен чуть не закричала «Ага!», но вовремя остановила себя. Ее подозрительная часть подсказывала, что получается уж больно легко, будто Джессика намеревалась сегодня раскрыть причину своих проблем. Карен отмахнулась от этого чувства, отчаянно держась за мысль, что, может, у них случился хоть какой-то прорыв.

– Как вы считаете, почему ваша мама именно так реагировала на любовные связи отца?

– У меня есть сестра. Была… была сестра. – Она издала короткий нервный смешок. – Я никогда не знаю, как нужно говорить – в прошедшем или настоящем времени. Например, если у женщины рождается мертвый ребенок, она все равно говорит, что у нее родился ребенок. Словно он принадлежит ей, хотя он и неживой. У меня точно так же. У меня была сестра. Она умерла.

Рука Карен застыла на полпути к чашке, и она могла бы поклясться, что и впрямь почувствовала, как кровь прекратила пульсировать у нее в венах.

«Она не может знать, – сказала Карен сама себе, отчаянно пытаясь держать себя в руках. – *Откуда ей знать, что случилось с Эми? Это совпадение. У многих людей умирают сестры»*. Когда она в дальнейшем будет вспоминать этот сеанс, то станет ругать себя за то, что ослабила бдительность и посчитала Джессику очередной обычной пациенткой, пусть и на минуту.

– Что с ней случилось? – Голос Карен не задрожал, не выдал ни одну из тысячи эмоций, которые она испытывала. Но Джессика Гамильтон испытующе смотрела на нее, будто голос ее все же подвел.

– Я не хочу об этом говорить, – объявила Джессика таким же бесстрастным тоном. – Я должна об этом говорить?

– Нет, если для вас это трудно, – ответила Карен, хотя голос у нее в голове кричал: *«Да! Да, ты должна об этом говорить!»* Карен хотела знать, что случилось, ей было необходимо знать, что случилось с сестрой Джессики. Если та вообще существовала. Все, что вылетало изо рта Джессики, казалось, было нацелено прямо в сердце Карен.

– Хорошо. В таком случае давайте поговорим о нем, – заявила Джессика. – Или, что еще важнее, о ней.

– Жене вашего любовника? – уточнила Карен, у которой опять кружилась голова. Ее сознание пыталось справиться с постоянной сменой направлений.

– Да, о ней. Я думаю, что она сходит с ума.

Карен удалось взять в руку чашку с кофе и поднести к губам. Она любила горячий кофе, а этот уже остыл, но ей нужна была пауза, чтобы снизить темп сеанса и снова взять его под контроль. Заставляя Джессику ждать ответа, она давала себе время, чтобы оценить быстрый поворот разговора, а также надеясь разубедить пациентку в том, что она тут командует парадом. Проблема заключалась в том, что Карен никак не удавалось отделить женщину, о которой говорила Джессика, от Элеоноры у себя в сознании. Теперь, после того как эта мысль появилась у нее в голове, возникло ощущение, будто Джессика так прямо и сказала.

– Что вы имеете в виду под «сходит с ума»?

Джессика нахмурилась.

– Спятила. Тараканы в голове. Крыша поехала. С катушек слетела.

– А почему вы так думаете?

Улыбка Джессики говорила: «Я думала, вы никогда не спросите».

– Она потеряла ребенка.

Карен не могла сдержаться и резко вдохнула воздух, когда Джессика закончила предложение. Ей показалось, что железный шар нехорошего предчувствия, который появился у нее внутри в это утро, увеличился в размерах и перекатывается в животе.

– Что вы имеете в виду под «потеряла»? – уточнила Карен. – Как «Я не помню, куда положила ключи»? – Она внутренне поморщилась от своего беззаботного тона – этой раздражающей привычкой она

заразилась от Би после долгих лет дружбы. На самом деле никакой беспечности Карен не ощущала.

– Именно так. Она была в супермаркете и забыла, где припарковала машину. Она вызвала полицию и все такое. Я узнала об этом от него, он сказал, что она «с ума сошла».

– В супермаркете?

Вот оно. Здесь Карен следовало прямо спросить, говорит ли Джессика про Элеонору, выяснить, почему она так на нее нацелилась. Что самое худшее может случиться? Джессика станет отрицать, что спит с мужем ее лучшей подруги, и эта игра в кошки-мышки продолжится дальше. Только тогда Джессика будет знать, что Карен ее раскусила. И побеждает.

– А вы не имели никакого отношения к случившемуся с ее сыном?

Джессика нахмурилась и сердито посмотрела на Карен.

– Как я могла-то? Она забыла, где припарковала машину. Я же не могу заставить глупую суку что-то забыть. Или могу?

Это был вызов – выскажет ли Карен предположение, что это Джессика переставила машину, станет ли задавать дополнительные вопросы. Только Карен могла ничего не спрашивать; она знала, что Элеонора не забыла, где припарковалась. Она знала, что машину передвинули. Только она не знала, почему Джессика находится здесь и дразнит ее разговорами о сошедших с ума женщинах и мертвых сестрах. Что ей известно?

Карен наклонилась вперед, поставив локти на колени, и посмотрела прямо в лицо Джессике.

– Позвольте мне спросить вас, Джессика: если бы вы могли прямо поговорить с этой женщиной, если бы могли подойти к ней на улице, что бы вы ей сказали?

Джессика задумалась на секунду. Этот вопрос она явно не предусмотрела и не репетировала, он отличался от «Что вы при этом чувствовали?».

– Я сказала бы ей, что она ничего не заслужила – ничего из того, что у нее есть. И я заберу у нее все это, а она ничего не сможет сделать. Она узнает, что значит потерять все, что тебе дорого. А когда она спросит почему, я отвечу, что однажды кое-кто сделал то же самое со мной, и это моя месть. Пришла моя очередь стать той, кого помнят

люди. К тому времени, как я с ней закончу, она уж точно никогда меня не забудет.

Глава 46

Не кажется ли вам это странным теперь, когда вы имеете представление обо всем?

Я не понимаю ваш вопрос.

Вы были уверены, что Джессика Гамильтон спит с мужем вашей подруги. Она внесла изменения в ежедневник, чтобы Элеонора пропустила назначенные встречи и приемы, она выкрала ее ребенка, в результате чего той заинтересовались социальные службы. Тем не менее вы были уверены, что эта женщина намерена сломать жизнь вам.

В точку! Может, на том этапе я просто пропускала проблему через себя. Примеряла на себя, как сказала бы Би. А учитывая последующие события и то, что мы знаем теперь, должна сказать, что я была права, думая, что Джессика Гамильтон имела зуб против меня.

Правда? Должна сказать, что, учитывая все случившееся, вы легко отделались.

А я должна сказать, что вы ни черта не знаете.

Мне хотелось бы поговорить о ваших отношениях с матерью.

Не сомневаюсь. Именно так мы и работаем, правда? Ищем, откуда идут все проблемы, начинаем с детства.

Вам трудно говорить о своем детстве?

Просто не вижу смысла. Мы обе знаем, что произошло.

Вы теперь разговариваете с матерью?

Время от времени. У нас нет близких отношений – вы хотите, чтобы я это сказала? Не у всех они складываются; в этом нет ничего необычного.

Судя по распечатке ваших телефонных звонков, вы разговаривали с матерью вечером перед первым сеансом с женщиной, которую вы называете Джессикой Гамильтон. Разговор длился тринадцать минут. О чем вы говорили?

Не помню. Вы помните каждый разговор со своими родителями? Это было давно.

Тем не менее с тех пор вы общались с ней всего один раз, и этот разговор длился всего четыре минуты. Вы поругались вечером перед сеансом?

Может быть. Как я уже сказала, я не помню. Все семьи ругаются.

Хотя не так, как это было в вашей семье, правда, Карен? Не все матери говорят то, что ваша говорила вам. С самого детства.

У моей матери психические проблемы. И вы можете понять почему.

Конечно, могу. А вы можете?

Мне хотелось бы сделать перерыв. Пожалуйста.

Глава 47

Карен

На следующий день она все еще не могла отойти от полученного на сеансе потрясения, поэтому отменила прием всех других пациентов и объявила его «днем личностного роста». Она знала, что это прозвучит так, будто она собралась идти в лес обниматься с деревьями, но их на работе призывали брать такие дни чаще, хотя никогда не одобряли отказ от приема пациентов ради них. Карен включила «день личностного роста» в свой график и надеялась, что никто не обратит внимания, что сделала она это только что, а не заблаговременно. В последний месяц она стала брать больше выходных, дольше отсутствовала в обеденный перерыв, и вскоре кто-то из других сотрудников должен был обратить на это внимание и усомниться в ее преданности делу. Это было только вопросом времени. Если кто-то из коллег напишет жалобу, никто не станет принимать в расчет десять лет полной отдачи себя делу и напряженной работы без обеденных перерывов и без отказов составлять отчеты и рекомендации в выходные. Она была готова поставить на то, что таким коллегой будет Трэвис.

В дни личностного роста они присутствовали в офисе, хотя в таких случаях им предлагался гибкий график – можно было растянуть обеденный перерыв, утром прийти позже, а вечером уйти пораньше и всячески создавать расслабленную атмосферу для раздумывания о своем профессиональном росте, любых вызовах, с которыми сталкивались, и целях, которые ставили себе на будущее. В такие дни от них ожидалось ведение дневников, где следовало записывать, на что они потратили время, – это требовалось для портфолио, в котором отмечался их профессиональный рост. Не нужно говорить, что в этот день она не сделала ничего подобного. Вместо этого Карен все утро искала в интернете хоть какие-то следы Джессики Гамильтон.

И то, что ее нигде не было, делало ее еще более подозрительной. В «Фейсбуке», «Твиттере» и «Линкедине» нашлось много разных Джессик Гамильтон, но ни одна из них не напоминала ее Джессику. Все пути, которые Карен попробовала использовать, вели в тупик – «Гугл», «Имаджес», даже «Майспейс» на тот случай, если Джессика в

шестнадцать лет активно пользовалась интернетом. Карен решила поискать дополнительную информацию в медицинской карточке пациентки.

Она читала направление и приложенные к нему записи перед первым сеансом и тогда узнала из них очень мало, но теперь, учитывая поведение Джессики и ее необычную зацикленность на личной жизни Карен, отсутствие деталей в карточке вызывало тревогу. Однако там был адрес. При виде этого обычного адреса, который выглядел совершенно нормально, так, как и ожидаешь увидеть в медицинской карточке пациента, Карен сильно удивилась, потому что, когда она впервые просматривала историю болезни, она совершенно не обратила на него внимания. Однако, увидев его, она уже не смогла бы забыть. Она быстро ввела его в поисковике, и «Гугл» сообщил ей только то, что номер телефона, установленного в доме, не внесен в справочник, а сам дом принадлежит некой миссис Бидл. Вероятно, эта домовладелица сдавала жилье, Карен не думала, что Джессика в ее возрасте уже является собственницей дома. Дом купили в 1996 году, когда Джессика едва-едва перестала носить подгузники.

«Ты не поедешь к дому пациентки», – сказала Карен сама себе в тот момент, когда взяла ручку, чтобы переписать адрес в блокнот, лежавший рядом с компьютером. Это будет сумасшествием. Карьерным самоубийством, если Джессика на нее пожалуется. Вероятно, именно этого она и хотела. Карен не знала почему, но теперь она была абсолютно убеждена, что Джессика Гамильтон пытается сломать ей жизнь.

В четверть первого она больше не могла находиться в одиночестве. На работе она ни с кем не могла поговорить, не рискуя, что ее посчитают непригодной для выполнения своей работы. Майкл не желал знать про какую-то ноющую богатую девицу, уверенную в том, что имеет право жаловаться на ситуацию, в которой оказалась по своей вине. Кроме того, Майкл считал, что проблема Карен выходит за рамки работы с пациенткой, от которой ее бросает в дрожь, а последнее, чего она хотела, – это психотерапия для *нее самой*. Ей нужно было поговорить с каким-то простым и добрым человеком – с тем, кто ее просто выслушает, может, вставит странную неуместную шутку, но кто ее достаточно хорошо знает, чтобы понять: если она обеспокоена, значит, на то есть причины.

* * *

Когда Карен зашла в офис, Би удивилась при виде ее. Может, она подумала, что что-то случилось с Элеонорой, потому что первыми вылетевшими у нее изо рта словами были:

– Все в порядке?

– Все отлично, – ответила Карен, при этом стараясь удержать руки подальше одна от другой, чтобы не начать теребить заусенец у большого пальца. Она всегда теребила кожу у ногтей, когда волновалась. – Хотела спросить: не желаешь сходить куда-нибудь пообедать? Я угощаю.

Би подозрительно посмотрела на нее и приподняла брови.

– А ты не должна сейчас находиться на работе?

Карен попыталась улыбнуться, заставляя себя ответить беззаботным тоном, хотя на самом деле забот у нее было полно.

– Даже психиатрам нужно есть.

Би кивнула и проверила время на компьютере, затем повернулась к девушке за соседним письменным столом.

– Не возражаешь, если я схожу пообедать? На часок или около того. Я переведу звонки со своего телефона в приемную.

Девушка кивнула, даже ни разу на них не взглянув, и Карен поняла, что это шоу устроено для нее: Би хотела показать, будто ее отсутствие в офисе имеет значение. Печально было то, что она могла уйти и не возвращаться до конца дня, и это заметили бы только тогда, когда придет ее очередь заваривать чай. Типичная проблема больших организаций: незаменимых нет, хотя люди и не верят в это.

– Итак, куда ты меня поведешь? – Би улыбнулась, проскальзывая на переднее место пассажира в машине Карен, но она явно нервничала – по ней было видно, что она на взводе.

– Давай возьмем по бутерброду и где-нибудь припаркуемся, – предложила Карен, не обращая внимания на разочарование в брошенном на нее взгляде Би.

Карен остановилась перед парком через дорогу от «Сабвея», где они взяли обед в напряженной тишине, словно любовники после ссоры, вызванной ревностью. Когда они вернулись в машину, Би

развернула свой сандвич, затем повернулась к Карен и прямо посмотрела ей в лицо.

– В чем дело? Что-то с Элеонорой? Ты про нее хочешь поговорить? Я вижу, в каком стрессе она сейчас. Я просто не знаю, как ей помочь.

– Я хочу говорить не об Элеоноре. – Карен теребила уголок бумаги, в которую был завернут ее сандвич, ей сейчас совсем не хотелось есть. – Ну, наверное, и о ней, в некотором роде. Дело в Адаме. Я думаю, что у него роман на стороне.

Уголком глаза Карен увидела, как рука Би замерла на полпути до рта.

– Не поняла?

– Я думаю, что он спит с одной из моих пациенток.

Би знала, что у Карен никогда нельзя спрашивать про пациентов. Она знала, что Карен работает со Сьюзан Вебстер, которая оказалась втянута в одно из самых громких дел в истории страны[24], и всегда с уважением относилась к границам, установленным из-за работы подруги, к профессиональной и личной этике, и никогда не выясняла детали случаев из ее практики. Карен уже рассказала больше, чем позволяла себе обычно, поэтому Би понимала, что она считала вопрос очень серьезным.

– Она это сказала? Она сказала: «Я сплю с мужем вашей лучшей подруги»? Это странно, не правда ли?

– Все не так просто.

Сквозь лобовое стекло Карен видела весь парк. Она смотрела на тепло одетого маленького мальчика, который поднялся по ступенькам горки и упорно сидел наверху, отказываясь сдвигаться с места, пока его мать не рассмеялась и не похлопала в ладоши, восхищаясь его достижением. Тогда он поехал вниз, а мама продолжала вести себя так, словно это было самое удивительное зрелище, которое она когда-либо видела. Ее собственная мать хоть когда-нибудь была такой? Считала ли она каждый шаг Карен, каждый подъем на горку, каждое новое произнесенное слово величайшим достижением? Карен была уверена, что когда-то мать была такой, но она этого не помнила. Она помнила лишь то время, когда та или рявкала на нее, или вовсе не обращала внимания.

– Ты знаешь, что можешь говорить со мной о чем угодно, Карен.

– Дело не в том, что я не хочу тебе об этом рассказывать, Би, а в том, что я не знаю, с чего начать. Я уже говорила об этом с Робертом, а он мне, по сути, заявил, что я схожу с ума. Майкл считает, что я слишком остро реагирую и паникую. Я не хочу, чтобы ты думала то же самое.

Казалось, Би хотела положить руку ей на колено, но потом решила, что лучше этого не делать. Карен никогда не стремилась к физическим контактам с подругами. Она всегда шутила по поводу личного пространства, но на самом деле Карен относилась к этому серьезно и теперь жалела, что она не из тех людей, которые легко могут попросить их обнять, чтобы они успокоились.

– Я не стану думать, что ты сумасшедшая. Ты – одна из самых уравновешенных и здравомыслящих людей среди всех, кого я знаю. Ты же видела мою семейку. Вот *они* как раз сумасшедшие.

Карен улыбнулась, казалось, впервые за несколько недель.

– Мне не нужно напоминать тебе, что это строго конфиденциально? Ты не можешь ничего сказать Элеоноре, пока мы не выясним все.

– Конечно.

Карен знала, что Би может разболтать конфиденциальную информацию, потому что она бессчетное количество раз в прошлом разбалтывала секреты других людей, чтобы поделиться пикантными сплетнями. Карен просто надеялась, что в этот раз Би сможет сдержаться.

– Хорошо. – Она сделала глубокий вдох через нос. – Это пациентка, про которую я вам обеим рассказывала на днях, – та, которая на мне зациклилась, – еще и, как оказалось, спит с женатым мужчиной.

Би кивнула, но не стала прерывать – вероятно, чтобы Карен не передумала рассказывать.

– Ну, как я уже говорила раньше, она сказала кое-что насчет меня. – Карен внезапно пришло в голову, что она на самом деле не может передать Би слова Джессики, ведь Би не знает всего о ней самой. – Это было личное, и поэтому я стала думать, что она пытается уколоть меня конкретно, а не говорит о психиатрии и психиатрах в целом.

– Например?

Карен посмотрела на нее взглядом, который говорил «не спугни свою удачу», и Би, вероятно, ее поняла, потому что слегка сжалась на сиденье и больше ничего не спрашивала.

– В любом случае она упомянула, что зациклилась на жене этого мужчины и наделала всякого, чтобы осложнить ей жизнь. Например, поменяла даты или время встреч или приемов у врачей в еженедельнике и спрятала письма, чтобы эта жена думала, будто сходит с ума.

– Судя по твоему рассказу, она просто прелесть, – фыркнула Би. – Но я все равно пока не понимаю, почему ты думаешь, что это Элеонора. Просто потому, что Элеонора пропустила пару приемов у врачей…

– Это еще не все. Она начала говорить о детях. После случившегося с Ноем она практически призналась, что забрала ребенка этой женщины.

– Ого! – Би подняла руку. – Она это сказала? Тогда, может, стоит поговорить с полицией, а не со мной? Даже если она говорит не про Элеонору, она кажется опасной.

Карен вздохнула.

– Она умна. Она не сказала ничего, что я могла бы использовать как убедительное доказательство того, что она представляет опасность. Все очень абстрактно, мне кажется, она подстрекает меня, словно она выбрала именно меня, чтобы рассказать свою историю. Затем она оговорилась, и я почти уверена, что она произнесла его имя, хотя сразу стала это отрицать. – Карен сделала паузу. У нее все еще не было стопроцентной уверенности в том, что она поступает правильно, пересказывая Би столько деталей. – Она сказала: «Адам».

Би выдохнула.

– Мы должны сообщить Элеоноре.

Карен боялась, что она скажет именно это. Хотя Би и притворялась, что понимает значение слов «врачебная тайна», она в отличие от Карен не осознавала всех сложностей. Если она ошиблась… да даже если она и была права, это не могло послужить достаточно веской причиной для нарушения конфиденциальности.

– Я попыталась ей сказать, что Адам, возможно, с кем-то встречается, но она мне не поверила. Я не рассказала ей все подробности, – быстро добавила Карен, увидев, как Би хмурится. – Я

не могу предоставить Элеоноре доказательства, которые ей нужны, если не существует реальной и доказанной опасности для самой Элеоноры или ее детей. Именно поэтому она на днях и вела себя как параноик. Я не хочу, чтобы ее состояние ухудшилось, без доказательств…

– Но это неправильно! Мы говорим про жизнь твоей лучшей подруги. Про ее ребенка и ее брак. Может, ты этого не понимаешь…

Намек на то, что ни одна из них не понимает жизнь, которую ведут другие, мгновенно привел ее в ярость.

– Что? Из-за того, что я не замужем, я не знаю, насколько важен муж? Если ты не заметила, Би, то мужчины не выстраиваются в очередь, чтобы и тебя вести к алтарю.

Би поникла. Остатки сандвича выпали у нее из руки и приземлились на бумагу, лежавшую у нее на коленях, а кусок салатного листа упал на коврик под ногами. Она не стала их сразу же поднимать, и это показывало, как ее ранили слова Карен.

– Прости, – вздохнула Карен. – Я сказала ужасную вещь. Я сама схожу с ума из-за происходящего. Конечно, я знаю, как это важно для Элеоноры, но дело в том, что она мне не поверила – так она заявила. И если Дж… если моя пациентка выяснит, что я ей это сказала, я лишусь работы. Вероятно, она этого и хочет; именно поэтому она мне все рассказывает. Не может быть простым совпадением то, что она пришла ко мне.

– Так что мы можем сделать? Если Элеонора не хочет тебе верить, а ты не имеешь права предоставить ей доказательства, которые у тебя сейчас есть? – Би теперь говорила более жестким голосом, в нем также слышалась усталость, и это подсказывало Карен, что Би на самом деле не хочет во все это ввязываться – или она тоже до конца ей не поверила. Она знала, что у Би есть свои проблемы, и она не любит драматизировать, как некоторые люди. Так она не развлекалась.

– Попробуй что-то выяснить сама. Не надо на меня так смотреть, Би. Если ты найдешь доказательства романа Адама на стороне, то сможешь сообщить об этом Элеоноре, не нарушая при этом никакие правила насчет конфиденциальной информации пациента. Тебе даже не придется говорить Элеоноре. Ты просто сможешь сказать Адаму, что все знаешь, а он, вероятно, сам порвет отношения с этой женщиной.

– А Элеонора с мальчишками не окажутся таким образом в еще более опасной ситуации? Если он бросит эту женщину? Я имею в виду, что если она зациклена на Элеоноре и ее отвергнут в пользу той, она вполне может реально съехать с катушек.

– Именно здесь в дело включусь я. Я продолжу с ней работу, а если ее душевное здоровье ухудшится, то можно будет говорить о нарушении врачебной тайны, идти в полицию и снова к Роберту. Ему нужна конкретика, чтобы организация никак не пострадала. Все будет хорошо. Обещаю.

По выражению лица Би Карен поняла, что подруга ей не поверила. И, возможно, правильно сделала.

Глава 48

Би

День начался прекрасно. Затем появилась Карен и начисто испортила ее хорошее настроение своими бредовыми предположениями о том, что у Адама роман с одной из ее пациенток. Теперь Би была сбита с толку и обеспокоена из-за душевного здоровья обеих ее подруг. Два человека, с которыми она обычно могла обо всем поговорить, вели себя странно.

Она бросила сумку на диван и приготовила себе ужин: тост с колбасой и фасолью под тертым сыром и вустерским соусом[25]. Ее дед называл это пищей богов. Она только собралась устроиться перед телевизором, чтобы забыть на этот вечер обо всем, погрузившись во второй сезон сериала «Оранжевый – хит сезона» на «Нетфликс», как где-то в сумке зазвонил ее мобильный телефон.

– Черт побери, – пробормотала она с набитым горячим расплавленным сыром ртом.

Она уже почти решила не отвечать, когда увидела, кто звонит. На экране мигало «Элеонора». После того, как Би вместе с Элеонорой на прошлой неделе ушли из кафе, они только обменивались дежурными сообщениями «Все нормально?». Но после сегодняшнего разговора с Карен Би не могла игнорировать подругу.

– Алло! – Би проглотила еду. – Как дела?

– Би, это я, Элеонора.

Би ухмыльнулась. Элеонора представлялась каждый раз, когда звонила, хотя прекрасно знала, что ее имя высвечивается на экране телефона Би.

– Все в порядке?

Элеонора колебалась.

– Не уверена. Ты сегодня не отправляла мне письмо на электронную почту? С нового адреса?

– Нет. Я не заводила новый адрес электронной почты. – Би пультом включила телевизор. – А в чем дело? Пришел ответ на приглашение? Я думала, что все они должны приходить на адрес, который мы специально завели для организации вечеринки.

– Нет, это письмо от тебя, и оно не имеет никакого отношения к вечеринке.

– Но я тебе сегодня вообще ничего не отправляла на электронную почту. Что в нем? И если там не мой адрес, почему ты решила, что оно от меня?

– Там твое имя, – ответила Элеонора. – Поэтому на первый взгляд кажется, что оно от тебя. Я проверила адрес, он чуть-чуть отличается: вместо «е» в Баркер стоит тройка.

Би прекратила прокручивать список программ.

– И что там написано? Увеличение пениса? Реклама «Виагры»?

– У тебя ноутбук рядом? Я тебе сейчас перешлю это письмо.

Би с трудом сдержала вздох. Иногда Элеонора бывала такой мелодраматичной – почему бы прямо не сказать, в чем там дело, черт побери? Что за шпионские страсти? Ее плавленый сыр за это время стал вязким и липким.

– Так, сейчас включу. – Ноутбук стал загружаться. – Как дети?

– Отлично, спасибо. Включила?

– Загружается. В чем дело, Элеонора? Ты знаешь, что мы с Карен волнуемся за тебя последние несколько недель. Тебе нужна какая-то помощь? Может, мне почаще забирать мальчишек, чтобы ты побольше отдыхала?

– Что говорит Карен? Тебе не кажется, что она ведет себя несколько странно?

Би молчала. Она точно знала, почему Карен странно вела себя с Элеонорой, но Би ни в коем случае не собиралась это обсуждать, тем более по телефону. Элеонора лично не говорила ей, что Карен сказала ей про Адама. Это означало, что она или вообще не поверила, или поверила, но не хочет об этом говорить.

– Она тебе что-то сказала? – Проклятье, пауза затянулась. – Про то, что случилось с Ноем? Про то, что я подумала, когда это произошло?

– Э? Я как раз захожу в почту. Что ты сказала?

– Не обращай внимания. Я просто болтаю. Видишь письмо?

– Да, два от тебя. – Курсор Би завис над первым письмом.

– Я отправляла только одно. Когда прислали второе?

Би проверила время.

– В полдень. Второе с твоей обычной почты AOL[26], а первое с «Хотмэйл»[27].

Она два раза кликнула по второму письму, и открылось новое окно.

– У меня нет ящика на «Хотмэйл». Что там написано?

– Успокойся. Я открываю то, которое ты только что прислала.

Изображение на экране появлялось по частям.

– Это Карен, выходящая из «Беллстоуна». Зачем кому-то отправлять это тебе?

– Посмотри на время на фотографии, – давала указания Элеонора. Би посмотрела на цифры в левом нижнем углу снимка.

– Два сорок пять утра. Вроде бы бар в «Беллстоуне» закрывается в одиннадцать? Я не думала, что они устраивают закрытые пьянки[28].

– Они и не устраивают. Вероятно, она снимала номер. Зачем ей номер в двадцати минутах езды от дома?

Би чуть не пожала плечами, но до нее дошло, что Элеонора ее не видит.

– Не знаю. Может, они с Майклом решили заняться сексом в новом месте.

– На дату посмотри. Две недели назад, в субботу. Майкл работал где-то на выезде все выходные.

Би выдохнула сквозь зубы.

– Ты считаешь, что у нее роман?

– Не знаю, но выглядит странно, не правда ли? Если не ты это отправила, то кто? Что со вторым письмом? С тем, которое типа от меня и отправлено сегодня днем с почтового ящика на «Хотмэйл», которого у меня просто нет.

– Секундочку… загружается… Боже, в последнее время этот компьютер так тормозит.

Фотография наконец загрузилась. «Проклятье».

– Элеонора? Я тебе перезвоню.

Би повесила трубку, пока Элеонора не успела возразить, и уставилась на экран, где парень ее подруги обнимал другую женщину в день своей свадьбы.

Глава 49

Это случилось после нашего первого сеанса; тогда я все и поняла. Она подумала, что правильно меня оценила и может скрыть свое истинное лицо, но спрятаться невозможно, не от такого человека, как я. Убийца на самом видном месте – как еще говорят? Волк в овечьей шкуре. Когда ты сама носишь маску, то лучше видишь других, ты знаешь, что искать, можешь определить, что кто-то притворяется. Мы оказались похожи гораздо больше, чем ей когда-либо захочется признать, мы обе отчаянно хотели быть нормальными, хотели, чтобы нас любили такими, какие мы есть на самом деле, а не такими, какими нас считал весь мир. Единственное отличие заключалось в том, что я ее раскусила. Я знала, насколько она опасна.

Я не знаю, когда поняла, что собираюсь ее убить. Это не было сознательным решением, хотя они все так считают сейчас. Не знаю, что удивило меня больше: осознание того, что мне придется снова убить, или то, что эта мысль не вызвала у меня полного отвращения.

Глава 50

Элеонора

Напевая себе под нос, Элеонора проверила, что дверь в ванную плотно закрыта, включила душ на полную мощность и увеличила напор горячей воды. Около раковины стояла видеоняня, на монитор которой выводилось изображение крошки Ноя. Он выглядел как ангел, когда спал – преимущественно днем, – ничто в нем не выдавало того дьяволенка, который появлялся каждую ночь с одиннадцати часов до двух и неустанно орал до тех пор, пока его лицо не становилось почти пурпурным, а Элеонора начинала думать, что больше этого не выдержит.

Он спал всего десять минут, это означало, что у Элеоноры есть, по крайней мере, двадцать минут, чтобы принять душ и заварить себе чашку чая, может, даже пожарить тост, если повезет. Забравшись в ванну и почувствовав, как теплая струя бьет по ее измученному телу, Элеонора даже застонала от удовольствия. Эта была одна из тех мелочей, которые до появления детей она воспринимала как должное и снова перестала ценить, когда подрос Тоби.

Расслабляясь под струей теплой воды, она подумала про электронное письмо с фотографией выходящей из «Беллстоуна» Карен. Она изменяла Майклу? Если да, то это точно не касается Элеоноры, но та ее часть, которой необходимо быть включенной во все аспекты жизни ее подруг, просто умирала от любопытства. Она не могла прямо спросить Карен об этом. Да и она сама была слишком занята, у нее столько всего происходило в жизни, чтобы еще беспокоиться о том, как Карен проводит субботы, или думать о том, почему Би резко оборвала разговор и с тех пор не отвечает на ее звонки. Вместо этого Элеонора стала размышлять о своих планах на следующую неделю. Во вторник нужно оплатить счет по кредитной карте и каталог «Некст»[29]. А в четверг – это будет двадцать седьмое или двадцать восьмое?.. Элеонора взяла шампунь и начала неторопливо втирать его в кожу головы, наслаждаясь всем процессом – намылить, смыть, повторить!

Точно двадцать восьмое. Это означало, что к Ною в одиннадцать придет патронажная сестра, а у Тоби футбол после школы. Его не

нужно будет забирать до половины пятого, но надо не забыть приготовить ему утром спортивную форму, чтобы потом не нестись сломя голову в школу, как на прошлой неделе.

Она протянула руку за несмываемым кондиционером как раз когда услышала, как Ной заворочался в кроватке. Вот ведь некстати! Она умылась и быстро прочитала инструкцию:

«Нанесите на влажные волосы и проведите расческой от корней до кончиков, чтобы равномерно распределить средство. Оставьте на два часа, потом смойте. Повторяйте процедуру еженедельно».

Если чему-то и требовались внимание и забота, так это ее волосам. Беременность очень хорошо на них повлияла, фактически дала им новую жизнь – они стали гуще и блестели, как никогда раньше. Но после рождения Ноя они лезли все больше и больше, она видела, как вода их уносит в сливное отверстие, а иногда даже забывала их мыть хотя бы раз в неделю. Ребенок лишь немного попискивал, значит, у нее было достаточно времени, чтобы нанести кондиционер, и она успевала его смыть и высушить волосы до того, как поедет забирать Тоби из школы. Другие мамочки вполне могут заявить на нее в полицию, обвинив в похищении ребенка – настолько неузнаваемой она будет.

Она как раз закончила втирать средство, когда начался громкий крик. Похоже, чай с тостом отменялись до тех пор, пока ее мини-измельчитель пищевых отходов не наестся вдоволь. По крайней мере, у нее были ее чудо-таблетки.

– Так, малыш, мама идет.

Элеонора обернула голову полотенцем и схватила халат. У края ванны собралась лужа, и она поскользнулась – поехала нога, и она чуть не кувыркнулась назад, но удержалась, схватившись за стеклянную перегородку.

– Слава богу, не свалилась, – пробормотала она.

Ной прекратил кричать, как только она взяла его на руки. Он тут же прижался к ее голому плечу. С сыном на руках ей удалось надеть пижамные штаны, затем она легла на кровать, приложила его к груди одной рукой, а второй включила телевизор. У нее стали слипаться веки; она пыталась их не сомкнуть, пока Ной сосал ее грудь, но они казались такими тяжелыми. Закрыв их, она сразу же почувствовала себя хорошо. Элеонора слышала телевизор, как Аманда и Филипп[30]

представляли свою гостью, которую преследуют призраки. Погружаясь в сон, Элеонора успела услышать, как женщина рассказывала о том, что ее жизнь превратилась в один сплошной кошмар.

Она резко проснулась от холода и от жжения кожи головы и услышала последние ноты музыкальной темы, которой заканчивается «Сегодня утром». Вероятно, она спала больше часа. Элеонора в ужасе опустила взгляд и посмотрела на Ноя. Глаза у сына были закрыты, и она положила руку ему на грудь, чтобы проверить дыхание. *«Слава богу!»* – подумала она, почувствовав, как вздымается крошечная грудная клетка. Он посапывал, уткнувшись в ее голую грудь, и Элеонора очень осторожно подвинулась, перевернулась на бок и спустила ноги на пол, а затем положила Ноя в его кроватку так осторожно, словно он был сделан из стекла.

Она проверила время на телефоне: двенадцать часов тридцать четыре минуты. Средство оставалось на волосах всего на полчаса дольше, чем было сказано в инструкции на тюбике. Не должно оно так сильно жечь.

Элеонора вернулась в душ, включила воду и встала под струю, пока та еще даже не успела нагреться. Она запустила руки в волосы, отчаянно желая быстрее смыть кондиционер. А когда отняла их от кожи головы, она испытала шок – клок волос прилип к руке.

Она сбросила его в ванну и смотрела, как он кружится, пытаясь уйти в сливное отверстие, но клок оказался слишком большим и застрял. У Элеоноры уже несколько недель выпадали волосы, и, очевидно, это считалось нормальным после беременности, но никогда за один раз не выпадало так много. Она снова провела пальцами по голове, и случилось то же самое – в ее пальцах оказался еще один большой клок светлых волос. Она судорожно схватилась за голову и смотрела на отделяющиеся от нее когда-то красивые волосы, и ничего не могла с этим поделать. Она почувствовала, как у нее слабеют ноги, и опустилась на дно ванны, вода била ей по голове. Элеонора закричала.

Глава 51

Би

– Прокля-я-ятье! Что ты сделала?

Би могла представить, как ее сестра загружает тарелки в посудомоечную машину, прижимая телефон подбородком и пытаясь решить, что приготовить к чаю. Ей стало приятно от того, что сама она сидела на траве перед местной библиотекой и наслаждалась редким осенним солнцем.

– Ничего. Абсолютно ничего, – ответила Би.

– Что, ты не сказала Элеоноре? Я была уверена, что ты ей сообщишь после того, как ты узнаешь.

– Боже, нет! Она ясно дала понять, что думает о женщинах, спящих с женатыми мужчинами. Погоди, что ты имела в виду, когда ты сказала «после того, как ты узнаешь». Почему ты подчеркнула, что я?

– Ох! М-м, ну…

– Ты знала! Знала?

Последовало молчание, которое было явным признаком чувства вины, затем Фрэн пропищала:

– В общем, да.

– Откуда? И почему ты ничего мне не сказала?

– Рич работал в одном доме. Оказалось, что это дом Майкла. Он и не догадывался, пока не увидел фотографии Майкла с семьей, развешанные по всему дому – с женой и тремя детьми. Он сразу же его узнал, это произошло вскоре после того, как мы все собирались на тот ужин. Я не хотела тебе говорить, потому что раз Карен не сказала, значит, она не хочет, чтобы ты знала. Я пыталась тебя предупредить…

– Как Карен могла мне это сказать? Ты что, предполагаешь, она знает? – Внезапно ей в голову ударила мысль. – Это ты прислала мне те фотографии?

– Ага, конечно, у меня масса времени, чтобы вести съемку скрытой камерой, как Джоуи Греко[31]. Если бы я хотела, чтобы ты знала, я бы просто тебе об этом сказала. Я ждала, когда это сделает Карен.

– Ты уже несколько раз это повторила. Почему ты считаешь, что она знает?

– Она не дура, Би. Вероятно, у него даже есть след от обручального кольца на пальце. Рич сказал: «Ты бы слышала его несчастную жену! Говорит и говорит про своего замечательного мужа, который стольким жертвует, работая на выезде всю неделю, только чтобы они могли ни в чем себе не отказывать». Рич сказал, что его тошнило, когда он это все слушал.

Волоски на руках Би встали дыбом, хотя никакого ветра не было. Звуковой сигнал телефона известил о приходе сообщения. Она подняла его повыше, чтобы видеть экран.

«Ты где? Ты мне нужна. Пожалуйста, приезжай. Хх»

– Мне нужно идти, Фрэн. Элеонора только что прислала сообщение.

– Как ты думаешь, она знает?

Би пожала плечами.

– Одному богу известно. Наверное, вскоре я это выясню.

Глава 52

Карен

Когда Карен остановилась перед красивым таунхаусом, где жила Элеонора, Би уже вылезала из своего «Фиата Пунто». Она подождала, пока Карен затормозит, выскочит из машины и нажмет на брелок сигнализации.

– Что происходит? – подозрительно посмотрела на нее Би, словно удивилась, увидев ее здесь. Вероятно, она ожидала, что Карен не сможет вырваться с работы.

– Понятия не имею. Я получила сообщение «Срочно приезжай». А ты?

– То же самое. Ты не думаешь, что это имеет отношение к Адаму? К тому, что ты сказала про женщину, которую ты лечишь?

Карен подумала о том же самом, когда получила сообщение, и сразу же уехала из офиса, сказав Молли, что пораньше уйдет на обед, и очень надеялась, что у нее не возникнет из-за этого проблем. Следующий пациент был записан на три часа, поэтому у нее было два часа на выяснение того, что, черт побери, происходило с Элеонорой.

– Боже, надеюсь, что нет. Она же сломается, если так.

– Карен, я… – нахмурившись, заговорила Би.

– Что? Что еще не так?

Би остановилась, посмотрела на Карен, затем на дом, явно пытаясь решить, говорить ли то, что она хотела сказать.

– Ничего, – невнятно пробормотала она. – Вон машина Адама. – Би показала большим пальцем на стоявший дальше по улице автомобиль.

– Я не обратила внимания. Давай пойдем в дом и все выясним.

Судя по виду Би, ей так же не хотелось идти в дом, как и Карен, хотя она не могла точно сказать, чего боятся они обе. Адам открыл дверь до того, как они успели постучать. Он прижимал Ноя к плечу. У ребенка были широко открыты глаза, но он сидел на руках спокойно. По крайней мере, с ним все было в порядке.

– Что происходит, Адам? – спросила Би, когда тот отступил в сторону, чтобы дать им пройти.

– У нас неприятности, – ответил он мрачным голосом, и у Карен сжалось сердце.

– С Элеонорой? Что с ней? – Карен прокручивала возможные варианты в голове.

– Она цела. Дело… в ее волосах.

– Волосах? – Жуткие опасения, от которых у Карен даже тошнота подступала к горлу, мучили ее вот уже полчаса с тех пор, как она получила сообщение, а теперь им на смену пришло легкое раздражение. Она заставила себя заговорить шутливым тоном. – Пожалуйста, только не говори мне, что она выдернула меня с работы, потому что ее неудачно подстригли.

– Она не посылала тебе никаких сообщений, это я воспользовался ее телефоном. Она не хотела никого здесь видеть, а мне нужно на встречу, потом мне придется забирать Тоби… – Он заговорил тише и бросил взгляд на закрытую дверь гостиной, словно его жена могла вдруг материализоваться возле нее. – Я не хочу оставлять ее одну. Боюсь, что она может сделать… какую-нибудь глупость.

– Послеродовая депрессия? – спросила Карен.

– Не знаю, – пожал плечами Адам. – Не похоже, что она в депрессии, но столько всяких мелочей, которых быть не должно. Возьми тот случай с машиной, ради всего святого. Нам удалось убедить социальные службы, что там получилось просто недопонимание, но теперь я начинаю сомневаться, правильно ли поступил. Похоже, она что-то приняла.

Когда они вошли в гостиную, Элеонора с обернутым вокруг головы полотенцем сидела на диване в халате, подтянув колени к груди.

– Я говорила ему, чтобы не звонил вам, – заявила она, не поднимая глаз.

– Он и не звонил, наше чутье подсказало нам, что надо ехать – все нервные окончания пощипывало, – пошутила Би, но на лице Элеоноры даже не промелькнула улыбка.

– Как я предполагаю, он сказал вам, что я схожу с ума. Возможно, он прав.

– Не дури, Элеонора. Ты не сумасшедшая. Ты устала, ты чувствуешь сильное давление. Расскажи нам, что случилось. Адам даже не намекнул.

Карен устроилась с другой стороны дивана, а Би на полу рядом с Элеонорой. Они посматривали друг на друга, пока Элеонора сидела молча и не шевелилась. Немного погодя она подняла руку, развернула полотенце на голове и стянула его себе на колени.

Би издала тихий писк, который, казалось, звучал у нее в глубине глотки. В обычно блестящей и красивой светлой копне волос Элеоноры – хотя, надо признать, менее блестящей и красивой в последнее время – отсутствовали большие пряди. Казалось, что она провела бритвой по коже головы в некоторых местах. Оставшиеся волосы были влажными и прилипли к ее голове, как крысиные хвостики.

– Что ты сделала, Элеонора? – тихо спросила шокированная Би после нескольких секунд молчания.

– Это был несчастный случай. – Она подняла руку, чтобы коснуться клочков волос, которые все еще свисали с головы, но остановилась на полпути. – Рядом с несмываемым кондиционером на подоконнике лежал тюбик с кремом для депиляции. Адам считает, что я сделала это специально. Он не думает, что можно быть такой дурой.

– О боже, дорогая, на сколько же ты его оставила?

– Я заснула, – просто ответила она вместо каких-то объяснений.

– Так. – Би встала. – Эту проблему явно можно как-то решить. У тебя осталось достаточно волос, чтобы соорудить какую-то прическу, пока остальные отрастают. Адам, принеси мне фен. Я посмотрю, что можно сделать.

Элеонора сидела неподвижно, пока Би включала фен, доставала расческу, спрей для блеска волос и суетилась вокруг Элеоноры, пытаясь не показать свою панику.

– Простите, я покину вас на секундочку.

Карен выскользнула из гостиной и пошла вверх по лестнице к ванной, где все еще царил беспорядок. Крем для депиляции лежал на подоконнике рядом с кондиционером. Они оба были в тюбиках, но в остальном выглядели совершенно по-разному. На упаковке со средством для депиляции было написано Veet большими розовыми буквами. Карен нажала на него – и ей на ладонь выдавился белый крем. Она смыла его, затем положила тюбик назад на подоконник и взяла в руку кондиционер. На поверхности оставались капельки воды, и из него явно выдавливали содержимое – это было видно по его

форме. Элеонора никак не могла по ошибке воспользоваться другим. Адам был прав: она не дура и не настолько рассеянная. Совершенно точно можно было сказать, что пользовались кондиционером, тюбик с кремом для депиляции до сих пор оставался сухим.

Карен выдавила остатки кондиционера. То, что появилось у нее на ладони, было не таким густым, как содержимое предыдущего тюбика, но пахло от него точно так же резко и едко. Не особо раздумывая о том, почему она это делает, Карен завинтила крышку и опустила тюбик с кондиционером в свой карман.

– Как тебе? – радостным голосом спросила Би, как только Карен снова зашла в комнату. – Сейчас и не скажешь, правда?

Карен не могла не заметить, как хорошо она поработала. Теперь волосы у Элеоноры высохли, и Би сделала ей боковой пробор, чтобы прикрыть левую сторону, которая пострадала больше всего – вероятно, она на ней спала. Едва ли можно было догадаться, что с ее волосами что-то не так, пока она не шевелит головой и в комнате нет никакого движения воздуха.

– Выглядит отлично, – с энтузиазмом сказала Карен, отчаянно стараясь, чтобы голос не треснул. Последнее, что ей хотелось, – это показать Элеоноре, как все на самом деле плохо. Ведь все, кто знал Элеонору до рождения Ноя, также знали, как она гордилась своими волосами. Случившееся вполне может стать последним гвоздем в гроб после того, как она все хуже и хуже справлялась с домашними обязанностями в последнее время.

– Тогда почему у тебя такое выражение лица, будто ты смотришь на невесту Франкенштейна? – На глаза Элеоноры навернулись слезы. – Я знаю, что ты врешь.

Конечно, Карен врала. Когда говорила Элеоноре, что все будет в порядке. Когда говорила, что Элеонора может ей верить. Это все была ложь – но к этому времени она уже привыкла врать.

Глава 53

Би

Би ушла после того, как Элеонора крепко заснула на диване. Адам почти не сводил глаз с изможденной жены. Он был белее бумаги с тех пор, как они приехали, и Би пришлось сто раз заверить его, что он не должен себя ни в чем винить, просто произошла ошибка. Хотя на самом деле она и сама не верила своим словам. Это была совершенно дикая ошибка, и Би не представляла, насколько усталой и измученной нужно быть, чтобы ее допустить. Но, убеждая Адама в его невиновности, она могла думать только про Карен и Майкла, про Майкла и его жену. Совершенно ясно, что не получилось бы поговорить об этом с Элеонорой – Карен почти все время находилась рядом с ними, да и Элеонора едва ли могла связать два слова, но Би нужно было с кем-то это обсудить. Она с ума сходила от происходящего.

Ее ноутбук был открыт и находился в спящем режиме. Она подтянула его к себе, прикоснулась пальцем к экрану, чтобы оживить его, потом напечатала «Майкл Лентон» в поисковой строке «Гугла». Система выдала тысячи результатов, но ни один из них не выглядел многообещающим. Она кликала по фотографиям, но на всех были другие Майклы. Она прокручивала результаты поиска дальше, видела снимки седых мужчин и семнадцатилетних юношей, пока наконец не увидела то, что искала. Это была фотография Майкла, с которым жила Карен. Он отлично смотрелся в сером костюме, белой рубашке и жилетке кремового цвета. Здесь он выглядел значительно моложе, но это совершенно точно был он. Его под руку держала очень красивая молодая женщина в свадебном платье. Эту фотографию она уже получала.

Би кликнула по снимку, и он развернулся на весь экран. В нижней части появилась надпись: *«Майкл и Эмили Лентон нашли машины своей мечты для свадьбы, о которой мечтали»* и ссылка на сайт. Но сайта, рекламировавшего машины, больше не существовало.

Би напечатала «Эмили Лентон» в поисковой строке. Появилась надпись «Найдите Эмили Лентон в “Фейсбуке”» – выбирать можно было из великого множества, но ни одна женщина не походила на ту,

которая стояла рядом с Майклом. Би кликнула по нескольким снимкам, пока наконец не нашла женщину с фотографией двух детей в качестве картинки профиля – девочек-двойняшек примерно тринадцати лет. К большинству фотографий доступа не было, но Би нашла одну старую, которая когда-то использовалась в качестве аватарки – с празднования Рождества в две тысячи тринадцатом году, и поняла, что Фрэн была права.

Глава 54

Карен

Карен проснулась сама, без будильника, а это означало, что сегодня выходной. Ей на лицо падал теплый солнечный свет и слепил глаза. Сколько времени? И почему у нее не задернуты шторы? Когда она попыталась поднять голову с подушки, возникло ощущение, что кто-то ночью залил в нее бетон. Подвигав шеей из стороны в сторону и согнув руки, она обнаружила, что у нее болит каждая мышца.

Что случилось прошлой ночью? Нельзя сказать, что она вообще ничего не помнила – она выпила бокал вина, отправилась в город, познакомилась с парнем… О господи, парень.

Она медленно повернула голову вправо, очень надеясь не увидеть то, что, как она уже подозревала, ее там ждет. Копна темных волос, разбросанных по подушке, наполовину закрывала загорелое лицо парня. Он был обнажен, по крайней мере, верхняя часть тела, а Карен не собиралась проверять нижнюю, потому что он в любой момент мог проснуться и увидеть, как она туда заглядывает.

Вероятно, прошлой ночью что-то серьезно пошло не так. Она не должна была никого приводить сюда, в постель, которую делили они с Майклом. И почему ей так плохо? Она почти ничего не пила – всего несколько бокалов вина. И почему весь вечер словно в тумане? Она вспоминала какие-то отрывки, словно просматривала трейлер фильма, – она знакомится с мужчиной, приглашает его к себе, – она по привычке не спросила, как его зовут, и это осложняло дело теперь. Но она совершенно не помнила, когда и почему решила привести его к себе в дом вместо того, чтобы заняться сексом в заранее снятом номере в гостинице.

Карен попыталась как можно тише нащупать свой телефон на прикроватной тумбочке. Она не хотела будить парня, пока она не решит, что с ним делать. И пока не оденется.

Телефон выскользнул у нее из пальцев и с глухим звуком упал на пол. Она поморщилась и оглянулась через плечо: парень продолжал спать. Карен провела пальцем по экрану и сморщилась, увидев время: четыре минуты десятого. А что, если Майкл рано вернется? Она не думала, что мистер Растрепанные Волосы произведет на него большое

впечатление и ему будет приятно маневрировать вокруг него, чтобы поставить чемоданы на место в шкаф.

Она встала с кровати и надела халат, потуже завернувшись в него, чтобы скрыть наготу.

– Эй, ты. – Она потрясла мужчину за плечо, у него задрожали ресницы и открылись глаза. Он улыбнулся, увидев, как она стоит над ним.

– Доброе утро, – не совсем внятно произнес он. – Готова ко второму раунду?

– Нет, – резко ответила она. – Прости, но нет. Тебе нужно уходить. Пожалуйста.

Судя по его виду, он был в недоумении и все еще полностью не проснулся.

– А в чем проблема?

– О, прекрати. – Она пошла по комнате, собирая по-свойски разбросанные им в предыдущий вечер вещи. – Не говори мне, что ты не заметил мужские ботинки в коридоре. Часы «Армани» на шкатулке? Фотографии?

Он виновато улыбнулся.

– Да, я все это заметил. И теперь, как я догадываюсь, мистер Пугающий-и-Контролирующий-Жену должен вернуться домой, и поэтому ты так отчаянно пытаешься от меня избавиться. И также я догадываюсь, что звонить ты мне не будешь.

– Ты умный парень, должна признать. – Она вручила ему вещи и развернулась. – Я вызову тебе такси.

– Что, даже на кофе времени нет?

– В десяти минутах отсюда, если идти вниз по улице, находится «Старбакс». Заказать тебе такси до него?

– Нет, не беспокойся. Я сам доберусь до дома. Но могу я тебе кое-что сказать?

Карен повернулась, чтобы посмотреть на него. Он уже оделся и, хорошо его рассмотрев, она поняла, почему выбрала этого парня. И она не сомневалась, что это *она* выбрала его. Несмотря на то, что Карен не могла четко вспомнить все, что происходило вчера вечером и ночью, у нее не было ощущения, что ее к чему-то принуждали. Она делала то, что хотела. И совершенно точно никто не воспользовался ее состоянием. Ей придется разобраться, почему она все так испортила,

приведя его к себе домой, а не в гостиницу, но знала, что его винить в этом не следует.

– Да? – нетерпеливо спросила она.

– Я не знаю, что у вас тут за дела. – Он обвел рукой комнату. – Но если ты почему-то обиделась на своего мужика, неправильно использовать других людей, чтобы ему отомстить.

Она стояла неподвижно, приоткрыв рот, не зная, что сказать. Когда наконец она смогла пошевелить языком, ей удалось только выдавить из себя:

– Прости?

– Твое дерьмо – это твоя проблема, не моя. Но представь, что все бы было наоборот? Если бы это я подошел к тебе вчера вечером в том баре, мы бы пропустили несколько стаканчиков, посмеялись вместе, я пригласил бы тебя к себе домой, оттрахал тебя до полного удовлетворения, а утром разбудил бы и дал пинком под зад, пока не вернулась моя жена. Я был бы скотиной. – Он накинул пиджак на плечо и сунул в него руку.

О боже, он был прав. Карен провела рукой по лицу, переваривая все, что он сказал. Сколько других мужчин чувствовало себя так же – использованными и выброшенными, – когда просыпались утром и видели, что она ушла ночью? Она предполагала, что они все шли с ней за тем же самым, но именно она контролирует ситуацию, она их использует.

– Мне хотелось бы, чтобы ты сейчас ушел.

Она вышла из комнаты до того, как он успел увидеть навернувшиеся у нее на глаза слезы, и заперлась в ванной. Она услышала, как открылась дверь спальни, за ней – входная дверь, которая захлопнулась за ним, его шаги по тропинке, и напоследок скрипнули ворота. Он ушел. Карен знала, что ей необходимо начать стирать все следы его пребывания у нее в доме и приводить себя в порядок перед возвращением Майкла, но, похоже, единственное, что она могла делать, – это сидеть на холодном полу в ванной и плакать.

Глава 55

Карен

Джессика и Карен сидели напротив друг друга, их разделял низкий кофейный столик в центре комнаты. Карен в это утро не выходила из кабинета, даже за кофе или в туалет, и когда появилась Джессика, она была готова к встрече и ждала ее. Молли привела ее, как обычно приводила пациентов. Джессика казалась какой-то притихшей. Вместо того чтобы спрашивать, как она себя чувствует, случилось ли что-то значимое после их прошлого сеанса, о чем она хочет поговорить, Карен решила, что с нее достаточно.

– Что вы от меня хотите? – спросила она, как только пациентка удобно устроилась. Не дрогнув, Джессика посмотрела на нее своими пустыми глазами, в которых было невозможно хоть что-то прочитать.

– Я хочу, чтобы вы помогли мне справиться с головными болями. Именно поэтому я и пришла сюда.

Карен покачала головой.

– Нет, я думаю, что это неправда, и мы обе это знаем. Поэтому я собираюсь выложить свои карты на стол, хотя понимаю, что рискую – таким образом я могу дать вам именно то, чего вы добиваетесь. Я снова вас спрашиваю: что вы от меня хотите?

Джессика немного отодвинулась назад и молча окинула ее оценивающим взглядом. Наконец она ответила:

– Я на самом деле не уверена, что знаю. Не могу сказать, что это было спланировано – в смысле, что я приду к вам вот так, но в итоге так и вышло.

Для Карен этот ответ стал полной неожиданностью, и на мгновение она растерялась, застигнутая врасплох, но не показала этого. Она ожидала новых отрицаний, но, может, Джессика так же устала от этой игры, как и она сама. Карен чувствовала себя изможденной, и день, судя по всему, предстоял не из легких. Би написала ей сообщение еще до начала рабочего дня и попросила встретиться с ней и Элеонорой в обеденный перерыв. По ее словам, им нужно было поговорить. Карен понятия не имела, что еще случилось, но в последнее время каждый день приносил новую драму, и у нее было нехорошее предчувствие.

– У вас роман с мужем моей лучшей подруги?

Джессика издала резкий смешок.

– Это тот самый Адам, которого вы уже упоминали? Нет, я и близко не подходила к вашим подругам.

Карен ей ни на секунду не поверила. Может, Джессика думала, что если признается, то у Карен будут все необходимые доказательства, чтобы обратиться в полицию и заявить о том, что она сделала. Неважно, Джессика и так уже фактически признала, что врала про головные боли напряжения. Надо с этим заканчивать.

– Вы знаете, что я могу рассказать про вас Элеоноре? Мне нужно только сказать, что вы представляете угрозу ее семье. У меня есть полное право предупредить ее насчет вас.

Джессика улыбнулась, но промолчала.

– Хотя, как я предполагаю, вы именно этого и хотите, не правда ли? Чтобы я рассказала Элеоноре обо всем происходившем на этих сеансах. Вероятно, вы считали, что я сделаю это раньше. Я так понимаю, что вы поэтому и обратились ко мне. Вы думали, я сообщу Элеоноре и разрушу ее семью для вас. Таким образом вы получаете Адама себе и не рискуете разозлить его. Вас нельзя будет обвинить: вы считали наши сеансы конфиденциальными.

– Похоже, вы со всем разобрались. И что теперь, доктор? Вы собираетесь вызвать полицию и сдать меня им? Вы это с самого начала планировали?

Карен встала, чтобы и физически, и психологически доминировать над Джессикой. Это дало ей ощущение, что она держит ситуацию под контролем, чего никогда не случалось во время их сеансов.

– Признаюсь, я понятия не имела, что с вами делать. Вы молодая и влюбленная девушка. Я понимаю, что вы чувствуете.

– Не надо относиться ко мне покровительственно, – огрызнулась Джессика, лицо которой исказила гримаса. – Вы совершенно не представляете, что я чувствую.

– Может, и представляю, и даже гораздо лучше, чем вам кажется. Но это все равно не является оправданием вашего поведения. Пока вам везло – никто не пострадал физически. И если вы прекратите сейчас, может, и не пострадает.

Джессика встала, схватила сумку и переместилась к подлокотнику дивана, словно собиралась уйти. Карен почувствовала, что одержала победу, но за ликованием сразу же последовало другое ощущение – ей стало немного не по себе. Она не ожидала, что все пройдет так легко – она возвела Джессику Гамильтон в ранг злодейки из фильма, и решение вопроса с помощью нескольких суровых слов немного разочаровало ее

– Я знаю, что вы делаете, – заявила Джессика. – Я видела, на что вы способны.

Карен вспомнила послание: *«Я знаю, что вы делаете. Я знаю, что вы натворили»*. Она не сомневалась, что оно пришло от Джессики, но было приятно получить подтверждение своих подозрений. По крайней мере, она не сходила с ума.

– Я не в курсе того, что, по вашему мнению, вы обо мне знаете…

Джессика наклонилась вперед, сокращая расстояние между ними. Карен увидела ее щеки, покрасневшие, как во время их первого сеанса. Тогда она решила, что это из-за мороза. Сейчас, когда эта краснота вернулась, Карен поняла, что настоящая причина в ее злости.

– Я вижу вас насквозь, Карен Браунинг. Я вижу ваше сердце и вижу, что вы на самом деле за человек. Вы ведете себя так, словно морально безупречны, и думаете, что никто никогда не увидит вас настоящую, но вы ошибаетесь. Вы ошибаетесь, и это вам еще недолго будет сходить с рук.

У Карен возникло ощущение, будто ее грудь наполнилась свинцом, а Джессика в это время вылетела из кабинета. Ей должно было стать хорошо; она должна была чувствовать себя отмщенной, но на самом деле она понимала, что это еще не конец.

Глава 56

Карен

Они вдвоем сидели напротив нее в кафе, наблюдали за ней и ждали ее реакции на новость, которую только что сообщила Би. Они знали, что Майкл женат.

Карен не чувствовала ничего. Она точно знала, какая реакция от нее ожидалась. Она должна была кричать, вопить, плакать, но она не могла дать им то, что они хотели.

– Но ты это уже знала. – Это было утверждение, а не вопрос от Би после того, как она не увидела на лице Карен ни удивления, ни замешательства, ни смущения. Карен слишком устала, чтобы заставить себя все это изображать. Она покусывала оторвавшийся кусочек кожи с внутренней стороны губы и смотрела в пол.

– Ты говоришь глупости, Би. Карен никогда не стала бы жить с женатым мужчиной. – Элеонора придвинулась к ней поближе, положила ладонь ей на руку, и Карен почувствовала, что закипает. – С тобой все в порядке? Что ты собираешься делать?

Она не знала, что сказать. Было очевидно, что Элеонора отчаянно хочет видеть ее расстроенной из-за того, что этот ужасный обманщик вскружил ей голову. Карен не хотелось говорить ей правду о том, что Би не ошиблась. Карен прекрасно знала, во что ввязывается, когда начинала отношения с Майклом. Она знала про его детей и жену, его другую жизнь и дом, который ему принадлежит. Они не жили отдельно с Эмили, и та про нее ничего не знала. Жена считала, что он на неделе уезжает в другой город, хотя он мог работать из любого места – у него была удаленная работа, как ее принято называть, и он все это время мог находиться дома с ней и детьми. Но не находился. Он жил с Карен.

– Она не собирается ничего делать, Элеонора, – сказала Би. – Она знает про Майкла. Она все знает.

Элеонора смотрела на нее как обиженный ребенок. Карен собралась с духом и кивнула.

– Она права, Элс. Я знала, что он женат.

Эмоции сменялись на лице Элеоноры, словно их рисовали на нем «волшебным» фломастером, который тут же легко стирается: сочувствие перешло в разочарование, затем наконец в ярость.

– В какие игры ты играешь, черт побери? Как ты могла связаться с женатым мужчиной? У него есть семья? Карен? У него есть дети?

Карен знала, что ее ситуация поднимает на поверхность все, чего Элеонора опасалась в случае с Адамом. Ее мучили кошмары – ее лишает семьи какая-то неизвестная безнравственная совратительница, которая берет то, что хочет, и совсем не думает о других людях, которых это касается. И такой женщиной только что оказалась ее лучшая подруга.

– Я…

– Если ты скажешь, что любишь его, я могу врезать тебе по лицу.

Карен не думала, что Элеонора в самом деле на это способна, но она могла ошибаться и не хотела рисковать. Би молча наблюдала за ней, и Карен не была уверена, чего она от нее ждет. Она знала, чего хочет Элеонора – чтобы Карен в слезах просила прощения у людей, которым она даже не причинила никакого зла, объясняла, что ничего не знала до прошлой недели или даже до вчерашнего вечера, и доказывала, что ее такая надежная лучшая подруга, которой всегда можно было доверять, не оказалась лживой обманщицей, которая разрушает чужие отношения. Би же оставалась тайной.

– Почему ты мне не сказала? – тихо спросила Би. – Ты нам врала годами.

– Потому что я не хотела видеть выражение твоего лица, которое вижу сейчас, – ответила Карен стопроцентную правду. – Я не хотела, чтобы вы во мне разочаровывались.

– Потому что ты хотела, чтобы мы считали тебя мисс Идеальность, – бушевала Элеонора. – Ты не могла допустить, чтобы мы знали, как низко ты пала. Ты все время такая высокомерная, с твоей престижной работой и одеждой, не заляпанной едой, которую срыгнул ребенок, и речь у тебя правильная, ты же совсем не употребляешь ругательств. А все это время ты только разрушала чужие жизни.

– Ты говоришь глупости, Элеонора. И прекрати орать, не надо устраивать сцену. – В словах Би не слышалось никаких эмоций. Карен подумала, что ей больше нравится патетика Элеоноры.

– Скажи что-нибудь, Карен. Пожалуйста, скажи что-нибудь.

– Би права. – Карен смотрела в стол, больше она не могла видеть их обвиняющие лица. Дамбу прорвало: слова потекли потоком,

врезаясь друг в друга, каждое старалось вылететь быстрее, чем предыдущее. – Я знала, что он женат, когда мы познакомились. Нельзя сказать, что меня это не волновало вообще, просто не настолько, чтобы не допустить ничего между нами. Когда он начал со мной флиртовать и ясно дал понять, что хочет меня, я просто затолкала мысль о его жене в черный ящик, отправила его в дальнюю часть своего сознания и похоронила там. И каждый раз, когда мы тайно встречались, я посыпала эту коробку еще одним слоем земли, пока полностью о ней не забыла. Мы спали вместе, и я не испытывала никакого чувства вины. Я никогда ее даже не видела – она для меня не существовала. Его дети не были для меня реальными людьми, и я никогда не позволяла себе о них думать достаточно долго, чтобы их существование меня как-то беспокоило.

Она сделала глубокий вдох и подняла глаза. Лицо Элеоноры, казалось, еще сильнее, чем до рассказа Карен, перекосило от отвращения, если такое было вообще возможно. Би покусывала губу с внутренней части и отказывалась встречаться с Карен глазами.

– Когда я вам его представила, вы обе посчитали его идеальным, и он так старался вам понравиться. Я не могла тогда вам сказать. Я не хотела, чтобы каждый наш разговор сводился к тому, уйдет Майкл от жены или нет, или не собираюсь ли я его бросить. Я бы не вынесла, если бы вы говорили у меня за спиной, что я идиотка и наши с ним отношения обречены. Даже если бы вы их приняли – и я знаю, что ты не смогла бы, Элеонора, – вы никогда не дали бы мне забыть, что он на самом деле не мой. А у меня хорошо получалось не вспоминать об этом.

Уголки ее глаз жгли горячие слезы, она яростно моргала, чтобы от них избавиться. Она никогда не плакала перед подругами.

– Я не должна все это слушать. – Элеонора встала и так схватила сумочку, что стол затрясся. – Меня тошнит от всего этого. Подумать только: у нас были секреты от тебя только по одной-единственной причине – мы планировали вечеринку в честь дня твоего рождения, черт побери. Это единственное, о чем мы тебе не рассказывали за всю нашу жизнь! Я ухожу. Ты идешь, Би?

Карен не могла не посмотреть на Би и была уверена, что ее взгляд полон отчаяния. Если Би сейчас останется, есть шанс, что она ее простит. Она не собиралась отказываться от Майкла, она просто не

была в состоянии это сделать, но, может, ей удастся убедить Би, что один плохой поступок не делает ее плохим человеком. Она же должна понимать, что нет идеальных людей?

Но Карен не получила шанса дать Би взглянуть на ситуацию со своей точки зрения, потому что Би встала и последовала за Элеонорой, оставив Карен совершенно одну.

Глава 57

Карен

Карен постучала в дверь и толкнула ее ладонью. Роберт сидел за своим письменным столом, согнувшись и поставив локти на блестящую дубовую столешницу. Серьезное выражение его лица заставило ее мгновенно насторожиться: он выглядел так, словно кто-то заменил его «Плейстешен» на счетную доску абака.

– Карен. – Он жестом пригласил ее войти, она закрыла за собой дверь и прошла дальше в кабинет. Голова стала болеть сильнее.

– В чем дело, Роберт?

Она положила руку на спинку стула перед собой, чтобы удержаться на ногах. Ей казалось, она больше не могла находиться в вертикальном положении.

– Ты собираешься садиться? А то из-за тебя кажется, что в моем кабинете не прибрано.

– Не пытайся шутить, Роберт. Что я вообще здесь делаю?

Он не ответил, только неотрывно смотрел на стул. Карен с неохотой опустилась на него.

– Ты права: боюсь, что дело серьезное. – Он провел рукой по лицу, ее опасения и тяжесть в животе только усилились. – Поступила жалоба.

Ей понадобилась минута, чтобы переварить услышанное. Первой мыслью у нее в голове была: *«На кого?»* Какой глупый вопрос. Она уже прекрасно знала, на кого поступила жалоба – пока она еще не стала старшим партнером, с ней никто не станет советоваться по подобному вопросу, если только она сама каким-то образом не вовлечена в дело. Жалоба поступила на нее. От Джессики Гамильтон.

– От кого? – Он даже не смотрел на нее. – Роберт, кто на меня пожаловался?

– Ты прекрасно знаешь, что я не могу тебе этого сказать.

– Тогда что я здесь делаю? – Она уже начала вставать, но подумала, что лучше не заставлять ноги работать, и снова опустилась на холодное кожаное сиденье. – Если мы делаем все по правилам, то почему ты вообще сказал мне об этом? Разве я не должна сейчас

предстать перед советом? Горячие угли на полу, я пляшу на них, пока ваша компания точит вилы…

Роберт вздохнул. Очевидно, он предупреждал ее, чтобы она не устроила сцену перед другими партнерами. Не только из-за своей неоправданной преданности по отношению к ней, но еще из-за того, что считал ее достаточно слетевшей с катушек, чтобы поставить на карту и подвергнуть риску карьеры их обоих. Лучше дать фейерверку вспыхнуть здесь, а потом надеяться, что Карен успокоится к тому времени, как предстанет перед советом.

– Я посчитал, что обязан предупредить тебя. Нам нужно провести официальное совещание перед тем, как Генеральный медицинский совет[32] начнет расследование, но я не хотел, чтобы ты впервые услышала эти обвинения в присутствии других партнеров.

– В чем заключается суть обвинений? – Ее голос не казался дрожащим или надтреснутым, а звучал привычно. Привычно для той, кем она была до встречи с Джессикой Гамильтон. До того, как разрушилась ее жизнь.

– Утверждают, что от тебя во время сеанса попахивало алкоголем.

– Это глупость несусветная!

И это было невозможно. Она никогда не употребляла алкоголь перед работой. Да она приходила в офис еще до девяти утра, ради всего святого! И она ни разу не сделала даже глотка в обеденный перерыв.

– Ты должен знать, что я никогда не пью на работе. Почему ты вообще допускаешь, что я могла выпить?

– Жалоба поступила не только на это. Утверждают, что ты позвонила, чтобы перенести сеанс, затем тебя не оказалось на месте, когда пришел пациент, и ты подводила его вот таким образом не один раз. Утверждают, что во время сеансов, которые все-таки состоялись, ты была такой рассеянной, как будто выпила. Еще ты звонила пациенту домой, чтобы прокомментировать что-то с его личной страницы в «Фейсбуке», и посылала неуместные и неподобающие текстовые сообщения, не касающиеся сеансов.

– Это все ложь, Роберт. И легко можно доказать, что это ложь. Я не понимаю, почему кто-то считает, что ему это сойдет с рук.

– Если это ложь…

– Если?

– Хорошо, давай считать, что я тебе верю. Потому что я хочу верить, Карен, честно, несмотря на все, что я собственными глазами видел в течение последних нескольких недель. Но мы должны со всей серьезностью подходить к каждой жалобе.

– Но этот человек врет! Клянусь тебе, Роберт, я никогда не отправляла пациентам никаких текстовых сообщений, не говоря уже про «неуместные и неподобающие». И пить на работе? Я вообще в рабочие дни не пью …

Она запнулась, зная, что собралась произнести вслух то, что говорила себе на протяжении нескольких недель. Раньше она не пила вообще, десять лет не пила, но в последнее время она пропускала стаканчик или два вечером, чтобы расслабиться. По правде говоря, на этой неделе она пропускала их каждый вечер. Но она принимала душ, она чистила зубы, и от нее просто не могло пахнуть алкоголем в девять утра на следующий день. Точно не могло? О боже! Она закрыла лицо руками и потерла пальцами виски, чувствуя, что не нужно злоупотреблять хорошим к ней отношением Роберта.

– Я не пью на работе, – тихо сказала она.

– Я думаю, что тебе нужно немного отдохнуть, – заявил Роберт вместо ответа.

Карен опустила руки на колени и резко подняла голову. Она была шокирована.

– Ты шутишь? Если я исчезну сейчас, я как раз буду выглядеть виноватой. Я не собираюсь брать отгулы.

– Ты не будешь так выглядеть. Это будет означать, что ты серьезно воспринимаешь обвинения.

– Ну, я не воспринимаю их серьезно. И, честно говоря, меня злит, что ты воспринимаешь. Они абсолютно беспочвенны, и ты это знаешь! Если бы имелись хоть какие-то доказательства, что я отправляла пациентам неуместные и неподобающие послания или пила на работе, то меня бы от нее отстранили, как только я вошла в здание. Сам факт того, что я должна предстать перед советом, означает, что у тебя нет достаточного количества оснований, чтобы самому принять решение. Я никуда не ухожу, Роберт.

Он вздохнул.

– У меня было предчувствие, что ты скажешь именно это. Ты права, никаких явных доказательств нет. Слава богу! Я видел

текстовые сообщения, и они приходили не с тех номеров, которые зарегистрированы на тебя. Несмотря на то, что ты сейчас на меня обижена, Карен, я твой друг, и я не хочу, чтобы дело дошло до временного отстранения от работы. Но случай нужно расследовать, и я предпочел бы, чтобы тебя здесь не было, когда мы будем это делать. Я хочу, чтобы ты взяла несколько отгулов. Съездите с Майклом куда-нибудь отдохнуть, ты полностью восстановишься, и все войдет в колею.

Наконец она нашла в себе силы встать.

– Мы не можем просто взять и сбежать куда-то отдыхать, в жизни у всех не все так просто. И в любом случае я не выбивалась из колеи. Я не буду брать отгулы; тебе придется меня временно отстранить от работы.

Она подхватила сумку и двинулась к двери, шагая гораздо более уверенно, чем себя чувствовала. Только глухо стучавшее в груди сердце, которое, казалось, ударялось о ребра, говорило о том, что ее охватила паника. Карен не могла потерять работу, она была всем для нее. Без работы она даже не знала, кто она есть.

– По крайней мере, отдохни оставшуюся часть дня, – с надеждой крикнул ей в спину Роберт.

Она была на грани того, чтобы сказать «нет», но внезапно увидела свое отражение в черной стеклянной двери. Цвет лица казался мертвенно-бледным, в особенности на темном фоне, не белыми оказались только темно-пурпурные мешки под глазами. Она заснула с мокрой головой, и поэтому обычно прямые и блестящие волосы сейчас свисали завитушками, которые она не успела выпрямить, а на левой груди Карен заметила белое пятно от зубной пасты. По крайней мере, сегодня утром она не забыла почистить зубы. Ее мучила пульсирующая боль у основания черепа с самого момента пробуждения, вначале она просто выбивала какой-то ритм, а теперь у нее в голове был настоящий концерт.

– Да, хорошо. Отлично.

– Что? Что отлично? – подозрительно спросил он.

– Я отдохну оставшуюся часть дня. Может, и завтра. Вернусь после выходных, только если у вас с другими партнерами не окажется еще каких-нибудь доказательств моих проступков, чтобы официально отстранить меня от работы. Что ты собираешься представить совету?

Он показал на бумаги, лежавшие на письменном столе, и Карен внезапно поняла, что папка с жалобой находилась перед ним.

– Мне придется представить им доказательства, которые у меня есть, но подозреваю, что это будет неофициальное заседание, а не слушание. Вероятно, нам не понадобится тебя подключать.

Теперь Роберт говорил более расслабленно. Может, он только хотел, чтобы она осознала всю серьезность ситуации. Может, если бы она просто ушла, отдохнула, как он ей предлагал, все сложилось бы по-другому. Но теперь этого уже не узнать.

Глава 58

Все будто вставало на свои места или, наоборот, разваливалось на части – я не понимала, что именно происходит. Время от времени в последние несколько недель я чувствовала, что зашла слишком далеко – я не желала им зла, вы должны это знать, я просто хотела заставить их понять. Я много думала о концепции добра и зла – чем я лучше нее? У меня имелись веские основания для того, что я сделала, разве в конце концов все не говорят именно так? В тюрьмах полно «невинных» людей. Иногда я замирала на месте, смотрела в будущее и приходила в ужас при мысли от того, как все это закончится, я цепенела от страха, думая, в кого превращаюсь. Я могла бы остановиться в любой момент. Или нет? Если бы могла – если бы остановилась, – все вышло бы по-другому. Они все еще были бы живы.

Глава 59

Карен

Карен сидела у тихого пруда и неотрывно смотрела на воду. Только крошечные пузырьки воздуха, поднимавшиеся из глубины на поверхность, давали понять, что под ней живет и дышит целая экосистема. Ее всегда очаровывало то же самое в человеческом разуме – сколько всего может происходить в подсознании так, что сами люди об этом даже не подозревают. Столько всего невидимого плавает вроде бы совсем рядом, но вне пределов досягаемости – пока пузырек не доберется до поверхности и не лопнет.

Временно отстранена. Слушание на заседании Генерального медицинского совета длилось сорок минут, но она помнила всего лишь одну фразу: *«Временно отстранена от работы в ожидании служебного расследования».*

По большей части она не беспокоилась. На протяжении многих лет ей говорили, каким ценным сотрудником она является, до этого она все годы была лучшей студенткой группы в университете, сдавала все экзамены так легко, словно сама составляла вопросы, и поэтому чувствовала себя профессионально неуязвимой. Она была любимчиком у преподавателей, Роберт совершенно точно выделял ее и ценил гораздо больше других сотрудников. С нее совершенно точно снимут эти смехотворные обвинения. Роберт просто действует по инструкции – в таких случаях положено официально временно отстранить от работы. Ему нужно думать о своей практике, и Карен с уважением отнеслась к решению, которое они с другими партнерами приняли. Она сама точно так же поступила бы, если бы кто-то из коллег оказался на ее месте.

Но была и другая ее часть. И она нашептывала слова «комитет по этике», «позорит профессию», «временно отстранена от работы в ожидании служебного расследования». Это навсегда останется пятном на ее репутации, черной меткой на ее имени. Даже если ее оправдают по всем статьям и она останется работать в том же месте, ее коллеги всегда будут украдкой переглядываться при виде нее. Все захотят усесться рядом с ней на собраниях, чтобы принюхаться – не попахивает ли у нее изо рта алкоголем, будут сомневаться в

правильности любого ее мнения, которое она выскажет по поводу лечения пациентов. Пока она временно отстранена от исполнения обязанностей, ее пациентов передадут другим врачам, и очень маловероятно, что их ей вернут, даже если с нее снимут обвинения и восстановят в должности. Ей придется начинать с нуля, а результаты всей ее усердной работы окажутся в руках других психиатров. Они все старались проводить сеансы в соответствии с установленными правилами, требующими отстраненности, но она начала заботиться о своих пациентах, беспокоиться за них. Ее интересовало их благополучие. Останется ли трезвым алкоголик Джерри Янг, если его передадут кому-то другому? Сьюзан Вебстер снова заставят с самого начала пережить то, что она испытала, теперь вместе с одним из других психиатров? Или она вообще откажется от терапии, потому что не сможет опять начать все заново? А что будет с Джессикой Гамильтон?

Эта мысль была подобно кирпичу, оказавшемуся у нее в животе. Уборка, чтение, просмотр жутких программ с раздражающими ведущими и гостями с большим количеством проблем, чем у всех пациентов их учреждения, вместе взятых, – ничто не могло отвлечь ее от осознания того, что она все это время была не права. И это осознание росло, словно лавина. Все это было впустую.

Глава 60

Би

Дверь открыл Майкл.

– Ее здесь нет, Би, – сказал он усталым голосом.

– Я знаю, – резко ответила Би. – Я пришла поговорить с тобой. Ее долго не будет?

– Она отправилась за вином и едой навынос в один из наших любимых ресторанчиков в Бриджнорте. Ее не будет всего полчаса. У нее какие-то проблемы на работе, которые она не хочет ни с кем обсуждать.

– Ну тогда лучше быстро впусти меня.

Судя по его виду, Майкл хотел возразить, затем опустил глаза в пол и тяжело вздохнул. Не глядя, пошла она за ним или нет, он отправился в гостиную. Би закрыла входную дверь и последовала за ним.

– Как я предполагаю, ты пришла спросить меня, что я планировал делать с Карен, сказать мне, что я полное дерьмо, и предупредить меня, чтобы я держался подальше от твоей лучшей подруги, или ты сообщишь обо всем моей жене.

В улыбке Би не было ни капли веселья.

– А затем ты скажешь мне, что твоя жена тебя не понимает, у вас уже несколько лет не было секса, и вы вместе только из-за детей и просто ждете, когда они вырастут. Тогда ты сможешь уйти.

Майкл приподнял брови: в точку.

– Так почему ты здесь?

Би устроилась на краю дивана так, словно никогда раньше на нем не сидела, словно сотню раз не сворачивалась на нем клубком с бутылкой вина.

– Я беспокоюсь за Карен.

– Не нужно. Она прекрасно понимает, во что ввязалась, и может уйти в любой момент. – Майкл провел рукой по подбородку. – Она взрослая женщина, Би, а наши отношения работают. Я не вру ей, она не врет мне. Она счастлива.

– Если ты искренне в это веришь, то ты не знаешь Карен так хорошо, как думаешь, – объявила Би. – Но я не имела в виду, что меня

беспокоит статус ее отношений или мысли о том, разобьешь ты ей сердце или нет. Меня беспокоит… ну, понимаешь… – Внезапно она утратила свою уверенность. Правильно ли она поступила, придя сюда? Но теперь она здесь, значит, лучше продолжить и сказать то, что она планировала. – Ее душевное здоровье.

Она ожидала, что Майкл фыркнет, напомнит ей, что как раз Карен – специалист по душевному здоровью, а она сама – помощница менеджера по управлению персоналом, а не наоборот. Но он этого не сделал. К ее удивлению, он кивнул.

– Меня тоже. Ты знаешь, что с ней происходит?

Би кивнула.

– Абсолютно не уверена, но думаю, что это связано с одной ее пациенткой. Она убедила себя и пыталась убедить меня, что у этой девушки роман с мужем Элеоноры.

– Она тебе это сказала?

– Это удивило меня в первую очередь. Карен никогда не говорила со мной о своих пациентах. Она профессионал до мозга костей. Когда она рассказала мне про эту девушку, я поняла, что у нее имеются веские основания думать, что у нас возникла проблема.

– Она назвала тебе ее имя или фамилию?

– Нет. Эту черту она не перейдет, пока не получит доказательств существования какой-то опасности. Дело в том, что все это кажется… – Би замолчала, подбирая слово, которое не вызовет у Майкла враждебную реакцию. Но ей не пришлось, он сам продолжил:

– Безумием. Это кажется безумием. То, что эта девушка спит с Адамом и дразнит Карен. Я знаю.

– Наверное, есть такая вероятность, но почему? Как я догадываюсь, Карен почувствовала, что в отношениях Элеоноры и Адама что-то не так, и стала пытаться их спасти, как она всегда делает, если у кого-то из нас возникают проблемы. Она использует эту девушку, проецирует на нее проблему.

Казалось, он пытался не рассмеяться над ее попыткой изобразить из себя психиатра.

– Поясни мне кое-что еще, – сказал он. – Почему у Карен изначально возник этот комплекс бога?

Би опустила руку к сумочке и открыла ее. Оттуда она достала листы формата А4 и передала Майклу, который принялся их изучать и

нахмурился.

– Что это?

– Статьи из газет. Тридцатилетней давности. Их мне дала мать Карен.

– Ты ездила к матери Карен?

Би кивнула.

– Я поехала из-за вечеринки – празднования дня рождения, которое мы с Элеонорой для нее организовывали. Если честно, я теперь даже не знаю, состоится она или нет, продолжим ли мы этим заниматься, но я договорилась о встрече с ее мамой, чтобы взять у нее номера телефонов их родственников. Вот я и поехала на тот случай, если Элеонора остынет и вечеринка все-таки состоится.

– Я не думал, что Карен вообще разговаривает с матерью. Они разругались из-за ее отца.

– Почти не разговаривает. Только Карен никогда нам этого не говорила, как и про их вражду. Они с матерью вообще не виделись лет шесть. А до этого раз в год или около того. До смерти отца она довольно часто навещала родителей, но когда его не стало, ездила все реже и реже, а потом вообще прекратила. Время от времени она все-таки общается с матерью по телефону, и в большинстве случаев разговор заканчивается руганью.

– Из-за этого? – Майкл кивнул на статью. – Потому что мать считает, будто Карен позволила сестре умереть? Но это случилось тридцать лет назад, а не шесть.

Би снова кивнула.

– Нетти, так зовут мать Карен, сказала, что она пыталась перестать страдать из-за случившегося, свыкнуться с мыслью, но Карен отказывалась ее прощать за то, какая она плохая мать. Это стало невыносимо для всех. Карен уехала из дома в университет и больше не вернулась. Она никогда нам ничего этого не рассказывала. Странно, правда? То есть я хочу сказать, что ее мама не была такой, как наши. Она не приглашала подруг на чай и все такое. Все постоянно тусовались у меня дома. Наш дом был, можно сказать, местом встречи для всех, кто жил на нашей улице, поэтому тогда это не казалось странным.

– Ты уверена, что в этой статье говорится про нашу Карен? Карен в детстве стала причиной смерти своей сестры?

– Конечно нет, виновата ее мать. Карен едва исполнилось четыре года! Но я уверена, что она винила себя.

Майкл выдохнул и еще раз прочитал статью.

– Неудивительно, что ей так сильно хочется защищать всех окружающих ее людей. Она все еще не избавилась от чувства вины за случившееся, когда ей было четыре года. Бедняжка.

– Нетти сказала, что она оставила их вдвоем всего на несколько минут, но на самом деле, наверное, дольше. Карен играла с сестрой. Ее мать сказала, что у нее всегда очень хорошо получалось о ней заботиться. Как я думаю, мать просто забыла, что Карен сама еще маленький ребенок. Подозреваю, что у Нетти была послеродовая депрессия, хотя это не оправдывает ее отношение к Карен. Она винила ее в том, что случилось с младшей. Она сказала мне, что пыталась не обвинять старшую дочь, но ничего не могла с собой поделать. Каждый раз, когда она смотрела на лицо Карен, то видела младшую девочку. Она начала сильно пить. Она не помогала Карен, когда та в этом нуждалась, она не могла быть нормальной матерью.

– А где все это время находился ее отец?

– Он много отсутствовал по работе. В те времена детей фактически растили матери, сами по себе, помнишь? После несчастного случая он просто не мог находиться дома – вероятно, винил себя за то, что его тогда не было рядом, и в результате он начал уезжать все чаще, стал бесполезным отцом, каким себя и считал в любом случае.

– Значит, они фактически жили вдвоем? Они двое и больше никого?

– Да. И обе винили себя и друг друга одновременно. Вероятно, это было ужасно.

– Бедная Карен. Но какое отношение это имеет к происходящему сейчас?

– Не знаю. Я знаю только, что именно поэтому она считает себя обязанной потратить свою жизнь на помощь людям, должна присматривать за ними. Решать их проблемы. Она искупает вину за случившееся с ее сестрой.

Глава 61

Я провела целый вечер, регистрируясь на всех сайтах знакомств, которые только нашла в интернете, – да, признаю, по уровню многие сайты отличались от прославленного «Тиндера». Некоторые из типов так начинали общение… ну, если выразиться иначе, сразу становилось понятно, почему они ищут человека для удовлетворения своих потребностей в интернете. Через несколько минут после того, как я разместила в профиле случайную фотографию из «Гугла» и заполнила несколько строк, указав информацию о себе, мне пришло три сообщения от мужчин, ищущих, кого бы подцепить. Я просмотрела их профили, но никто из них не подходил. Я прочитала в интернете статью про женщину, которую там называли «кэтфиш»[33]. Она не искала никого себе; но ей удалось завязать отношения между одной моделью и известным американским баскетболистом. Она действовала как посредница, при этом они сами считали, что общаются друг с другом, а на самом деле говорили с ней. Непростая схема, но та женщина доказала, что подобное можно сделать, и тем самым подкинула мне идею.

Я искала идеально подходящего кандидата, чтобы это сработало. И даже тогда не было никаких гарантий. В интернете ты можешь быть кем хочешь. Поразительно, что столько людей выбирают роль полных идиотов.

Мне понадобилась почти неделя и свыше семидесяти сообщений, чтобы найти подходящего парня. Он очень мило начал разговор, был очаровательным, но из его профиля становилось понятно, что именно он ищет.

Мне трудно поверить, что такая красавица, как ты ищет парня в интернете, – написал он. Я немного подождала перед тем, как ответить.

Прости, если ввела в заблуждение, но, если честно, это старый профиль. Я реактивировала его только для того, чтобы подруга могла посмотреть, сколько нормальных парней ищет, как бы развлечься.

Как жаль. Мы с тобой могли бы прекрасно провести время. Твоя подруга кого-то нашла?

Может, теперь нашла;-)

Мы переписывались какое-то время в таком же духе, этакий безобидный флирт – я рассказывала о моей подруге Би и о том, как ей хочется хорошо провести время, без каких-либо обязательств. Я намекнула ему, что ей хочется этого очень сильно, и добавила, что мужчины навсегда запоминают проведенную с ней ночь. У нее нет времени на серьезные отношения, но я не считаю, что из-за этого она должна упускать те плюсы, которые могут дать встречи с мужчинами. Парень сообщил, что его зовут Дэвид. Он явно заинтересовался, независимо от того, которую из женщин ему предлагали. Я отправила ему фотографию Би, украденную с ее странички в «Фейсбуке», и это фактически скрепило сделку.

Я также написала ему номер телефона для связи, и в тот же вечер он прислал сообщение:

«Привет, меня зовут Дэвид. Твоя подруга дала мне твой номер. Надеюсь, ты не возражаешь?»

Я переслала Би отредактированную версию его послания. Би ответила, и вскоре я уже переписывалась с ними обоими, как можно точнее сохраняя оригинальные версии, хотя в послания для Дэвида я добавляла больше флирта и намеков на кое-что непристойное, а сообщения для Би делала более остроумными и похожими на те, которые мог бы писать идеальный, по ее мнению, мужчина. Это оказалось проще, чем я представляла изначально, и вполне могло сработать.

Когда послания от Дэвида стали приобретать исключительно сексуальный характер, я чуть не положила конец всему этому делу. Мне не один раз понадобилось напомнить себе, зачем мне все это, и, затолкнув свое мимолетное чувство вины на задворки сознания, я едва ли уже вспоминала о нем.

Через несколько дней я устала. Мне надоело играть в «собачку», все время проверять, чтобы ни один из них не заподозрил, что общается со вторым не напрямую. Это отнимало много времени, которого у меня не было.

Телефон снова издал сигнал, оповещая о приходе сообщения, и я сунула его под одну из диванных подушек, даже не взглянув на экран. Я испытывала только раздражение. У меня появился синдром беспокойных ног, но сил куда-то пойти или с кем-то встречаться у меня не было. Я знала, что это ощущение пройдет, но в последнее время оно возникало все чаще и чаще. Еще я ощущала ужас внизу живота, при этом даже не знала, что меня пугает, мне казалось, что мое тело почти невозможно сдвинуть с места. У меня было столько дел и планов, но я чувствовала себя изможденной. Если бы я только могла отдохнуть, хотя бы один день. Забыть обо всем происходящем, вернуться назад и попытаться жить моей обычной жизнью.

Я закрыла глаза и представила огромное белое пуховое одеяло, толстое, мягкое и упругое. Я кутаюсь в него, оно закрывает мои плечи, у меня из-под него торчит только лицо. Я почти почувствовала, как в меня вливается тепло. Если я прилягу, это меня не убьет. Полежу, пока мне не станет лучше. До тех пор, пока не смогу снова открыть глаза. Все это так изматывает.

Глава 62

Би

Би не поддалась искушению в пятнадцатый раз посмотреть на себя в зеркало перед тем, как выйти из квартиры, и еще раз проверила, заперла ли за собой дверь. Для той, которая вообще не хотела идти на свидания, организованные Карен, она провела невероятное количество времени, готовясь к этому вечеру. Попытка выбрать подходящий наряд оказалась той еще головной болью: показывать не слишком много, чтобы не создавать ложное впечатление, но достаточно, чтобы все-таки впечатлить. Она остановилась на темно-красном обтягивающем платье с относительно высоким воротом и шелковом шарфике. Никакой демонстрации груди и ложбинки, но наряд облегал достаточно, чтобы показать: она не зря проводит столько часов в спортзале. Она надеялась, что с айтишником Дэвидом она тоже не зря согласилась встретиться. Единственное, что немного притупляло возбуждение, – это невозможность поговорить обо всем этом с Карен, вытянуть из нее побольше информации, как она делала раньше. Черт побери эту Элеонору с ее принципами. После сегодняшнего вечера она сама свяжется с Карен, попробует выступить в роли посредницы и придумать какой-то способ, который поможет разобраться со сложившейся с Майклом ситуацией.

Она теперь уже больше недели обменивалась текстовыми сообщениями с этим парнем и удивлялась тому, какой он веселый и обаятельный. Карен не славилась своей способностью организовывать ей встречи с харизматичными парнями. Казалось, она считала, что Би лучше держаться подальше от обаятельных и симпатичных мужчин. Но на этот раз Би точно была готова доказать обратное и действительно постаралась – на всякий случай. После недавних событий Би чувствовала, что, возможно, наконец пришло время по-настоящему дать какому-то мужчине шанс. Почему она только смотрит, как все вокруг нее счастливо устраивают личную жизнь, пока она сама наказывает себя за случившееся много лет назад? Пришло время прекратить бояться.

Би сделала все, как советуют в руководстве для девушек «на тот случай, если он окажется психопатом». Она назначила встречу в одном

из баров в оживленном месте города, где будет чувствовать себя в безопасности среди людей. Би также попросила Элеонору позвонить ей под предлогом чрезвычайной ситуации, если Би наберет ее номер и сбросит вызов после одного гудка. Хотя Би была уверена, что парень сразу же все поймет. Ее вовсе не беспокоило, заденет она его чувства или нет. Если он ей так не понравится, что она подаст Элеоноре сигнал об экстренном вызове, то ее не будет волновать, встретится она с ним когда-нибудь снова или нет. Би сморщилась, представив лекцию, которую придется выслушать от Карен, если это «свидание вслепую» закончится точно так же, как предыдущее, – она пойдет в туалет и выскользнет через выход на площадку для курения, сразу прыгнет в такси и поедет к Карен, чтобы от всего сердца попросить не лезть в ее личную жизнь. Затем она вспомнила сцену в кафе, обиду на лице подруги, когда Элеонора произносила свою злобную тираду, а Би ничего не сказала, чтобы ее защитить. На этот раз никакой лекции не будет – Карен вполне может отказаться с ней когда-либо разговаривать.

Такси опоздало, и она написала Дэвиду сообщение, чтобы он не думал, будто она его увидела и уехала, не представившись. Ее телефон почти сразу же издал сигнал, оповещая о приходе его ответа:

«ЛОЛ! Слава богу, что так, а то я уже начал жалеть, что надел костюм Фредди Крюгера, чтобы поразвлечься».

Би улыбнулась. Возможно, сегодняшний вечер в конце концов окажется не таким и плохим.

*** * ***

– Выглядишь ты классно, совсем не похож на Фредди Крюгера, – Би приходилось повышать голос, чтобы перекричать игравшую в баре музыку, и наклоняться поближе к Дэвиду, чтобы он ее услышал. Она надеялась, что от нее все еще пахнет так же хорошо, как когда она выходила из дома.

Судя по тому, как Дэвид слегка прищурился и смутился, он не все расслышал, но улыбнулся, поняв, что именно этого от него ждут. Они выбрали худшее из всех возможных мест для первого свидания. Би так

беспокоилась о собственной безопасности, что не подумала о самых простых вещах, например о том, что они не услышат друг друга. Не говоря уже о том, что она умирала от голода – она так нервничала, выбирая наряд, что забыла поесть, а теперь не могла рисковать, заказывая что-то из закусок в баре, из-за своего плотно облегающего платья. В животе у нее некрасиво урчало. Может, и хорошо, что музыка звучала так громко.

– Послушай, ты не хочешь прогуляться? Здесь и правда очень шумно.

Би колебалась. Она обещала Элеоноре оставаться в баре ради собственной безопасности, но этот мужчина – приятель Карен. Масса людей знала, с кем она встречается. Маловероятно, что он похитит ее и убьет, а завтра появится на работе вместе с Карен. К тому же Би часто возвращалась домой пешком из местных клубов, причем после полуночи, хотя и знала, что так делать не следует. Но ведь с ней ни разу ничего не случилось. Она умела постоять за себя.

– Да, конечно.

На улице оказалось теплее, чем когда Би выходила из дома, вероятно, из-за выпитого алкоголя она не чувствовала вечерней прохлады. Может, и хорошо, что так, потому что она забыла пальто. Дэвид кивнул в направлении реки, которая текла напротив пабов и клубов, ее пересекала оживленная главная улица. Едва ли можно было сказать, что она течет в стороне от больших дорог. По тропинке гуляло много людей, и еще даже не пробило девять.

– Прости за то, что выбрала это место, – извинилась она. – Там совершенно невозможно разговаривать. – Она сделала паузу, потом с грустью добавила: – Хотя там вкусно кормят.

– Не парься по этому поводу. – Он нетерпеливо тряхнул головой, потом протянул руку и коснулся ее локтя. – Я забронировал нам номер в «Беллстоуне». Почему бы нам не направиться прямо туда?

Би не сразу уловила смысл произнесенных слов. Она предположила, что он имел в виду те кабинки, которые можно заказать в паре ночных клубов, считающих себя элитными, потому что у них есть ВИП-зоны. Похоже, что жителям Шрусбери было без разницы, что означает ВИП-зона, пусть это просто угол, отгороженный веревкой, который может забронировать любой человек за десять фунтов стерлингов. Хотя в «Беллстоуне» никакой ВИП-зоны не было,

никаких кабинок. Но это было одно из лучших мест, потому что они не притворялись, будто у них тусуются знаменитости. Би вдруг с отвращением поняла, что он имел в виду. В «Беллстоуне» были номера наверху.

– Прости, ты имел в виду пропустить по стаканчику, да? В баре?

Дэвид улыбнулся и пожал плечами.

– Я уверен, что у них есть обслуживание в номерах.

Би почувствовала, как кровь приливает к ее щекам. Да, она разоделась на свидание, но она все равно не думала, что выглядит как те женщины, которые после небольшой переписки по телефону отправятся в постель с мужчиной. У него сложилось о ней такое впечатление? Она не могла придумать ничего остроумного или просто умного, чтобы избавиться от возникшей неловкости. Би напрягала память, вспоминая тексты сообщений и пытаясь понять, когда же она могла создать у него впечатление, будто встречается с ним ради секса.

– М-м, Дэвид, мне очень жаль, что я позволила тебе думать, будто я здесь ради… ну, что нам нужен будет номер…

– О боже, нет. – У него хватило такта, чтобы выглядеть смущенным. – Я не говорю, что мы должны прямо прыгнуть в кровать. Мы можем для начала пропустить по стаканчику внизу. Там гораздо тише, чем в баре, где мы только что были. И имеет смысл проводить время поближе к гостинице, правда? С тобой все в порядке? Я сказал что-то не то?

– Я просто, я не… Мне некомфортно от предположения, что у нас будет секс на первом свидании.

Она отступила от него в надежде, что физическое отстранение даст ему лучше понять. *«Еще можно все исправить. Если он извинится, мы можем просто над этим посмеяться, не исключено, что и перекусить. Потом это может стать у нас дежурной шуткой: помнишь, как ты пытался затащить меня в постель через десять минут после первой встречи?»*

– Что ты несешь? Я хотел сказать, что приехал сюда…

– И что? Это означает, что я должна с тобой переспать? – Би слышала, как ее голос становится громче, но не осознавала, что повысила его. – Потому что ты заплатил за билет на поезд?

– Какой смысл сейчас притворяться недовольной? – прошипел он. – Карен рассказывала мне, какая ты на самом деле.

– Да? И что именно тебе говорила Карен?

У нее в груди образовался комок, щеки горели. Би не могла представить, что Карен сказала этому мужчине что-то ужасное про нее, но внезапно ей стало страшно услышать то, что он собирался ей сейчас выдать. У нее появилось ощущение, будто человек, с которым она общалась последнюю неделю, полностью исчез, и на нее сейчас смотрел незнакомец. Дэвид наклонился к ней ближе, ей стало некомфортно, и впервые ее смущение уступило место панике.

– Она сказала, что ты хочешь хорошо провести время. Я знаю, что она имела в виду.

Би резко вдохнула воздух. Карен на самом деле это сказала? Карен действительно так о ней думает? *«А разве ты сама не хотела, чтобы она думала именно это? Ты бы предпочла, чтобы она считала тебя шлюхой, а не фригидной и испуганной».* И Дэвид находился здесь только по этой причине, а не потому, что у них возникла симпатия и между ними пробежала искра. Он здесь потому, что ее лучшая подруга сказала ему, как ее легко затащить в постель.

Горячие слезы обожгли уголки ее глаз. Они всегда шутили по поводу ее жизни в одиночестве, и да, она преувеличивала свои сексуальные аппетиты в разговорах с подругами, но никогда не осознавала, что у Карен в результате сложилось о ней такое плохое мнение. По правде говоря, всех мужчин в ее жизни после окончания университета удалось бы пересчитать по пальцам одной руки. Одна ее часть была обижена, шокирована, разочарована. Другая часть была в ярости.

– Карен не имела права говорить ничего подобного, можешь передать ей это от меня в следующий раз, когда устроитесь в столовой и будете мило болтать.

Дэвид немного замешкался, а затем ухмыльнулся.

– Она тебе сказала, что мы вместе работаем? Ха, я думаю, что это тебе нужно поговорить со своей «лучшей подругой». Мы познакомились в интернете. На сайте знакомств.

Би выпила только два бокала вина в баре, но теперь у нее раскалывалась голова, пульсирующая боль началась прямо за глазами. На сайте знакомств?

– У Карен есть мужчина. Она не пользуется подобными сайтами.

– Я знаю. Она мне так и сказала, когда я ей написал. Она объяснила, что это старый профиль, и она сама никого не ищет. Но у нее есть подруга, которая как раз в поиске, и дала мне твой номер. Все про тебя рассказала, сообщила, что ты много лет одна. Она предложила мне написать тебе и обязательно сказать, что я от Карен.

Как она посмела! Она устроила ей свидание с человеком, которого сама ни разу в жизни не видела. Карен заявила совершенному незнакомцу, что Би в отчаянии и точно даст. А этот тип такой гнусный. Серьезно, кто поедет на поезде, чтобы встретиться с кем-то только ради секса? И он даже не предложил ей поужинать вначале!

Она много чего еще могла сказать Дэвиду, но Карен она хотела сказать гораздо больше. Той Карен, которая была в своих идеальных отношениях с чужим мужчиной, но назвала Би легкодоступной! Это было бы смешно, если б не было так ужасно.

– Мне правда жаль, что возникло непонимание, но думаю, что мне пора домой. Карен не следовало говорить эти вещи. Она вообще не должна была устраивать это свидание.

Дэвид помрачнел, прищурился и снова подошел поближе, так близко, что Би почувствовала у него изо рта горький запах дыма от последней выкуренной сигареты.

– Ты, вероятно, шутишь. Я приехал сюда, чтобы встретиться с тобой. Я заплатил восемьдесят фунтов за приличный гостиничный номер. Ты никуда не уйдешь.

Он вытянул руку и схватил Би за запястье до того, как она успела отойти назад, и сжал так сильно, что она испугалась, не сломает ли он его.

– Пусти меня, или я закричу, – предупредила Би, причем ее голос звучал гораздо более уверенно, чем она себя чувствовала.

Боль пронзила запястье, когда Дэвид прижал его к боку Би и слегка вывернул, а затем повел ее сквозь ворота в ограждении по тропе, ведущей к реке. Там он приблизил губы к ее уху.

– Ты не будешь кричать. – Его слова эхом повторялись у нее голове. – Потому что если кто-то к нам приблизится, я скажу, что ты предлагала мне себя, а затем заорала, что тебя насилуют. И ведь это будет не в первый раз, да, Би?

От его слов у Би сжало грудную клетку. Только два человека знали про случившееся шестнадцать лет назад, и это были ее лучшие

подруги. Ни одна из них не рассказала бы про тот случай совершенно незнакомому человеку. Или рассказала бы? Карен уже выложила этому мужчине больше, чем Би могла представить.

Он дернул ее за руку и потянул вниз по берегу к реке. Здесь было пустынно, но от театра на другом берегу реки падал свет, и Би видела искаженное от злобы лицо Дэвида, полное решимости. Он так толкнул ее, что у нее перехватило дыхание, а затем схватил за подол ее платья.

Они идеально просматривались с другой стороны реки, но как Би быстро поняла, быть на виду еще не значит быть в безопасности. Если кто-то их увидит, люди поймут, что она в беде? Или посчитают очередной шлюхой, доставляющей удовольствие мужчине в вечер пятницы?

«Как ты и делаешь всегда, – прошептал голос у нее в голове. Голос Карен. – *Неужели тот случай ничему не научил тебя? Какая разница между ним и всеми остальными мужчинами, которые были у тебя до него?»*

«Это совсем другое», – ответил ее собственный голос. Этот воображаемый спор с ее бывшей лучшей подругой блокировал происходящее: одна рука Дэвида лежала у нее на бедре, а второй он пытался нащупать сквозь платье ее сосок. *«Я знаю, что говорила. Я знаю, каким человеком я притворялась, но я не такая. Мне страшно, и я так больше не могу».*

В прошлый раз было точно так же? Она лежала с плотно закрытыми глазами и молилась, чтобы это быстрее закончилось? Она чувствовала сигаретный дым, запах земли и свежескошенной травы, и в это мгновение поняла, что если случившееся тогда повторится сейчас, она уже никогда не сможет оправиться. На этот раз она уже не вернется.

Глава 63

Я не могла слышать их слова, и это меня расстраивало, но, судя по тому, как Би все ближе наклонялась к мужчине, с которым встретилась, и по ее улыбке в ответ на все, что он говорил, похоже, у них все складывалось хорошо. Я нервничала больше, чем, по моим представлениям, должна была нервничать она, когда готовилась к сегодняшнему вечеру. До этой минуты я все строго контролировала, но теперь уже нет. Могло случиться все что угодно, и мысль о том, чтобы оставить все на волю случая, вызывала у меня зуд. Именно поэтому я там и находилась, опасность быть пойманной казалась незначительной в сравнении с моей потребностью вернуть себе контроль над этим вечером. Я же говорила, что я не злодейка. Я находилась там постоянно, каждую минуту, и наблюдала. Ждала.

Я вовремя подняла голову, чтобы увидеть, как Би с этим мужчиной направляются к выходу из бара. Мне хотелось держаться на расстоянии, поэтому я немного задержалась и увидела уже, как они переходили дорогу и направлялись к реке. Вскоре они почти полностью скрылись из вида, и мне пришлось идти быстрым шагом, чтобы их догнать.

Они остановились, увлеченные разговором, а я пожалела, что не нашла способ записать их разговор. Мне не нравилось, что они общаются без моего посредничества, а я даже не знаю о чем и не могу вмешаться. Казалось, они неизбежно обнаружат, что это подстава. Но это будет нормально; это было частью плана.

Теперь он схватил ее за руку и тянул к реке, где их никто не заметит с тропинки. Я в отчаянии огляделась по сторонам, сердце сильно билось у меня в груди. Их никто не видел – поблизости не было никого, кто мог бы ей помочь.

Это был мой шанс. Возможность все исправить, спасти Би и стать героиней. В конце-то концов, разве я не этого всегда хотела?

Только я не доберусь до нее вовремя. Это был глупый, рискованный план; я стала слишком самоуверенной, но меня подстегивали отчаяние и навязчивая идея, а теперь кому-то еще придется за это заплатить. Смогу ли я с этим жить?

Я выдохнула, увидев, как какая-то пара приближается к набережной. Теперь ей наверняка помогут? Ирония заключалась в том, что меня так беспокоил этот вечер, а на самом деле случившееся потом оказалось гораздо хуже всего, что я только могла представить.

Глава 64

Би

Не смелость заставила ее это сделать. В дальнейшем, когда образы непрерывно крутились у нее в голове, словно фильм на повторе, она не могла объяснить ту секунду. Ей хотелось сказать, что она вдруг собралась с силами, но нет. Это было бессознательное. Единственное, что она помнила, – это какое-то звериное, первобытное чувство. Страх, смешавшийся с яростью.

Она закричала. Его рука замерла на резинке ее совершенно не подходящих для этой ситуации стрингов, которые Би надела на их свидание.

– Прекрати, – рявкнул он ей в плечо.

Би не перестала кричать, она лягалась, пытаясь высвободиться из-под его тяжелого тела, придавившего ее к траве. Она уперлась каблуками в твердую землю и дернулась вверх, выгнув спину дугой. Она видела, как нечто подобное делал Тоби, когда был помладше, сопротивляясь попыткам мамы усадить его на сиденье в машине.

Она не думала о том, что случится, если никто в это время не будет проходить по верху берега, или если она разозлит Дэвида так, что он просто вырубит ее. Он отпустил ее грудь и поднял руку ко рту, чтобы прекратить ее истерику, но Би со всей силы укусила его. Дэвид закричал и сел на пятки.

– Сука!

Голоса наверху стали громче, облегчение начало накатывать на нее волнами при виде двух перевернутых лиц, появившихся над травой. Мужчина и женщина.

– С тобой все в порядке, дорогая? – прокричал ей вниз мужчина.

– Помогите мне! Пожалуйста, помогите мне!

Дэвид отступил назад.

– Она сумасшедшая. Она сумасшедшая! Мы пришли сюда, чтобы уединиться, а она просто…

Би не стала ждать следующую ложь, которую он собирался выдать. Она ощутила прилив энергии, быстро встала на колени, потом поднялась на ноги, все это время хватаясь за траву – так было легче,

затем вскарабкалась наверх к тропинке и побежала мимо своих спасителей к улице.

«Ты еще не в безопасности, – говорил ей внутренний голос. – *Он все еще здесь. Беги».*

Происходящее напоминало кошмарный сон, в котором ты отчаянно пытаешься сбежать от плохого парня, но твои ноги словно сделаны из бетона. Не мир двигался как в замедленной съемке – Би казалось, что это она сама. Она даже не знала, куда бежит, но слышала, как кровь пульсирует в ушах, и этот ритм ее подгонял: *«Беги, беги, беги».*

На стоянке такси было пусто – вечер только начался, и никто еще не хотел возвращаться домой.

– Такси, пожалуйста.

Мужчина-диспетчер, сидевший за стеклом в будке, поднял голову после того, как услышал ее дрожащий голос, увидел растрепанный вид, траву и засохшую грязь на ее новом красном платье и торчащие в разные стороны волосы, как у Медузы Горгоны.

– С тобой все в порядке, дорогая?

Она кивнула, не смея произнести ни слова, чтобы не расплакаться. Казалось, мужчина хотел еще что-то сказать, но не стал этого делать, просто кивнул.

– Куда?

* * *

Би почувствовала себя в безопасности только после того, как оказалась в своей квартире и заперла за собой дверь.

Поездка в такси прошла в молчании. Она смотрела в окно невидящим взглядом. В груди она чувствовала пустоту, а дыхание, насколько она слышала, все еще не пришло в норму. Реальность внезапно окатила ее, будто стакан воды, выплеснутый ей в лицо, – она вдруг осознала, что случилось, и представила, что могло бы еще произойти. То и дело спотыкаясь, перешагивая через две ступени, она поднялась к ванной, навалилась на дверь, и ее вырвало. После того, как из нее вылетело все, что было в кишечнике, она почувствовала, как дерет горло.

Глава 65

Элеонора

Сидя в окружении подарков, Тоби сорвал бумагу с новенького айпада и улыбнулся.

– Спасибо, мама, спасибо, папа. Классный подарок! Можно я его настрою?

Элеонора улыбнулась. Сердце у нее в груди сжалось при виде искренней радости сына. На этот подарок она потратила остатки своих накоплений, сделанных до декретного отпуска.

– Не спеши, мой сладкий, ты еще не все подарки открыл. О, и еще тебя ждет конверт от тети Карен. Я забыла его наверху.

Она побежала наверх, перепрыгивая через две ступени. Она сильно волновалась и не хотела пропустить ни минуты этого самого счастливого для Тоби дня за много месяцев. С тех пор, как родился Ной, Тоби был мрачным и угрюмым, уверенный, что ему предпочли крикливого новорожденного ребенка, которому все время что-то требовалось. Но сегодня был его день. К счастью, Ной вел себя тихо, спокойно лежал в своей кроватке и вроде был доволен, и они с Адамом могли уделить все свое внимание старшему сыну. Адам даже встал пораньше, чтобы приготовить им восхитительный завтрак. Утро вообще прошло идеально благодаря их способности продолжать вести себя как дружная семья, несмотря на то, какие они все были уставшие и издерганные.

Элеонора достала конверт с верхней полки шкафа и поднесла к свету, гадая, что же там внутри. Она предположила, что Карен, как и всегда, подарила что-то очень хорошо продуманное и невероятно дорогое, от чего Тоби придет в восторг.

У Элеоноры стало тяжело на сердце при мысли о подруге. Как она может быть в отношениях с Майклом, зная, что разрушает чужую семью? Она всегда считала Карен образцом для подражания, лучшим примером всего правильного. А теперь все это рухнуло, было разрушено той ложью, которую она им говорила. Элеонора понимала, почему Карен скрывала от них правду: она сама никогда не приняла бы отношения подруги с Майклом, если б знала, что дома у него жена и трое детей, но, по крайней мере, это было бы ее решение. А так у нее

возникло ощущение, что последние два года дружбы Карен смеялась над ней и Би, над их глупостью, доверчивостью и наивностью. Неудивительно, что Карен никогда не говорила о детях – мужчины не планируют создавать семью с женщиной на стороне.

– Вот, – сказала она, вручая Тоби конверт.

Она сама может злиться на подругу, но не станет из-за этого лишать Тоби подарка. Он повертел конверт в руках, словно по весу мог догадаться, что там лежит. После этого он сунул большой палец под клапан конверта, разорвал его и достал открытку. С лицевой стороны оказалась пародия на газету с фотографией Тоби в середине и заголовком: *«Тоби Уитни подписывает контракт с "Манчестер Юнайтед" в свой девятый день рождения!»*

– Классная открытка, – улыбнулся Тоби, раскрыл ее и оказался в недоумении. – Здесь ничего нет.

– Странно, – заметила Элеонора, вспоминая слова Карен, вручающей конверт: «В нем маленький сюрприз для именинника».

– Только письмо. – Тоби нахмурился и принялся читать. Он минуту не произносил ни слова, продолжая хмуриться, и Адам попытался заглянуть ему через плечо, но мальчик прикрыл текст, не давая подсмотреть.

– Что там говорится, Тоби? Это загадка? Может, тебе нужно ее решить, чтобы получить подарок.

Тоби продолжал хмуриться, шевелил губами, читая, но не произносил слов вслух и явно старался понять, что же он там увидел.

– Я не знаю, что это значит, папа. Тетя Карен хочет заморочить мне голову?

– Дай письмо сюда, – внезапно произнесла Элеонора резким тоном. В последние несколько минут атмосфера в комнате сильно изменилась. Тоби скорчил гримасу, плечи у него были напряжены, а когда Элеонора попыталась забрать письмо, он отодвинул руку. – Я сказала, дай его мне.

Тоби встал, свалив айпад с ручки кресла на пол.

– Почему она это говорит? – потребовал он ответа и сунул письмо Адаму. – Что она имеет в виду? Это должно быть смешно? Я не понял.

Элеонора наблюдала за Адамом, когда тот быстро читал написанное, его челюсть все сильнее сжималась с каждой прочитанной строчкой.

– Тоби, возьми все свои новые вещи и иди к себе в комнату. Нам с мамой нужно поговорить.

– Нет! Я хочу знать, почему Карен написала это письмо. Это правда?

– Конечно, это неправда, – Адам вручил письмо Элеоноре, его лицо посерело от шока. – Я не знаю, какие игры затеяла тетя Карен, но ничего забавного тут нет, и мы с ней обязательно об этом поговорим. А теперь, пожалуйста, возьми свои вещи и иди наверх. Готовься, мы скоро поедем обедать в ресторан «У Фрэнки и Бенни».

– О да!

Тоби побежал наверх, а Элеонора уселась на диван, раскрыла письмо и стала читать написанное.

Дорогой Тоби!

С днем рождения! Не могу поверить, какой ты уже стал большой. Как ты вырос за последние несколько лет! Я уверена, что ты теперь достаточно взрослый, чтобы понять то, что я должна сказать. Именно поэтому я и ждала до сегодняшнего дня, чтобы сообщить тебе это.

Тоби, твои мама и папа тебя очень любят, и то, что ты сейчас прочитаешь, никак не повлияет на это. Не отменит того, что твоя мама держала тебя за руку, пока тебя три дня тошнило в ведро, когда тебе было четыре года. Или того, что она не спала всю ночь и измеряла тебе температуру, когда ты мог заснуть, только положив голову на ее колени. Она не станет твоей мамой меньше, чем была всегда. Мать – это гораздо больше, чем женщина, которая тебя родила. Поверь мне, я это знаю.

Но на самом деле, Тоби, Элеонора не твоя биологическая мать. Она не рожала тебя, а с твоим отцом она познакомилась, когда тебе было почти два года. Твоя настоящая мать была не очень хорошим человеком, и Элеонора стала тебе матерью, она заботится о тебе и растит тебя как своего собственного сына. А я всегда любила тебя, как родного племянника, но все эти годы я говорила твоим маме и папе, что они должны сказать тебе правду и ты имеешь право ее знать. Спроси у них сейчас – посмотри, продолжат ли они тебе врать, как врали все эти годы.

Пожалуйста, не надо ненавидеть своих родителей. Они поступили неправильно из добрых побуждений. Они правда тебя любят, просто

жаль, что они не видят повзрослевшего молодого человека, которого вижу я. Я понимаю, что ты заслужил знать правду.

Наслаждайся своим днем рождения, Тоби. Ты теперь мужчина и свободен делать собственный выбор.

С любовью, как и всегда,

Тетя Карен

Читая это, Элеонора не произнесла ни слова, только слезы катились у нее по щекам. Как она могла? Как она посмела? Элеонора знала, что Карен никогда не одобряла их ложь, но почему она решила, что имеет право сказать Тоби правду?

– Должно быть, это какая-то ошибка – Карен не могла так поступить с нами.

Адам потер лицо руками, словно пытался стереть то, что только что увидел.

– Не могла? А разве она не доставала тебя, чтобы ты рассказала Тоби правду, с тех пор, как ему исполнилось три года?

– Ну да, но…

Элеонора не знала, что сказать. Как она может защищать Карен, если Адам говорит правду? Карен сама вручила ей конверт, с тех пор он лежал на верхней полке шкафа. Часть из написанного Карен сама лично говорила Элеоноре. Сомнений не было, оставался только один вопрос: зачем? Карен вручила Элеоноре конверт за неделю до ссоры из-за Майкла – но даже если б дело было в их ссоре, зачем ввязывать в это Тоби? Совершенно точно, что на Карен было не похоже так коварно действовать исподтишка.

– Я ей позвоню, – сказала Элеонора, взяла свой мобильный с дивана, но Адам забрал трубку у нее из руки и положил на тумбу с телевизором рядом с собой.

– Нет, ты ей звонить не будешь. Мы сейчас оденемся, а потом повезем нашего сына по магазинам и обедать. И будем надеяться, что он не поверит ни единому слову из написанного этой поганой сукой.

Элеонора опешила от его враждебности, но как она могла спорить? То, что Карен сделала их семье… это нельзя было простить.

– А Тоби? Когда мы скажем ему правду, Адам? Ты не считаешь, что сейчас как раз самое подходящее время, раз уж она всплыла наружу?

Дверь в гостиную открылась, на пороге стоял Тоби.
– Она права, папа. Вам нужно сказать мне правду.

Глава 66

Би

– Би, это я.

Би рассмеялась.

– Конечно, это ты, Фрэн. Никто больше не звонит мне на стационарный телефон. То есть это или ты, или та женщина, которая каждый раз спрашивает, не попадала ли я в аварию на машине, которой у меня нет и за рулем которой я просто не могла оказаться.

– За разговоры по стационарному не надо платить. В любом случае я звоню не для того, чтобы спорить о выборе телефона, а чтобы сообщить: я организую ужин на мамин день рождения. В пятницу в шесть. Ты придешь?

– Китайская или индийская кухня?

– Китайская. Нам дали несколько купонов в ресторан «Вок» после того, как Льюис обнаружил кольцо от банки с колой у себя в рисе, когда мы туда ходили в последний раз.

– Боже, Фрэн, будет лучше, если ты не станешь объяснять маме свой выбор таким образом. И да, я приду. Обязательно скажи ей, что я заеду после занятий в спортзале. Повтори про спортзал два раза, если не обратит внимания.

– Отлично. А то я не уверена, что выдержу ее прекрасные родительские советы, если ты не будешь корчить рожи у нее за спиной. Сэм приведет свою новую девушку. Джемма Как-Там-Ее. Или Сара? Боже, как же звали последнюю?

– Бекки? Лидия? Бог знает. Я бы на твоем месте не стала беспокоиться, ведь на следующей неделе придется запоминать новое имя. Как дети?

В это мгновение мобильный телефон Би издал долгий непрерывный гудок, означавший, что на электронную почту пришло письмо. Она провела пальцем по экрану, чтобы разблокировать его, потом нажала на иконку «Аутлук».

– Не спрашивай. Все как всегда. Вчера мы были на родительском собрании. Мейзи слишком много болтает, а Льюис на днях заявил учительнице, чтобы она там что-то выбросила на хрен. И как ты понимаешь, неприятности у меня, потому что никто из семьи Рича не

мог научить нашего шестилетнего сына слову, начинающемуся на букву «х».

Письмо на электронную почту пришло с адреса, который Би не узнала. Вероятно, спам. Ей нужно получше настроить фильтры.

«Тема: узнаешь кого-нибудь?»

Она прокрутила письмо вниз, стараясь прочитать текст на маленьком экране. К письму было прикреплен видеоролик, и она прикоснулась к черному квадратику, чтобы начать воспроизведение, гадая, не очередное ли это видео от Элеоноры, на котором Ной, предположительно, смеется. С какого бы ракурса она его ни снимала, было понятно, что из ребенка на самом деле просто выходят газы.

Кружок на видео прекратил крутиться, и на экране появилось изображение: темная комната, в одном углу кровать. Би надеялась, что не увидит какое-то сомнительное порно. Она не могла позволить себе новый телефон, если этот заразится каким-то вирусом. Отчаянно кликая по экрану, она пыталась отменить просмотр видеоролика. Фрэн продолжала говорить.

– Кто бы его этому ни научил, Льюис его защищает. Я спрашивала его, от кого он услышал это выражение, а он ответил, что от мистера Тамбла. Тогда я ему заявила, что пожалуюсь на CBeebies[34], и мистера Тамбла уволят, но Льюис упорно придерживается своей версии. Я слышала, как он сегодня утром говорил Мейзи, что ей лучше бы найти новую любимую телепрограмму на тот случай, если мистер Тамбл свалится с дерева и умрет.

Молчание на другом конце подсказало Би, что ее сестра закончила рассказ, но она сама не могла сформулировать ни одного предложения в ответ. Несмотря на все ее попытки остановить просмотр, началось воспроизведение – дверь в комнату открылась. Покачиваясь, вошла женщина. Она не могла держаться прямо – очевидно, была пьяна. Вслед за ней появился мужчина, который уселся рядом с ней на кровать. Через несколько секунд они уже отчаянно целовались, затем он стал стаскивать с нее платье, поднимая его все выше, пока ей наконец не пришлось оторваться от его губ, чтобы он стянул его ей через голову.

– Фрэн, я тебе перезвоню. – Она повесила трубку, не дожидаясь ответа сестры и не отрывая глаз от видеоролика.

Теперь на девушке остались только крошечные трусики, она лежала на спине на кровати, а мужчина дергал пряжку ремня, потом приспустил штаны. Би знала, что должно случиться. Конечно, это было очевидно. Но знала она это не потому, что в своей жизни смотрела много сомнительных порнофильмов. Она знала это потому, что девушкой на кровати была она сама.

Глава 67

Почему вы установили шпионское оборудование на компьютере своей подруги?

Я не собираюсь снова это обсуждать. Я сказала полиции, что не делала этого.

Может, для того, чтобы за ней присматривать? Чтобы она оставалась в безопасности?

Если это была я, то каким образом Джессика завладела видеороликом и разослала его всем знакомым Би по электронной почте? Зачем мне было поступать так с моей лучшей подругой? Вы слышали хоть слово из того, что я говорила? Если вы мне не верите, то какой смысл нам вообще этим заниматься?

О, вижу, опять молчите.

Вас беспокоит молчание?

Беспокоит, когда я пытаюсь с кем-то разговаривать.

Почему вы сейчас так расстроились?

Вы бы тоже расстроились, если б кто-то относился к вам как к лгунье и убийце. Я – профессиональный психиатр. Ради всего святого, у меня ученая степень, и месяц назад я сидела там, где сейчас сидите вы. Несомненно, это что-то значит, не правда ли?

Понятно, что вы гордитесь своими достижениями, и конечно они имеют значение. Простите, что расстроила вас, но для меня было важно задать эти вопросы, чтобы попытаться понять, как вы и ваши подруги жили последние несколько месяцев. И я хочу помочь вам справиться со случившимся и со всем разобраться.

Я уже разобралась. Я понимаю, что они мне не верили, когда я им говорила, что им угрожает опасность, как вы сейчас не верите мне. Я понимаю, что ничего из этого не случилось бы, если б я сделала все как следует. Я понимаю, что это моя вина. Я позволила этому случиться. Я снова позволила этому случиться.

Хотите уже поговорить про Эми?

Нет.

Глава 68

Элеонора

Элеонора теребила мягкие волосы с правой стороны головы, где они все еще оставались длинными и неизуродованными. Она старалась не смотреть на левую сторону, где оставшиеся клочья создавали впечатление, будто она страдает от какой-то болезни. На глаза навернулись слезы, но не потекли вниз по щекам – может, они высохнут раз и навсегда.

Адам относился к ней так, словно после ужаса, случившегося с ее волосами, она стала стеклянной. Вначале она отчаянно пыталась убедить его, что это на самом деле была случайность, но он отказывался слушать, вместо этого говорил о том, что нужно записаться к врачам, и просил Карен кого-нибудь порекомендовать. Карен. Стоило Адаму упомянуть ее имя в эти дни, как Элеонора ощетинивалась и не могла объяснить почему. Она никогда раньше не обращала внимания на то, как Адам говорит про Карен – словно она была лучше их, так сказать, человеком высшего сорта по сравнению с ними, скорее мессией, чем психиатром. Элеонора заметила за собой, что рявкает на Адама.

– Она даже не настоящий врач! Она не спасла жизнь ни одному человеку.

Адам улыбнулся, казалось, не заметив язвительности в ее голосе, и ответил:

– Мы этого не знаем.

Элеонора понимала, что это просто реакция на новость об отношениях Карен и Майкла. Но из-за этого она становилась параноиком, вспоминая каждый раз, когда ее лучшая подруга и муж оказывались вместе в одной комнате.

Она думала о том дне, когда испортила волосы. Карен ушла от нее раньше Би, потому что ей нужно было вернуться на работу, – и как раз тогда Адам собирался на какую-то встречу. Элеонора слышала, как Карен сказала Адаму, что если ему понадобится о чем-то поговорить, то пусть звонит ей. Она так произнесла это *«о чем-то»*, так многозначительно… Это не выходило из головы Элеоноры с тех самых пор.

– Тоби, случайно, не оставил свою спортивную форму у тебя в машине? – закричала она Адаму, который – чудо из чудес – готовил ужин. Совесть мучает?

– Не думаю, – крикнул он в ответ.

– Пойду проверю на всякий случай, – сказала она немного тише в надежде, что Адам не услышит ее из-за шума вентилятора в кухне. Он не возражал, поэтому она сняла ключи с крючка у входной двери и, придержав ее, закрыла за собой как можно тише.

Как она и ожидала, в машине оказалась масса мусора – пакетики из-под чипсов в карманах на дверях, пустой стаканчик из «Макдональдса» в держателе для стакана. Она действовала быстро, первым делом открыла бардачок и стала просматривать содержимое. Ничего необычного – зарядка для мобильного телефона, навигатор, черный кожаный бумажник с документами по техническому обслуживанию машины. Она проверила багажник – пара ее собственных старых туфель, три шерстяные шапки Тоби и набор по уходу за салоном автомобиля. Она отказалась от своей затеи, в ушах эхом звенело *«Сумасшедшая, сумасшедшая, сумасшедшая»*, когда она обходила машину, чтобы запереть дверь у места водителя.

И именно тогда она его и заметила – легкое поблескивание золота со стороны водительского сиденья. Он зацепился за край кармана на двери и был почти полностью скрыт мусором. *«Вероятно, это фольга от конфетной обертки»*, – сказала она себе, открывая дверь и забираясь в салон. Металлическое кольцо от жестяной банки. Ручка. Элеонора продолжала мысленно перечислять все то, что могло блестеть, пока не взяла в руку тонкий золотой браслет и не подняла его к свету. Это был не ее браслет, но он казался знакомым. Она не могла вспомнить, где видела его раньше, потому что в голове завертелись мысли о том, что Карен была права. Теперь она это поняла. У ее мужа роман на стороне.

Глава 69

Би

Казалось, что ноутбук загружался целую вечность, и как только это произошло, Би кликнула по иконке почты такое количество раз, что компьютер завис.

Кто, черт побери, отправил ей этот видеоролик? Откуда этот человек его вообще взял? Он это снимал?.. Пол? С ним она предприняла одну из немногих за все годы попыток завязать отношения, и если он все-таки снимал их встречу, то он совершенно точно… Она пыталась подобрать подходящие слова, когда ее пальцы били по клавишам ctrl + alt + delete… Он не *получил ее согласия*. Из мобильного телефона, который она придерживала подбородком, в это время слышались долгие гудки, затем снова сменившиеся автоответчиком.

– Элеонора, позвони мне.

Ей даже не хотелось об этом думать, но она ничего не могла с собой поделать. Карен послала ей эту запись? Карен пыталась позвонить ей пару раз после ее «свидания» с якобы своим коллегой, но Би нечего было сказать своей так называемой лучшей подруге. Она все ей выскажет, но тогда, когда будет готова, и так, как посчитает нужным. Прошлым вечером Би повезло – ей удалось сбежать, но каждый раз, когда она думала про случившееся, к горлу подкатывала желчь, а на глаза наворачивались горячие злые слезы. Ей нужно было успокоиться и постараться немного отойти от полученной травмы перед тем, как встречаться с Карен.

Очевидно, Карен дико разозлилась из-за того, что Би рассказала Элеоноре про Майкла, но неужели она правда могла сделать такое, чтобы ей отомстить? В любом случае отношения у Би с Полом были давно, так каким образом Карен могла снять это видео?

Запустилось приложение «Аутлук», и Би опять почувствовала, как к горлу подкатывает желчь, когда увидела письмо, темой которой значилось *«Узнаешь кого-нибудь?»* Когда Би прочитала эти слова во второй раз, ей показалось, что они выглядят скорее как угроза. Так Карен хотела заставить ее больше никому не рассказывать про жену Майкла? Би ранила мысль о том, что ее подруга может так низко пасть.

Карен должна была знать, что Би, даже если и не согласна с ее решениями, никогда не сделает ничего, что причинит ей боль.

Она еще раз кликнула по письму. Она не хотела видеть образы на большом экране, но надеялась заметить здесь то, что могла пропустить на маленьком дисплее своего телефона.

Так и оказалось.

Письмо пришло на ее личный почтовый ящик, где она его сейчас и просматривала. Но дело было не только в этом.

Би почувствовала страх, который будто колотил по ребрам изнутри, когда она прокручивала список поставленных в копию людей. Некоторых она узнала – Фрэн, ее брат Сэм, Элеонора, одна, две, три девушки с работы, две подружки из «Мира худеющих»… Как кто-то вообще мог заполучить все эти адреса? Она почувствовала нарастающую панику. Сколько человек уже посмотрели эту запись? Ее телефон пока не звонил, поэтому она подозревала, что очень немногие. Ей нужна была помощь, чтобы быстрее разобраться с этим вопросом. Завтра понедельник, поэтому, вероятно, некоторые или все, в особенности ее коллеги по работе, увидят запись завтра, возможно, когда она будет сидеть в офисе рядом с ними. Она представила, как несколько десятков людей вокруг нее одновременно нажимают на воспроизведение, и офис наполняется стонами и другими звуками, которые издавали они с Полом. Это была не идеально срежиссированная постановка, записанная с профессионально выставленным мягким освещением и с нужных ракурсов, чтобы участники выглядели наиболее привлекательно. Совсем не то, что сливают утратившие былую популярность знаменитости, чтобы оживить свою карьеру. Это был секс в своем истинном виде, совсем не лестный для участников с жировыми складками и некрасиво раскинутыми в стороны ногами.

Фрэн. Единственный человек, на которого Би могла рассчитывать, – сестра способна сохранить трезвую голову и помочь ей разобраться с этой проблемой. Би схватила телефон и набрала номер сестры, молясь, чтобы та в этот момент не мыла детей и не читала им сказки на ночь.

Фрэн ответила после третьего гудка.

– Би, в чем дело? С тобой все в порядке?

– Если честно, то нет. Но у меня очень мало времени на объяснения. У тебя компьютер включен?

– Да-а-а, – медленно ответила Фрэн, которой, конечно, очень хотелось задать дополнительные вопросы, но отчаяние в голосе Би беспокоило ее сильнее. – Льюис как раз заканчивает домашнее задание.

– Очень хорошо. Ты можешь отогнать его на минутку? Выставить из комнаты вообще. А сама войди в почту.

– Би, что это значит…

– Пожалуйста, Фрэн!

Фрэн колебалась. Би знала, что сестра, вероятно, очень сильно встревожилась, но у нее самой не было времени, чтобы волноваться из-за этого. Ей нужно было, чтобы Фрэн взглянула на то, с чем именно они имеют дело. Конечно, она предпочла бы, чтобы сестра этого не видела никогда, но сейчас помощь ей требовалась гораздо больше, чем сохранение чувства собственного достоинства. Она услышала, как Фрэн разговаривает с сыном – тихо и настойчиво, Льюис в ответ громко протестовал.

– Так, что теперь делать? – в конце концов спросила Фрэн.

– Ты одна?

– Да. Би, что именно мне предстоит посмотреть?

– Заходи в почту.

Би молча ждала, пока Фрэн делала то, что ей сказано.

– Должна заметить, что как-то это все таинственно. Шпионский сериал. Я несколько… Так, вошла. Что теперь?

– Хорошо. Найти письмо с темой «Узнаешь кого-нибудь?» Пока не открывай его.

– Не могу… Подожди, вот, нашла.

– Отлично. – Би собралась с силами. – Нужно его открыть. Прости за то, что тебе предстоит увидеть, Фрэн, но ты через минуту поймешь, почему я прошу тебя о помощи. Не надо на меня кричать, не надо меня осуждать, мне нужно, чтобы ты просто действовала как моя старшая сестра и помогла мне.

– Боже, Би, ты меня пугаешь. Нужно позвонить адвокату?

– Просто открой письмо.

Би молча ждала, представляя, как Фрэн два раза кликает по письму, затем запускает воспроизведение видеоролика и смотрит, как

ее младшая сестра занимается тем, что никому не стоило даже представлять, не то что видеть. Она закрыла глаза, словно плотное сжимание век могло защитить ее от унижения, которого просто сжигало ее изнутри.

– Что за хрень, Би? – хриплым голосом спросила Фрэн. – Я еду к тебе.

* * *

Меньше чем за пятнадцать минут Фрэн преодолела путь, который обычно занимал двадцать пять. Только приехав, она обняла Би и крепко прижала ее к себе. Слезы в первый раз навернулась на глаза Би после просмотра записи. Она с трудом могла поверить, что прошло меньше сорока минут с тех пор, как ее телефон издал сигнал, оповещая о приходе письма, после которого обычный вечер перестал быть нормальным, и все пошло прахом.

– Сколько ты видела? – спросила Би, когда Фрэн наконец ее отпустила.

– Достаточно, чтобы мне захотелось хорошо напиться – иначе это из памяти не сотрешь, – ответила Фрэн. – Почему ты просто не могла мне сказать, что там?

Би рухнула на диван, ноутбук так и стоял на полу.

– Мне не хотелось тратить лишние полчаса, слушая, как ты говоришь мне, что все не может быть так плохо и наверняка это даже не я. Без просмотра ты, вероятно, не смогла бы меня понять. Я хотела, чтобы ты точно знала, насколько все плохо, чтобы ты посмотрела на то, что увидят другие люди, которым это видео разослали, если откроют письмо.

Фрэн кивнула.

– А парень кто?

Би закрыла глаза – ей было стыдно только от одного воспоминания.

– Я тебе когда-нибудь рассказывала про Пола? Он дружил с одной из девушек с моей работы. Мы несколько раз сходили на свидание, и я решила попробовать зайти дальше. Как ты могла видеть, я выпила лишнего.

Би не могла заставить себя рассказать Фрэн, почему ей понадобилось так сильно напиться перед тем, как заниматься сексом с Полом. Несмотря на всю ее браваду и ту видимость, которую она создавала для друзей, чтобы они думали, что у нее все прекрасно, на самом деле она почти ни с кем не спала после университета. Все отношения обычно заканчивались вскоре после того, как она понимала, что от одной мысли о сексе у нее мурашки бегут по коже.

– Он часто у тебя бывал?

– Нет, обычно мы где-то встречались. Не думаю, что он у меня бывал до той ночи.

– Значит, он не мог тебя заснять?

Би резко раскрыла глаза.

– Наверняка это он. Кто еще-то мог быть?

– Подумай, Би. Я знаю, что ты испытала шок, но ты же умная девочка. Запись началась до того, как вы оба вошли в комнату. Если только он раньше не заходил в твою спальню и не установил там видеокамеру, он никак не мог этого сделать.

Би переварила услышанное. Фрэн права, конечно, права. Пол провел в квартире не больше пяти минут, когда она сама предложила отправиться в спальню и закончить с этим делом – хотя она, конечно, выразилась не так.

Но если их снимал не он, то кто? Съемка велась с близкого расстояния; вероятно, камера находилась у нее на письменном столе, где-то рядом с ней…

Би резко села прямо.

– Ноутбук.

Судя по виду Фрэн, она была в замешательстве.

– Ты о чем?

Би пересекла комнату и с опаской обошла ноутбук, словно это была бомба, готовая вот-вот взорваться. Стоя за ноутбуком, она наклонилась и медленно подняла его, отнесла на вытянутых руках в спальню и оставила на кровати, затем тихо прикрыла дверь.

– Чертов ноутбук, – выругалась она, возвращаясь назад в гостиную. – Вот как это все было снято. На мой ноутбук. В него, наверное, вставили «жучок».

У Фрэн округлились глаза.

– Ты понимаешь, что говоришь как сумасшедшая?

– Я знаю, Фрэн, но это единственное объяснение! Как ты и сказала, мой парень близко не подходил к спальне до того, как мы отправились туда вместе, а там уже работала запись. Я совершенно точно не устанавливала никаких камер, а если бы перед моей кроватью оказалась тренога, то я ее, вероятно, все-таки заметила бы.

– Не знаю, не знаю. Судя по тому, как ты себя вела, ты была так пьяна, что не заметила бы и Дэвида Аттенборо[35], если бы он сидел рядом на кровати и что-то рассказывал о формах жизни на Земле.

– Спасибо, Фрэн, твой чертов юмор – это как раз то, что мне сейчас нужно. Говорю тебе: съемка могла вестись только с ноутбука.

Фрэн покачала головой.

– Слушаю тебя и вспоминаю «Девушку с татуировкой дракона»[36]. Зачем кому-то ставить «жучки» на твой компьютер? Ты же не прячешь государственные секреты. И кто именно это сделал? У кого был доступ к твоему компьютеру, чтобы сделать подобное?

– Не хочется мне такое думать, а уж тем более говорить, но… – Би закрыла глаза, словно одна только мысль об этом приносила ей физическую боль. – Я думаю, что это Карен. Она в любой момент могла воспользоваться моим компьютером. Мне кажется, что у нее в некотором роде произошел нервный срыв. У нее возникла навязчивая идея из-за одной ее пациентки… Она тут отправила меня на свидание и…

Би закрыла лицо руками, чувствуя, как ее щеки запылали от стыда, когда она вспомнила, что ее лучшая подруга говорила о ней незнакомому человеку.

– Мне ясно, что ты многое не рассказываешь мне о том, что происходит между тобой и Карен, и как только мы разберемся с этим делом, я хочу узнать все. Но пока нам нужно заняться письмом. По пути сюда я уже думала, как решить проблему. Мы можем попробовать одну штуку.

– Что? Что мы можем сделать? Пожалуйста, скажи мне, что ты как хакер можешь забраться в почту других людей и стереть это письмо.

– Не совсем так, – с мрачным видом ответила Фрэн. – Но стирать его нет необходимости. Нам нужно только сделать так, чтобы его никто не открыл. На телефоне у тебя почта установлена?

Би кивнула.

– Да, там я впервые и увидела эту запись.

– Вот и отлично. Нужно, чтобы ты написала письмо всем людям, которые получили запись. В теме письма напиши: «Осторожно: вирус. Не открывайте письма от», дальше напечатай адрес. Заглавными буквами.

Би так и сделала.

– Фрэн, ты гений! Ты считаешь, что это сработает? Люди правда не станут его открывать?

– Это лучшее, что мы можем сделать.

Би хотелось ее поцеловать за это «мы».

– Сгусти краски. Напиши, что если откроют письмо с того адреса, безопасность их компьютера будет под угрозой. И тогда тебе остается только надеяться, что люди сначала прочитают письмо от тебя.

Би написала все, как велела Фрэн, и нажала на «Отправить», затем вздохнула.

– Я просто не могу понять зачем. Почему человек так жестоко поступил? Я не хочу верить, что это Карен. Я считала ее своей лучшей подругой. То есть я могла бы понять, если б она угрожала мне после всего случившегося, но это не угроза, она фактически попыталась разрушить мою жизнь. И все из-за того, что я узнала про них с Майклом.

– Мне кажется, что тебе нужно многое рассказать мне, – заметила Фрэн, усаживаясь рядом с Би на диване. – Почему бы тебе не начать с самого начала?

Глава 70

Элеонора

Элеонора, осторожно пятясь из комнаты, ударилась плечом о дверь с тихим глухим звуком и сморщилась от боли. Ной не пошевелился, и она беззвучно выдохнула – до этого она даже боялась дышать. Она закрыла дверь за собой и замерла на секунду, ожидая криков, но их не было. Может, дела идут на лад. На этой неделе Ной уже в третий раз спал в кроватке днем – и ей самой вчера даже удалось вздремнуть после обеда, даже без ксанакса.

Ей нужно было действовать быстро, если она хотела максимально использовать вновь обретенные силы. На кухне ее ждала гора грязного белья, посуда после вчерашнего ужина и сегодняшнего завтрака, а если Ной проспит достаточно долго, то она успеет выпить чашку чая и посмотреть сериал «Убийство на пляже». Она отстала в просмотре сериалов – теперь Ной спал дольше по ночам, а она сама наконец согласилась снова выходить из дома после случившегося с ее волосами. Однажды вечером пришла Би с кучей красивых шляпок, которые она позаимствовала у какой-то женщины на работе, а сама Элеонора добрый час провела за просмотром роликов на «Ютьюбе» про прически с боковым пробором.

Когда дети не шумели, дом казался странно тихим. Хотя в последние несколько дней было не так уж шумно – Тоби почти не разговаривал с ними после своего дня рождения, а Адам, как и всегда, подолгу отсутствовал. У нее все внутри сжалось, когда она вспомнила выражение лица несчастного Тоби, который вошел и услышал их разговор с Адамом про его настоящую мать. Оказалось, что выбора особого у них нет, и Элеонора позвонила собственной матери с просьбой забрать Ноя на несколько часов, пока они рассказывают Тоби правду. Или большую ее часть.

Тоби молчал, пока они по очереди пытались объяснить, почему никогда раньше не говорили ему, что Элеонора не его настоящая мать, но как оправдать решение, полностью основанное на эгоизме? Если б Элеонора не была так отчаянно озабочена созданием идеальной семьи, в которой нет места никаким проблемам и сложностям, они сказали бы

ему правду с самого начала, а сейчас он не чувствовал бы себя преданным.

Она знала, что все могло быть гораздо хуже. Независимо от того, насколько все это оказалось болезненным для Тоби сейчас, когда-нибудь он поймет, что они всегда любили его и пытались его защитить. По крайней мере, теперь эта тайна больше не висела у них над головами, а страх в груди Элеоноры, который оставался там с тех самых пор, как мать Тоби ушла из их жизни, начал рассеиваться.

Она опустилась на колени на пол в кухне, затолкала одну из куч белья в стиральную машину, утрамбовывая плотнее, чтобы попытаться засунуть в барабан и все остальное. Тоби не сбежал из дома и даже не кричал, что он их ненавидит, но, несмотря на это, Элеонора все равно не собиралась быть благодарной Карен за то, что та послала ему письмо, которое поставило их в такое положение. Элеонора всегда знала, что, по мнению Карен, они не правы, скрывая правду от Тоби. Это Карен-то со своей *нравственностью*, которая теперь вызывает только смех. Но если она пыталась вбить еще больший клин между Элеонорой и Адамом, увеличить пропасть между ними, то использовать ребенка для этого было ужасно. Подобное вызывает только отвращение.

Элеонора старалась не думать об этом слишком много. У нее не было никаких доказательств любовной связи Адама с кем-либо, кроме его поздних возвращений домой с работы. Карен хотела, чтобы они расстались, и решила так поступить, потому что Элеонора не поверила ее словам о том, что она видела? Почему она это делала? Потому что ее собственные отношения были обречены на провал? Отношения Карен с Майклом не должны были означать конец их дружбы, несмотря на ту ярость, которую испытала Элеонора, когда впервые узнала правду. Если человек совершил один плохой поступок, это еще не значит, что он плохой человек. Может, Карен не осознавала, какое зло творит. В конце концов, она же никогда не была замужем. Элеонора вычеркивала пункты из списка «Причины ненавидеть Карен», но оставался один знак вопроса – она так и не знала, смогут ли они когда-нибудь снова быть близкими подругами, если Карен не прекратит отношения со своим женатым любовником.

По большому счету оставалось только письмо Тоби. Элеоноре не хотелось из-за него терять человека, с которым она была близка на

протяжении всей своей жизни. Может, если б Карен отреагировала хотя бы на одно из ее яростных сообщений, оставленных на автоответчике, или на один из пропущенных вызовов, то еще могла теплиться надежда на то, что Элеонора со временем примет извинения от подруги. Но никаких извинений не поступало, только одно сообщение в предыдущий вечер: *«Я не отправляла письмо. Я знаю, кто это сделал, а когда смогу это доказать, то приду и все объясню. xx»*.

Элеонора даже не удосужилась ответить. Это была жалкая и не очень убедительная попытка переложить на кого-то свою вину. Карен должна была знать, какое потрясение испытает Элеонора, если Тоби таким образом узнает о своей настоящей матери. Карен будто приняла сознательное решение сделать день рождения Тоби днем окончания их дружбы, а письмо – звоном на похоронах той части их жизни, которую они провели вместе. Может, Карен уже так сыта всеми переживаниями, характерными для такой близкой дружбы, как у них, мелкими разногласиями, самооправданиями, что не собирается даже пытаться что-то исправить и извиниться. Она только прислала это жалкое отрицание – будто просто не хотела выглядеть злодейкой. Может, их дружбе пришел конец – и, может, это к лучшему. Ведь понятно же, что дружба в их возрасте обычно подобна безделушкам, которые с восхищением вертят в руках и рассматривают, а затем ставят обратно на полку, где они стоят до тех пор, пока кто-то не заметит, что на них собралась пыль. Это не посудомоечная машина, которую нужно каждый день заполнять и разгружать.

Элеонора поморщилась от такой метафоры. Даже мысли о ее подругах возвращали ее к работе по дому. Она осмотрела гостиную, не зная, с чего начать. Пыль может подождать до прихода Лесли ближе к концу недели. Элеонора провела пальцем по верхней части рамки с фотографией и стряхнула пыль на пол. Не будет она вытирать пыль, и так сойдет. А пылесос она не рискнет включать, пока…

Она замерла на месте, глядя на фотографию, по рамке которой только что провела пальцем. Это был снимок размером семь на пять[37], на котором Би и Карен держали большую простыню со словами «Добро пожаловать домой», написанными блестящими красными, белыми и синими буквами. Они встречали ее с конференции в Италии, куда она ездила по работе на две недели. У нее

тогда началась истерика при виде их, размахивавших этой простыней, словно она возвращалась из экспедиции в джунгли Амазонки, а не с двухнедельной конференции в пятизвездочном отеле во Флоренции.

– Мы по тебе скучали! – объявила Би, когда Элеонора, по щекам которой текли слезы, спросила, какого черта они тут устроили это представление. – А что не так?

Теперь Элеонора смотрела на улыбающиеся лица своих подруг, и слезы снова жгли ей глаза. Что же такое на этой фотографии заставило ее замереть на месте? Воспоминание о том времени, когда она считала, что ничто на свете не может заставить их разорвать отношения? К тому времени Карен уже познакомилась с Майклом – и уже хранила тайну, которая потенциально могла положить конец их дружбе. Что она чувствовала каждый раз, когда они где-то встречались впятером, каково ей было притворяться? Испытывала ли она тот же ужас, что и Элеонора каждый раз при словах о рождении детей, когда она сама была еще не рожавшей матерью?

Элеонора снова бросила взгляд на фотографию и опять почувствовала, что там что-то не так. Она попыталась вытянуть из подсознания какие-то воспоминания. Она нарисовала у себя в воображении Карен – такой, какой видела ее в прошлый раз. Элеонора уходила из кафе и напоследок с отвращением взглянула через плечо, прижимая к себе сумочку так, словно та создавала защитное силовое поле, способное спасти ее от ужасного откровения, которое она только что услышала. Карен осталась сидеть за столом, поставив на него локти и сжав голову руками, Би сидела напротив нее с ничего не выражающим лицом.

«Мне все еще больно», – сказала сама себе Элеонора, поставив фотографию назад на полку. Этого следовало ожидать. Такая ложь режет отношения на мелкие кусочки. Настойчиво повторяющийся сигнал из кухни дал Элеоноре знать, что стиральная машина закончила работу, и она направилась туда, чтобы загрузить следующую порцию белья. Но ее мысли все равно возвращались к Карен, ее лучшей подруге, и ее мужу, которые оказались лжецами. А она вообще их знает?..

Она поморщилась, когда ее мысли оборвал стук во входную дверь.

Глава 71

Карен

Мысли Карен представляли собой водоворот опасений и паники, когда она ехала к реке. То, что она сделала, никогда не изменить, и теперь кому-то придется разбираться с последствиями. Как получилось, что все пошло настолько не по плану? Все, ради чего она трудилась, исчезло как дым, и все из-за одной женщины. Никто никогда больше не станет ей доверять. Вероятно, она больше никогда не будет работать, а их отношения с Майклом почти точно не переживут этих испытаний. Ее жизнь разваливалась на куски у нее перед глазами, и она почти ничего не могла сделать, чтобы склеить их вместе.

Сегодня река была яростной, гораздо более яростной, чем в последнее время. Она будто знала, что Карен не услышала ее предупреждений. Эта бурлящая темная масса воды стыдила ее, насмехалась над ее глупостью. *«Как ты могла? Как ты могла?»*

А что находится под поверхностью? Обычно Карен привлекала мысль о жизни, скрытой за гладью, зеркально отражающей ее собственную жизнь. Под поверхностью так много всего скрытого от людей. Того, что им не дозволено видеть. Уважаемый психиатр, любовница-неудачница, которая с помощью секса с безымянными, безликими мужчинами хотела получить, хотя бы частично вырвать ногтями тот контроль, который она теряла, отправляя своего любовника назад к жене и детям каждые выходные. Кто она? Женщина, которая изменяла, врала и использовала людей? Или любящая, заботливая лучшая подруга, которая посвятила всю свою жизнь помощи другим людям, решая их проблемы, держала за руки – конечно, метафорически – совершенно незнакомых людей, которые иногда доходили до самого края из-за сложностей в жизни? Она знала, что вернула нескольких своих пациентов из самой глубокой ямы, в которой они оказались. Она спасала жизни. Это и есть реальная Карен Браунинг? Кто из них настоящая, а кто лгунья?

Ей казалось, она провела несколько часов, сидя на холодной мокрой траве, которая отделяла ледяную воду от городских жителей. Благодаря этим берегам они оставались в безопасности. Но когда

берега не справлялись и река вырывалась из них, грязная зловонная вода затопляла дома и предприятия и рушила жизни. Карен подвела своих подруг, точно так же, как эти берега снова и снова подводили город. Как только начинал лить сильный дождь, они сдавались, не в силах ему противостоять, и позволяли затоплять город.

К тому времени, как она завернула на свою улицу, уже темнело, голубые огни полицейской машины мигали, освещая небо. Значит, вот оно как. Вода наполнила ее и вышла из берегов. Она позволила затопить их. Она провалилась.

Глава 72

Мои руки запачканы теплой липкой кровью, и я могу только тупо на них смотреть. Я даже не заметила, что у нее из головы течет кровь, когда приподняла ее, положила к себе на колени и обнимала, пока ее дыхание менялось. Отчаянные попытки хватать воздух постепенно превращались в легкие, сдавленные вдохи. Я тогда знала, что она умирает? Эти слова еще не сформировались у меня в голове полностью и с абсолютной четкостью, но да, думаю, что я знала: все зашло гораздо дальше, чем я планировала или ожидала.

Я не осталась, чтобы посмотреть, как умирает Элеонора. Теперь я об этом жалею. Я пустила поезд с рельсов и оказалась слишком трусливой, чтобы стоять и смотреть на его крушение. Я представляю, как ее семье будет больно от того, что она умерла в одиночестве и страхе. Я о многом сожалею в своей жизни, просто об этом – больше всего. Я потеряла контроль, и мне стыдно, – самым важным для меня был именно контроль. Я позволила ей разозлить меня бесчувственными, грубыми словами, которые она произносила, и ее нежеланием слушать об опасности, которая ей угрожала, – реальной опасности. Она от меня отвернулась, отмахиваясь, словно я была всего лишь одним из ее детей, которых можно по своему желанию то игнорировать, то баловать, и тогда я схватила ее за руку. Я потянула ее к себе и увидела страх у нее на лице. Она отпрянула назад как раз тогда, когда я ее оттолкнула. Не думаю, что я ее чем-то ударила. Уверена, она просто упала. Я знаю, что толкнула ее слишком сильно, но она не прекращала повторять эти жуткие слова. Это не моя вина. Может, теперь они все это поймут.

Часть третья

Глава 73

Расскажите мне о том, что случилось, когда вам было четыре года.

Вы меня уже спрашивали об этом раньше. Я вам говорила, что это не имеет отношения к делу.

Я думаю, что имеет. Вам тяжело об этом говорить?

Конечно, тяжело. Я никогда ни с кем не говорила о том, что тогда случилось.

Попробуйте.

Мне было три года, когда мама принесла ее домой из роддома. Эми. Она была крошечной, даже меньше куклы, которую мне подарил папа, чтобы я подготовилась к появлению Эми в семье. Я любила ту куклу. Я всюду ее с собой таскала, меняла ей подгузники, поила из своей кружки-непроливайки. Она была моей лучшей подругой. А когда дома появилась Эми, я поняла, что с ней мы тоже будем лучшими подругами.

Вы ее ревновали?

Никогда. По крайней мере, я этого не помню. Она была такой крошечной, ей требовалась наша помощь во всем. Она отнимала столько времени у мамы, и та всегда была изможденной, но я не помню, чтобы когда-то винила в этом Эми. Если я кого-то и винила, то маму. Я не понимала, почему она огрызается и чувствует себя несчастной, когда у нас есть такое маленькое очаровательное существо, о котором мы должны заботиться. Когда Эми плакала, я давала ей своего плюшевого медведя, чтобы порадовать ее, а она обычно смотрела на меня своими огромными голубыми глазами, слишком большими для ее маленького личика. Иногда я притворялась, что это я ее мама, а нашей мамы просто не существует. Даже в три года я знала, что хочу заботиться о ней до конца ее жизни.

Продолжайте.

Мама стала чувствовать себя хуже. Тогда я не знала про зомби, но именно такой я вспоминаю ее сейчас – ходячий мертвец. Бывало, что она целыми днями ни с одной из нас не разговаривала. Конечно, она нас кормила и поила, мы всегда ходили чистые, она хорошо нас одевала, но у меня было ощущение, словно меня там нет. Иногда я

притворялась призраком, и тогда мне становилось весело – мама не разговаривала со мной, потому что моя маскировка сработала! Иногда случались такие дни, когда с Эми разговаривала только я – до самого прихода отца с работы.

Ваш отец пытался как-то изменить обстановку дома?

Дело в том, что, когда он возвращался, мама становилась другой. Она пела, когда готовила наши любимые блюда к чаю, она играла с нами и читала нам сказки на ночь.

Вероятно, вас это сбивало с толку.

Не уверена. То есть я хочу сказать, что теперь, конечно, я знаю, что это было, но тогда я привыкла к такой жизни. Я обычно называла ее по-разному – «настоящая мама» и «дневная мама».

И сколько времени это длилось?

Всю мою жизнь после рождения Эми. Но казалось, это не имеет значения. У меня была Эми, я отдавала ей всю мою любовь и окружала заботой, а она любила меня в ответ. Когда бы я ни зашла в комнату, она радостно улыбалась и тянула ко мне ручки, чтобы я взяла ее. Когда мне было четыре года, я носила ее по дому, как куклу.

Что случилось, когда Эми было одиннадцать меяцев?

Когда она только родилась, перед сном я обычно очень тихо ей напевала и позволяла ей держаться за мои волосы, пока она не заснет. Обычно я вставляла ей в рот соску-пустышку, когда она плакала, и клала рядом с ней моего любимого медведя – он был одного размера с ней. Когда ей исполнилось полгода, я стала учить ее ползать. Обычно я ставила перед ней игрушки так, чтобы она не дотягивалась, но совсем близко, и показывала ей, как надо ползти по полу к ним. Когда ей исполнилось восемь месяцев, я…

Вы вините себя в том, что случилось с вашей сестрой?

Конечно, виню. Это была моя вина. Я недостаточно хорошо о ней позаботилась. Я знаю, что вы собираетесь сказать, но мой возраст не играет никакой роли. Неважно, сколько мне было тогда лет! Мне следовало за ней присматривать.

Расскажите мне, что случилось, Карен.

Мама у себя в спальне, и я думаю, что она снова плакала. Я вела себя хорошо – насколько могла. Я напоила Эми чаем, играла с ней, пока мама отдыхала, прикрыв глаза. Я вообще ничего не просила – мама терпеть не может, когда я это делаю. Эми вела себя довольно

шумно, и хотя я пыталась шикать на нее и много ей пела, она не прекращала кричать и смеяться, глядя на поющего розового медведя.

Я опускаю нос к мягкой попе Эми в подгузниках и принюхиваюсь. Неприятно пахнет чем-то сладким и переспелым, и у меня начинается паника. Мне придется пойти побеспокоить маму – по ползункам растекается оранжево-коричневое пятно. Эти ползунки Эми носит весь день, и она не может лежать спокойно достаточно долго, чтобы я успела их снять. Я борюсь с ней какое-то время, и мне удается расстегнуть несколько кнопок, но тут она вырывается и ползет по полу к закрытым створкам на верхней площадке лестницы.

– Мама? – шепчу я, открывая дверь в ее спальню, и слышу тихий скрип. – Мама?

Она не расстилала постель и просто лежит на покрывале, глаза у нее закрыты, но я не могу определить, спит она или нет. Хотя, вероятно, спит, потому что не отвечает мне, когда я ее зову. На прикроватной тумбочке стоят ее лекарства, и я иду к ней, чтобы завинтить крышки – если Эми их увидит, то подумает, что это конфеты, как я сама думала, пока папа не объяснил, что это лекарства для взрослых и они делают маму счастливой. Это я понимаю: мои конфеты делают меня счастливой, поэтому разумно предположить, что конфеты для взрослых тоже могут сделать маму счастливой. Только, похоже, они больше не работают.

– Мама? Эми покакала. Пахнет ужасно.

Ее глаза медленно открываются, и с минуту кажется, будто она не знает, кто я. Жду, пока она толком меня не рассмотрит, и на мгновение мне кажется, что она собирается улыбнуться, но вместо этого мама спрашивает:

– Что теперь случилось?

– Это Эми, – говорю я самым правильным тоном, который нужно использовать дома. Я хорошо помню, от чего у мамы болит голова и что не нужно делать. – Она очень вонюче покакала. Подгузник протек.

Мама вздыхает, один раз и очень легко, но не кричит и не злится. Когда она встает с кровати и идет за мной, кажется, все части ее тела стали более тяжелыми. Эми все еще ползает по площадке, а пятно на ползунках растеклось сильнее и спустилось на штанину.

– О боже!

Мама всегда разговаривает с господом и Иисусом, причем так, словно все, что идет не так в нашем доме, – это их вина. Я никогда не видела Иисуса, но маме, похоже, он не нравится, хотя она все время что-то у него просит.

– Прости, мама, я пыталась помочь, – говорю я.

Она не отвечает и даже не смотрит на меня, но, по крайней мере, не кричит.

– О боже.

Она снимает ползунки с Эми, и какашки оказываются везде. Они воняют. Подгузник с одной стороны отклеился, и ножка Эми заляпалась в густой коричневой вязкой массе. Мама опускает Эми назад на пол, толкает дверь в ванную и включает душ.

– Можно мне тоже в ванну? – спрашиваю я. Я люблю ванну. Мы там играем и плескаемся, а Эми всегда меня обнимает, будто я ее мама. – Пожалуйста.

– После того, как я смою все это с нее, – обещает мама и даже легко улыбается мне. Я же так послушно себя веду, помню о хороших манерах. Мама раздевает Эми и сует под душ, кал стекает в сливное отверстие. Эми сразу же начинает кричать и тянуть ко мне ручки. Я пробую рукой воду.

– Она холодноватая.

Маме не нравится, как я помогаю. На лице у нее появляется раздражение, и она поворачивает горячий и холодный краны.

– Можно мне теперь залезть?

Все какашки смыты, уплыли в сливное отверстие, а я отчаянно хочу забраться в ванну и поиграть с сестрой. Мама вздыхает – я снова взялась за свое, – но кивает. Стягиваю одежду, мне не терпится, и я стараюсь ловко перекинуть ногу через край ванны. Хочу показать маме, что я теперь большая девочка и сама могу забраться в ванну, но она этого даже не замечает. Мама подхватывает меня и опускает в ванну рядом с Эми. Я затыкаю пробкой сливное отверстие, как делаю всегда, и усаживаюсь под душ, пока набирается вода.

– Последи за ней секундочку, – говорит мама и смотрит на меня, нахмурившись. – Ты ее держишь?

Я киваю. Эми сидит у меня между ног, и я обнимаю ее, мои руки оказываются у нее на груди, как раз когда мама исчезает из вида.

– Начинаем, Эми.

Я показываю ей маленькую голубую лодочку с капитаном белкой, и она смеется, когда я опускаю лодочку под воду, а потом та снова всплывает на поверхность.

Мне на голову льется приятная теплая вода. Я теперь большая, и меня не беспокоит, что она попадает мне на лицо. Эми тянется ручками к кранам, хватается за один и пытается встать на ножки. Она такая хулиганка! Она напоминает маленькую обезьянку – я всегда так ее и зову, – и ей очень нравится вставать на ножки, хотя Эми еще не умеет ходить. Я пытаюсь ее научить, но она всегда через несколько секунд падает на попу. Я смеюсь и тащу ее назад.

– Нет, нельзя так делать, – говорю я, как папа. Я слышала, как папа так говорил.

Эми смеется громче, словно мы играем, и пытается ползти вперед. Вода еще не поднялась высоко, значит, можно. Вода не доходит до ее лица, когда Эми ползет.

Я испытываю легкий шок, когда падающая мне на голову вода становится холодной.

– Мама! – кричу я. – Вода холодная!

Мама не приходит, а вода теперь ледяная. Ванна наполняется, и вскоре мы будем целиком в ней сидеть. Хотя тут нет проблем, я знаю, как ее выключить. Я могу ее остановить и не дать нам замерзнуть до прихода мамы, которая снова включит теплую. Я уже большая, поэтому могу встать и выключить душ. Я скоро пойду в школу, и моим учителям понравится, какая я взрослая. Но в первый раз поворачиваю кран не в ту сторону. Глупая девчонка! Вода льется все быстрее и быстрее. Я поворачиваю кран в другую сторону, но теперь у меня мокрые руки, кран тоже мокрый, пальцы все время соскальзывают с холодной серебристой поверхности.

– Мама?

Уф, все в порядке, кран поворачивается, и вода прекращает течь.

– Слава небесам! – говорю я Эми с улыбкой. Я слышала, как папа и это говорил. Мне нравится, как звучит эта фраза. Небеса добрые и великодушные. Все хорошо!

Я поворачиваюсь, чтобы улыбнуться сестре, и смеюсь, увидев, как она барахтается под водой.

– О, Эми! Глупая обезьянка.

Я вытаскиваю ее из воды, чтобы посадить между ног, как и сказала мама, но теперь Эми кажется более тяжелой, и у нее закрыты глаза. Я не знала, что она устала.

– Эми, просыпайся, малыш.

Она не просыпается. И тогда я понимаю, что что-то не так, серьезно не так. Я чувствую, как меня начинает охватывать паника. Я точно так же чувствовала себя, когда свалила со стола полную чашку, а мама кричала и спрашивала, почему со мной так трудно. Я слегка встряхиваю Эми – несильно – но она продолжает спать.

– Мама! – Теперь я кричу действительно громко, хотя мне и велели не шуметь, у мамы от криков болит голова, но я ничего не могу с собой поделать и не могу перестать кричать. – Мама!

Проходит целая вечность, а затем мама толкает дверь и внезапно начинает кричать и плакать. Она отбирает у меня Эми, вытаскивает ее из воды. Это плохо, очень плохо, я теперь громко плачу, но мама даже не говорит мне, чтобы я заткнулась или прекратила ныть, а мне хочется, чтобы она просто накричала на меня или отправила спать. И я хочу, чтобы Эми плакала и была настоящим кошмаром, как в другие дни. Затем мама звонит по телефону, а мне говорит, чтобы не мешалась под ногами – только она использует нехорошие слова, которые не нравятся папе и которые он запрещает мне произносить. Я бегу к себе в спальню и забираюсь в шкаф, сижу там на нижней полке, голая и замерзшая, и плачу, как маленькая, пока не приходит папа, не находит меня и не отводит в дом к бабушке на небольшие каникулы. Мамы и Эми не видно. Эми больше никогда не возвращается, и я знаю, что виновата в этом я.

Глава 74

Би

Би вошла в бар и осмотрела помещение в поисках Адама. Наконец она его увидела – он сидел, опустив плечи, в углу одной из кабинок, смотрел в стол; его лицо было покрыто серыми пятнами.

– Адам!

Би проскользнула в кабинку и обняла мужа лучшей подруги, который сидел неподвижно и напряженно, пока она сильно сжимала его в объятиях.

– Мне не следовало сюда приходить, – пробормотал он. – Я должен быть с мальчишками.

– Они с твоей мамой? Как они? Если тебе что-нибудь нужно… – Она не закончила фразу, понимая, как банально звучат ее фактически пустые слова. *«Если я что-то могу сделать… если тебе нужна какая-то помощь…»* Би не станет им ни матерью, ни женой, а мать и жена им и были нужны, и ничто больше.

– С ними все ужасно. Тоби не произнес ни слова с тех пор, как я в тот день забрал его из школы, а Ной не прекращает кричать. Мы живем у мамы, потому что я просто не в состоянии вернуться в дом, но мы же не можем навечно у нее остаться. Что нам делать, Би? Что мы будем делать без нее?

Горячие злые слезы уже в третий раз за этот день навернулись на глаза Би, только теперь она не шмыгала носом и не вытирала их, а дала им свободно литься из глаз. Мать Элеоноры позвонила два дня назад и говорила бессвязно, сообщив новость, и с тех пор Би почти не прекращала плакать. Она пыталась сразу же дозвониться до Карен, но та не ответила. Би взяла такси и поехала к дому подруги, но в окнах не горел свет. Карен не появлялась на работе, и там Би отказались что-либо говорить – или просто не знали. Би чувствовала боль, замешательство и гнев – она за неделю потеряла двух подруг. У нее не было ответа на вопрос Адама. Она не знала, как они справятся. Она понятия не имела, будет ли вообще кто-то из них в порядке хоть когда-нибудь.

– У полиции есть мысли о том, кто это сделал?

Адам рассмеялся, звук получился пустым, без доли веселья.

– Я был главным подозреваемым. К счастью, я весь день находился в офисе, а не ездил по объектам. Я просто не мог попасть домой. Они не думают, что это были грабители, потому что у нас ничего не взяли. Соседи слышали, как она с кем-то ругалась. Полиция допрашивает Карен. Ты знала об этом?

– Карен? – произнесла Би в замешательстве. – Почему? Разве она не была на работе?

Адам посмотрел на нее, и она впервые увидела, как покраснели и припухли его глаза. Он выглядел совершенно сломленным.

– Ее отстранили от работы на эту неделю. Я думал, что ты знаешь.

– Мы поругались. – Би было стыдно в этом признаваться. Все это теперь казалось таким неважным в сравнении с тем, что случилось в их жизни. – Из-за Майкла. Конечно… – Она не могла заставить себя произнести вслух имя Элеоноры. – Ты знал об этом?

– Нет, – покачал головой он. – Элеонора на самом деле очень странно себя вела, и странно не в том смысле, как бывает после рождения ребенка. Мы почти не общались, а когда она все-таки снисходила до того, чтобы со мной поговорить, то обычно рявкала, ругала меня из-за того, как мало я делаю или как мало понимаю.

Би вздохнула.

– Мы выяснили, что Майкл женат. Элеонора плохо это восприняла. Ну, ты знаешь ее отношение к подобным вещам, семья священна и все такое. Она прекратила общаться с Карен, когда об этом узнала.

– Вероятно, начала снова. Именно поэтому Карен и забрали для допроса в то утро, когда Элеонора… в то утро, когда это случилось.

– Про это я ничего не знаю. Я не разговаривала с Карен больше недели. Она не отвечает на мои звонки.

Би подумала о свидании, которое лучшая подруга для нее организовала, и о видеозаписи, разосланной коллегам по работе. Что, черт возьми, происходит с Карен? Она себя никогда так не вела. Она всегда была такой собранной и никогда не участвовала в гнусных играх. В сознании пронеслось воспоминание о разговоре, который состоялся у них несколько недель назад.

– Мне нужно задать тебе один вопрос. – Би уставилась в стол, она не могла встречаться взглядом с Адамом. – До того, как мы

разругались, Карен сказала, что видела тебя с одной из своих пациенток. Она подумала, что у вас роман.

Казалось, лицо Адама не могло побледнеть еще сильнее, но после своих слов Би точно это увидела.

– Я не стал бы… не смог бы…

Она протянула руку и коснулась его руки.

– Теперь это не имеет значения. Что бы ни случилось, это неважно.

– Конечно, важно. Нельзя допустить, чтобы люди думали, будто я могу так поступить с Элеонорой. – Он вздохнул. – Давай взглянем правде в глаза. В последние несколько месяцев я был дерьмовым мужем. Я специально задерживался на работе, чтобы лишний раз не сделать что-то не так, не сказать что-то не так, а в это время я был нужен Элеоноре и мальчишкам. Я при любой возможности сбегал из дома. Я вернулся в спортзал, черт побери, а я много лет туда не ходил! Я был жутким эгоистом, все время думал о том, что мне нужно личное пространство и время, хотя должен был проводить каждую свободную минуту с семьей. О боже, если б только я мог вернуться назад и быть ей таким мужем, какого она заслуживала…

Адам или говорил правду, или очень хорошо умел врать. Би не могла сказать наверняка. Ее голова была забита мыслями о том, что случилось с ними тремя в последние пару месяцев. Она не понимала, что же, черт побери, происходило. Карен не стала бы врать, что видела Адама с другой женщиной. И эта ее пациентка. Би не сомневалась, что она тоже реально существует. Так где же правда? Кому она может доверять? Но, самое важное, что теперь будет с ней самой после того, как Элеоноры не стало, а Карен исчезла?

Глава 75

Би

– Би, это Майкл. Ты можешь меня впустить? Нам нужно поговорить.

Би нажала на кнопку на трубке домофона, чтобы ее было слышно, и сказала так язвительно, как только могла:

– Я лучше нагажу себе в ладони и похлопаю ими. Уходи.

Последовала тишина, прерываемая потрескиванием, которое означало, что Майкл все еще держит палец на кнопке.

– Послушай, – наконец произнес он. – Я знаю, что ты считаешь меня виноватым в случившемся…

– Да, потому что ты виноват, – перебила Би. – Я знаю, что на тебе не лежит ответственность за… – Би просто не могла произнести вслух слова «смерть Элеоноры». – Но ты виноват в том, что произошло со всеми нами. Из-за тебя мы не разговариваем друг с другом. Почему ты вообще здесь? Ты должен находиться рядом с Карен, поддерживать ее. Ее снова допрашивают?

– Понятия не имею. Мы серьезно поругались вечером перед тем днем… тем днем, когда Элеонора… Поругались из-за одной ее пациентки, и Карен мне сказала, чтобы шел… шел к себе. Она отказывалась со мной разговаривать, не впускала меня, а я не хочу сам туда заходить – в конце концов, это ее дом. Я надеялся, что ты сможешь с ней поговорить, вразумить ее…

– Отвали, Майкл. Похоже, она уже и сама справилась. Возвращайся домой к семье.

Би отпустила кнопку на трубке домофона и принялась бесцельно ходить по гостиной, взяла в руку пульт, перенесла его с дивана на стол, аккуратно сложила журналы, переместила их со стола на диван. Домофон больше не звонил. Майкл все еще стоял на улице под дверью? Она выглянула в бесполезный глазок. В узком коридоре никого не оказалось. Майкл не мог быть в коридоре, только если кто-то не открыл ему входную дверь в дом. Она просто несет чушь.

Значит, Карен с Майклом расстались. В таком случае почему она не отвечает на звонки Би? Они разговаривали почти две недели назад –

значит, Карен была одна после смерти Элеоноры? Несмотря на все их разногласия, Карен точно не должна переживать все это в одиночестве.

Из окна гостиной Би могла видеть только уголок крыльца, но, похоже, там никого не было, как и не было припаркованных машин на улице. Би опустила занавеску и отошла от окна. Злость отступила, и ей стало не по себе – ей следует его бояться?

«Не дури, – сказала она сама себе. – *Это Майкл. Ты знаешь его два года. Он пел в караоке у тебя на дне рождения, а ты спала у него на диване. Он не представляет никакой опасности».*

«Только ты очень многое про него не знаешь. Ты не знаешь его жену и детей. Ты не знаешь, где он спит по выходным, читает ли он своим девочкам-двойняшкам сказки на ночь, думает ли о Карен, когда занимается сексом с женой. И есть еще один человек, которого, как ты считала, ты знаешь. Карен. Но ты не знала, что она любовница. Или о том, что случилось с ее сестрой. Ты знаешь, убила она твою лучшую подругу или нет?»

Би подпрыгнула от стука во входную дверь. Кто-то его впустил – вероятно, чертова Тара с верхнего этажа, глупая корова. И что ей теперь делать?

Она взяла в руки мобильный, набрала телефон службы спасения, но пока не нажала на кнопку вызова. Она приблизилась к двери так тихо, как только могла. Сердце судорожно билось у нее в груди под аккомпанемент неровного дыхания. Би прижала ладонь к двери. Он уйдет, если она не ответит? Или попытается выбить дверь?

– Би?

Это не мог быть голос Майкла – только если он не успел сменить пол за десять минут, которые прошли после того, как она предложила ему валить куда подальше. Это была Тара, сонная кобыла с верхнего этажа, человек, который представлял наименьшую угрозу из всех, кого она знала. Би еще никогда так не радовалась ее голосу.

– Слава богу, это ты.

Она распахнула дверь, в последнюю секунду подумав, что вполне может увидеть Майкла, обхватившего Тару рукой за шею, будто злодей из низкобюджетного фильма ужасов. Но Тара со своим обычным отсутствующим выражением лица стояла там одна, держа в руках сложенный лист бумаги.

– Какой-то тип внизу попросил меня передать тебе это. – Она вручила записку Би и ждала, когда та ее раскроет. Би схватила листок бумаги и приклеила на лицо радостную улыбку.

– Спасибо, дорогая! – Она уже собралась закрыть дверь, но Тара словно прилипла к месту.

– Он показался мне очень напряженным, – продолжала Тара, притворяясь или действительно не замечая, как Би хочет от нее отделаться. – Это твой новый парень или кто?

– Или кто, – ответила Би. – Не хочу, чтобы ты посчитала меня невежливой, но я сейчас как раз завариваю чай. Открытый огонь и все такое. Нельзя допустить, чтобы наше здание сгорело!

Прежде чем Тара успела что-то ответить, Би закрыла дверь перед носом ожидавшей новостей девушки.

Би практически бросила листок бумаги на кофейный столик и отправилась за бокалом вина. Для того чтобы прочитать послание от Майкла, ей нужно сесть и быть не совсем трезвой. Когда он произнес имя Элеоноры, у Би возникло ощущение, будто она наступила на оголенный провод – вначале болезненный шок, за которым последовала тупая боль.

Би с бокалом в руке опустилась на диван кремового цвета и коснулась пальцами краешка записки. Она легко могла выбросить ее, сжечь, спустить в унитаз, но знала, что этого не сделает. Люди так поступают только в фильмах. В реальной жизни нужно иметь кусочек льда вместо сердца, чтобы не надеяться на хорошие новости и не проявить любопытство. Нужно быть каменным.

Она вдохнула воздух через нос, выдохнула через рот, как учил ее Пол Маккенна[38], когда она пыталась стать стройной, – и раскрыла записку.

Она приготовилась прочитать многочисленные строчки с мольбой и извинениями. Вместо этого Би увидела два предложения:

«Я знаю, кто ее пациентка. Позвони мне».

Глава 76

Что вы почувствовали, когда увидели, что у дома вас ждет полиция?

Конечно, я испугалась. Я поняла, что случилось что-то плохое. Это все было частью ее плана.

Как вы считаете, что Джессика планировала для вас?

Она хотела, чтобы все от меня отвернулись. Она хотела забрать все, ради чего я так усердно трудилась: мою карьеру, личную жизнь, моих подруг.

Каким образом вы усердно трудились для всего этого? Разве дружба и любовные отношения не являются обычной частью жизни? Как так получилось, что вам пришлось трудиться усерднее, чем кому-либо другому?

Вы знаете как.

Потому что вам приходилось обманывать людей, чтобы все это получить? Жену и детей Майкла, ваших подруг?

Наверное, можно и так сказать. Я не собираюсь притворяться, будто не обманывала людей, но если всегда говорить правду, люди обижаются. В любом случае никто не хочет знать правду. Люди думают, что хотят, но на самом деле нет.

Что вы имеете в виду?

Возьмите, к примеру, Элеонору. Она всегда говорила, что если узнает об изменах Адама, то сразу же его выгонит. Тем не менее она даже не потребовала у него объяснений, когда дошло до дела. Она скорее предпочла не знать и притворяться, что все в порядке, а не смотреть правде в глаза и не принимать трудных решений. Если хотите, можно поговорить о жене Майкла – если и есть тот, кто вообще не хочет знать правду, то это она. Как вы думаете, она вообще никогда не подозревала, что ее муж на самом деле не работает всю неделю где-то на выезде? Ради всего святого, он вел вторую жизнь на стороне! Если б она хотела выяснить правду, она могла бы сделать это в любой момент. Ей нужно было всего лишь один раз за ним проследить или спросить, что это за дополнительные ключи у него на связке. Какую дверь они открывают? Она не выяснила, потому что никогда не хотела это знать.

Значит, можно врать, если правда принесет боль людям?

Это хорошее основание, не хуже других.

Но вы, безусловно, могли прекратить делать то, что приносило боль людям.

Я не говорила, что идеальна. Никогда не говорила.

Глава 77

Би

Би выпила последние капли вина и потянулась за бутылкой, чтобы налить себе еще один бокал. Она знала, что ей следует сохранять трезвую голову, если собирается звонить Майклу – а она *действительно* собиралась. У нее накопилось так много вопросов. Вся ее жизнь пошла прахом после случившегося с Элеонорой. Карен забрали в полицию для допроса, а Би считала, что у нее самой нет права требовать у кого-то ответы. Полиция не была обязана что-то сообщать ей, семья Элеоноры хранила ледяное молчание. Би ранило то, как ее игнорировали и исключали, словно она была просто знакомой, словно не дружила с Элеонорой почти всю жизнь, но она понимала, что им теперь нужно думать о мальчишках, и ее боль никак нельзя было сравнивать с тем, что испытывали они. Но она потеряла не только Элеонору. Она чувствовала, будто всю ее жизнь стерли огромной резинкой и переписать ее невозможно. Они всегда были вместе – Би, Элеонора и Карен. Без Элеоноры она даже не знала, кто она теперь. Сейчас казалось, что они с Карен всегда были не больше, чем случайные знакомые. Да, они поругались, но ведь случившееся стало настоящей трагедией и должно было их сблизить? Если не такое несчастье, то что вообще сможет их помирить?

Громкие звуки трека сэра Микс-э-Лот[39], который она поставила на входящие на своем телефоне, теперь только раздражали, когда улыбаться было невыносимо. Хотя именно эта мелодия давала понять, что звонит совершенно определенный человек – единственный человек, с которым она сейчас могла разговаривать.

– Привет, Фрэн.

– Привет. Как себя чувствуешь?

– Дерьмово. – Фрэн была единственным человеком, который, задавая этот вопрос, рассчитывал услышать честный ответ, а не «Со мной все в порядке». Би не нужно было спрашивать у сестры то же самое. Фрэн относилась к тем людям, которые дают, а не берут.

– Конечно, дерьмово. Да все это дело – одно сплошное дерьмо. Я приеду через полчаса, привезу диск с «Форсажем» и карамельный попкорн. О, и еще бочонок вина. Я звоню просто чтобы узнать, не

нужно ли тебе что-нибудь купить. Лазанья у меня получается дрянная, но я могу забить твой холодильник готовыми блюдами, которые совсем не полезны для сосудов.

В подобных ситуациях большинство людей спрашивают, что они могут сделать, зная, что человек, которому они задают вопрос, из вежливости ответит, что ничего не нужно. Но не Фрэн. Если она хотела помочь, то просто делала это. Би понимала, что старшая сестра специально вышла из дома, чтобы выбрать для нее фильм и купить ее любимую закуску, и ей хотелось обнять ее прямо по телефону. Ей страшно хотелось сказать Фрэн, что предложение встретиться с ней и провести вечер на диване в удобной серой пижаме кажется ей прекрасным. Но она знала, что все это время не сможет не думать о том, что, по мнению Майкла, он знает, черт его побери, и что он намерен с этим делать.

– Честное слово, Фрэн, нет ничего лучше того, что ты предлагаешь, но сегодня вечером у меня в планах вести себя как полная дура. – Би вздохнула и представила сестре неотредактированную версию того, как она провела вторую половину дня. – Теперь ты можешь сказать мне, что я идиотка, и пригрозить нажаловаться маме.

– Вероятно, мне следовало бы это сделать… – Фрэн стала говорить тише, вероятно, чтобы Рич не услышал, какая она безответственная. – Но я сама не смогла бы удержаться от того, чтобы это не выяснить. Как ты считаешь: Майкл не имел никакого отношения к случившемуся с Элеонорой? Вроде его жена обеспечила ему алиби? Очевидно, полиция считает, что он не замешан в деле. Они очень стараются доказать, что это сделала Карен.

– Неужели *ты* хочешь мне сказать, что она этого не делала? Я думала, что ты первая выйдешь с факелом и вилами.

– Кто, врачиха? Ты серьезно, Би? Ты ее сто лет знаешь – да, нужно признать, что не так хорошо, как ты думала, но тем не менее. Вы же все были такими близкими подругами.

– Я совсем ее не знаю, Фрэн, – вздохнула Би. Казалось, она не могла больше чувствовать ничего, кроме грусти и усталости, которые угрожали полностью раздавить ее. – Ее мужчина женат! Я не знаю ни одного из них. Она организовала мне встречу с этим уродом, и, вероятно, это она отправила всем моим коллегам запись того, как я

занимаюсь сексом, которую я даже не делала! Я же рассказала тебе, что случилось с ее сестрой, да? Откуда нам знать, что она не сделала это специально?

Она услышала глубокий вздох Фрэн.

– Не будь сукой, Би. Ты сама мне говорила, что ее нельзя в этом винить. Она была ребенком!

Би тоже вздохнула.

– Ты права, я сказала ужасную вещь. Я просто сейчас в полном раздрае. Почему она не выходит на связь? А ты, я смотрю, запела другую песню. Ты же никогда не ладила с Карен. Откуда внезапно такое сочувствие?

Фрэн рассмеялась.

– По правде говоря, она сама мне никогда не была неприятна. Мне не нравились ее отношения с тобой. Она вела себя как твоя старшая сестра. А я не люблю, когда со мной пытается соперничать человек, который никогда не приклеивал головы твоим куклам Барби.

– Я знала, что их приклеивала ты, – тихо произнесла Би, у которой на глаза навернулись слезы. – У тебя никогда не было конкурентов, Фрэн.

– Да я знаю. А теперь иди и доказывай, что твоя лучшая подруга не сумасшедшая, а я завтра принесу какой-нибудь фильм с Вином Дизелем.

– Я люблю тебя, Фрэн.

– Я тоже тебя люблю, Би-Би.

Глава 78

Би

– И кто же эта девушка? И почему ты внезапно так уверен, что знаешь, кто она?

Би позвонила Майклу, как только попрощалась с Фрэн, и велела ему немедленно заехать за ней, но при одном условии: не говорить про Карен и Элеонору. Он согласился, и Би испытывала облегчение от того, что он держал слово.

– Я знал бы с самого начала, если б Карен могла назвать ее имя, – ответил Майкл. – Когда я вернулся в дом, чтобы забрать кое-какие вещи, ее там не оказалось, и я открыл дверь своим ключом. На столе лежала папка. Не нужно быть гением, чтобы догадаться, материалы о каком пациенте в ней лежат. Карен стала почти одержима этой девушкой в последние несколько недель. Когда я увидел имя и фамилию, то тут же их вспомнил.

– Обиженная на тебя старая подружка?

Майкл фыркнул.

– Лучше бы так. Джессика Гамильтон дружила с моей дочерью, когда они учились в колледже.

– С твоей дочерью? – присвистнула Би. – Боже, Майкл, ты сам учился в колледже, когда она у тебя родилась?

Майкл вздохнул и провел рукой по лицу.

– Мне сорок пять лет, Би. Энн сейчас двадцать два. Мы удочерили ее, когда ей должно было вот-вот исполниться семь. Энн была племянницей Эмили, то есть она и есть племянница Эмили. У сестры Эмили были проблемы с наркотиками. Мы об этом понятия не имели, пока с нами не связались социальные службы и не заявили, что Энн забирают у матери и отправят в приемную семью, если мы не возьмем ее к себе. Эмили была убита горем, потому что не замечала никаких проблем, ведь ее сестра жила во многих милях от нас, но мы согласились взять Энн. Она многое пережила и видела гораздо больше, чем должна видеть семилетняя девочка. Она была трудным ребенком, но не в том смысле, в каком бывает трудным нормальный семилетний ребенок. Она была хитрой и коварной, врала мне и Эмили и

сталкивала нас лбами. Были неприятные случаи, которые ставили под угрозу наши отношения. Я недостаточно времени проводил дома.

Би могла прочитать между строк то, что он недоговаривал, словно слова были написаны у него на лбу. Карен оказалась не первой – он много лет изменял жене.

– И каким образом эта девушка, Джессика, оказалась втянута в дело? С какого она тут боку?

Майкл покачал головой в ответ.

– Честное слово, не знаю. Как я тебе уже сказал, это подруга Энн, с которой они учились в колледже. Энн мало рассказывала про своих знакомых, поэтому, когда она начала говорить про Джессику, мы радовались, что она с кем-то подружилась. Потом она познакомилась с другой девушкой, Рут Каррингтон. По словам Энн, Джессике не понравилось, что у нее появилась еще одна близкая подруга. Она была ревнивой, собственницей. У меня сложилось впечатление, что у Джессики тоже было мало подруг.

– Ты ее никогда не видел?

– Как я тебе уже сказал, я мало бывал дома. – Навигатор подсказал, что нужно повернуть направо, и Майкл перестроился в другой ряд. Какое-то время он молчал, выбирая правильный выезд с кольцевой развязки, затем продолжил: – Энн говорила, что Джессика из обеспеченной семьи, но одиночка. Предполагаю, поэтому они и сошлись.

Би легко могла представить нескладную молодую девушку, которую бросало от одной трудности к другой. Она стыдилась своего прошлого, была в недоумении от того, что ее новая семья оказалась совсем не картинкой из каталога, на которую она надеялась.

– Когда Энн и Рут стали проводить вместе больше времени, Джессика начала проявлять враждебность к этой девушке. Отправляла ей мерзкие и злобные сообщения, предупреждала, чтобы та держалась подальше от Энн. Когда Энн рассказала нам это, я заявил, что ей нужно держаться подальше от Джессики, даже предложил съездить и поговорить с ректором колледжа. Но Энн ответила, что в этом нет необходимости. Джессика безобидна. Потом однажды вечером Энн вернулась домой в жутком состоянии. Меня тогда не было, Эмили мне обо всем рассказала чуть позже. Энн утверждала, что Джессика набросилась на Рут. Она очень болезненно это восприняла, словно

сама была виновата в случившемся. Эмили пыталась ее успокоить, но та заперлась в своей комнате на все выходные. Эмили решила, что Энн боится своей так называемой подруги. Я заявил, что в понедельник съезжу в колледж, но нарисовались кое-какие дела, и когда я вернулся, с Энн все было в порядке. Она сказала, что в колледже все улажено. Рут перевелась учиться в другое место, а Энн больше никогда не говорила ни про нее, ни про Джессику.

– Похоже, у этой Джессики есть проблемы.

– Меня не это волнует, – с мрачным видом ответил Майкл. – Меня беспокоит то, что мы с Эмили в свое время выслушали только одну сторону. Перед встречей с тобой я звонил Джессике Гамильтон. Она сказала, что это Энн набросилась на Рут, потому что та стала общаться с кем-то еще, а Энн не могла смириться с тем, что ее отвергли. Джессика Гамильтон последние четыре года училась в университете и никуда оттуда не уезжала. Она не возвращалась сюда! А вот моя дочь все время жила здесь. – Он поморщился, словно от этих слов ему стало физически больно. – Судя по тому, что мне сказала Джессика, если б Энн узнала про нас с Карен, одному богу известно, как бы она отреагировала.

Би молчала, какое-то время переваривая его слова. *«Одному богу известно, как бы она отреагировала».*

– Когда ты сказал, что знаешь, кто ее пациентка, я предположила, что мы поедем к ней. Если Джессика здесь больше не живет, то почему мы едем к ней домой?

– Мы едем не к ней, – ответил Майкл. – Мы едем искать мою дочь.

Глава 79

Карен

Освобождена в ожидании дальнейшего расследования. Было трудно не посмеяться над этой формулировкой. Казалось, все в ее жизни ожидает дальнейшего расследования. Ее работа, отношения с мужчиной, а теперь еще встал вопрос свободы.

Из участка она позвонила Майклу, отказываясь верить, что из-за их спора несколько дней назад он не приедет встретить ее после освобождения. Она нуждалась в нем. Ей было необходимо, чтобы он объяснил ей, сказал, что «отпущена без предъявления обвинения» означает, что полиция верит в ее невиновность и непричастность к смерти Элеоноры, а еще лучше – что все это было частью безумного плана Джессики, а Элеонора на самом деле не умерла. Кроме всего прочего, ей просто хотелось, чтобы он находился рядом, словно в этот момент у него нет жены, нет другой семьи, а есть только она.

Гудки шли один за другим, и как раз когда Карен решила, что трубку взяли, она услышала знакомый женский автоматический голос из голосовой почты. У нее внутри все опустилось, она вышла из полицейского участка на главную улицу. Карен была одна, и стало очевидно, что ей и дальше придется в одиночестве разбираться со всем этим. Не будет ни Майкла, ни Би, ни Элеоноры.

При мысли об Элеоноре у нее перед глазами все потемнело, и Карен пошатнулась, схватилась за облупившуюся голубую ограду перед полицейским участком, и ее вырвало в кусты, которые росли по краю территории. Всем, кто проходил мимо, она, вероятно, казалась очередной гулякой, которая провела ночь на деревянных нарах, прикрывшись одной простыней и отсыпаясь после весело проведенного времени.

Она почувствовала, что у нее дерет горло, а в животе пусто. Карен стояла какое-то время не двигаясь, отчаянно пытаясь привести дыхание в норму и вытирая слезы, которые жгли глаза. До города было двадцать минут пешком, но Карен знала, что ей не пройти это расстояние. Она не хотела вызывать такси к полицейскому участку, поэтому заставила свои дрожащие ноги шевелиться и донести ее до ближайшей скамейки.

Такси долго не ехало, за это время можно было дойти до дома. В ожидании машины Карен осторожно исследовала свое сознание в поисках реакции, которую она могла бы проанализировать. При мысли об Элеоноре голову пронзила такая боль, от которой хотелось кричать. Эта боль угрожала перейти в настоящую мигрень, с которой здесь и сейчас она бы не справилась. Несмотря на все усилия, на попытки подумать о чем-то еще, *о чем угодно*, Карен видела у себя в сознании только маленьких мальчиков своей лучшей подруги, оставшихся без матери. Ноя нашли в его кроватке наверху, он никак не пострадал, но явно сильно переживал. В полицию позвонила одна из соседок. Она видела женщину, похожую на Карен, которая шла по тропинке к дому незадолго до того, как начались крики и стук.

– Би, это Карен. Послушай, я понятия не имею, что ты слышала обо всем… – Она запнулась. Последнее, что ей хотелось, – это говорить с Би о случившемся с Элеонорой с помощью голосовой почты. – Позвони мне, пожалуйста. Это срочно. Прости.

* * *

Она не стала заходить в дом, вместо этого пошла прямо к машине. Дома ее никто не ждал, а пустота казалась невыносимой. Ей было плевать на то, как она выглядит и как от нее пахнет после семнадцати часов, проведенных в полицейском участке. Она рассказала полиции про Джессику Гамильтон, но, похоже, та их особо не заинтересовала, они сосредоточились на ней самой.

Был только один способ все выяснить. Карен знала, что именно так все и закончится, когда забирала папку из кабинета. Переписывая адрес, она говорила себе, что если поедет в этот дом, то совершит профессиональное самоубийство. Но сейчас казалось, что карьеры у нее больше нет, поэтому терять ей было нечего.

Она достала листочек бумаги из сумки и положила его на руль перед собой.

Домашний адрес Джессики Гамильтон.

Карен включила радио громче, чтобы не думать о десятках полицейских, собирающих улики, которые должны были привести их к убийце Элеоноры. Пройдет совсем немного времени, и ее саму снова

вызовут в участок для допроса, и во второй раз уже могут не отпустить. Если только она не докажет, что Джессика Гамильтон, по крайней мере, существует. Тогда, возможно, расследование не будет сосредоточиваться на ней одной. Может, Джессика и чокнутая, может, очень умная, но Карен сомневалась, что она злой гений. По телевизору все время такое показывали – убийцы оказывались такими умными, что прятали все улики или просто избавлялись от них и водили полицию кругами до самого конца. Но в реальной жизни маловероятно, что Джессика стерла все отпечатки пальцев, оставленные в жизни Элеоноры. Полиции требовался только человек, с отпечатками пальцев которого можно было бы сравнить найденные, но пока Джессика оставалась призраком, они смотрели исключительно в направлении Карен. Считали убийцей ее и, возможно, Адама.

Лежавший в сумке телефон зазвонил, Карен принялась рыться в ней одной рукой, удерживая руль второй. У нее ничего не получалось, и тогда она перевернула сумку вверх дном и высыпала все содержимое на переднее сиденье, схватила телефон – но он тут же прекратил звонить. Проклятье! Неизвестный номер. Карен подождала, не прозвучит ли запись на автоответчике, но звонивший не оставил никакого сообщения. Если б звонили Майкл или Би, ей пришлось бы сказать им, куда она направляется, а они попытались бы ее остановить. Она приняла решение и не собиралась от него отступать, руководствуясь доводами разума или логикой. У нее возникло ощущение, будто в нее вселился импульсивный легкомысленный дух, и ей нравилось это ощущение, она не собиралась от него отказываться, пока не доберется до места, как если б напилась и была намерена танцевать, пока не протрезвеет. Раньше Карен никогда ничего не делала, не проверив свои ощущения; все, что она делала в своей жизни, было тщательно просчитано и обдумано. Даже секс со случайными парнями не был безрассудством и импульсивностью, как это обычно бывает у партнеров на одну ночь. Нет, она методично планировала каждый случай, а потом действовала по плану с совершенно конкретной целью – убедить себя, что держит ситуацию с Майклом под контролем. Он возвращался домой к жене, она отправлялась трахаться с незнакомцем, имени которого не знала. Око за око, чтобы доказать себе, что она не слишком глубоко увязла, если

может так легко изменять ему и при этом не чувствовать ни малейшей вины. Ну, до последнего раза.

Вдоль улицы, где жила Джессика, тянулись отдельно стоящие трехэтажные дома с эркерными окнами. У них были не номера, а названия – «Тонтин», «Дом в долине». Карен искала «Подлесок» и нашла его в конце улицы. Этот дом смотрел на другие так, словно сидел во главе стола. Карен не нервничала, хотя и считала, что ей вот-вот предстоит столкнуться лицом к лицу с человеком, виновным в смерти ее лучшей подруги. Она предполагала, что часть ее ожидает не застать Джессику здесь, что девица собрала свои вещички и сбежала из страны. Исчезла, словно явившийся Карен призрак. Она удивилась, увидев в доме свет и машину на подъездной дорожке.

Карен нажала на звонок и почувствовала, как в горле растет ком, угрожая задушить ее. Она не была уверена, что сможет говорить, если дверь вообще откроют. Но дверь открылась, хотя вместо бесцветной Джессики Гамильтон напротив Карен оказалось другое лицо, которое она очень хорошо знала.

Карен тупо стояла на пороге и не могла произнести вслух, зачем пришла. Женщина в дверном проеме нервно улыбнулась. Она была очень бледной и миниатюрной: такая худенькая, что, казалось, ее можно сбить с ног, сильно на нее дыхнув. Она схватилась за дверной косяк маленькими ручками, как будто пыталась удержаться на ногах и не свалиться, а Карен задумалась, не выпила ли она.

– Как я могу вам помочь?

– Я… я ищу Джессику Гамильтон.

Судя по выражению, которое на секунду появилось на лице женщины, она узнала имя и фамилию, потом нахмурилась, словно не могла связать их с человеком. Однако вместо того, чтобы выгнать Карен, женщина очень внимательно ее рассматривала, словно пыталась как-то идентифицировать ее лицо. Затем она резко прикрыла ладонью рот.

– Вы – это она, да? – Она отступила назад, словно собираясь захлопнуть дверь перед носом Карен, но та отчаянно бросилась вперед.

– Пожалуйста, подождите! Мне нужно найти Джессику. Это очень важно для всех нас. Вы узнали имя, я вижу, что узнали. Вы можете мне помочь?

Женщина сделала несколько глубоких медленных вдохов. Психотерапевты учат так дышать, чтобы справиться с нахлынувшими чувствами.

– Знаете, я этого ждала. Наверное, вам лучше зайти.

С этими словами жена Майкла отступила в сторону, и Карен вошла в дом.

Глава 80

Карен

– Я ждала этого десять лет, – повторила Эмили, ведя Карен из коридора в гостиную, площадь которой не уступала площади всего ее дома.

– Десять лет? – машинально переспросила Карен. – Но мы с Майклом были вместе только два года.

Эмили дернулась, услышав его имя, произнесенное губами Карен, а та тут же пожалела о своей бестактности. За то время, пока они были вместе, она сильно привыкла к тому, что Майкл полностью принадлежит ей, и она не могла заставить себя поверить, что он женат на другой женщине.

– Вы – одна из многих. Я всегда ожидала, что кто-то придет. Как я предполагаю, вы же знаете, что не первая у него? – Эмили произнесла это так, будто Карен была каким-то товаром, заменимой деталью в вечном двигателе. – Но никто никогда не приходил. Предполагаю, и вы сегодня пришли не для того, чтобы рассказывать мне сказки про его роман на стороне?

Карен давно знала, как выглядит Эмили Лентон, потому что часто себя мучила просмотром ее фотографий в «Фейсбуке». В жизни она оказалась более хрупкой – такой, словно вот-вот сломается, а ее руки слегка подрагивали, если она не сжимала их перед собой. Карен видела, что когда-то Эмили была красивой женщиной, но постоянный стресс наложил свой отпечаток. Прическу она делала в салоне, но местами волосы поредели, а макияж смотрелся как маска, которой она хотела защититься от обвинений в том, что потеряла мужа, потому что распустилась. Легким движением руки Эмили предложила Карен присесть, а сама устроилась на краешке большого дивана сливового цвета.

– Это не дом Майкла. – Карен оглядела комнату – массивная дубовая мебель, мраморный камин. Почему здесь находится его жена?

– Это дом нашей дочери. Она арендует его у друга семьи. У нас трое детей, три девочки. Младшие – двойняшки. – Целью этих слов было уколоть, и они на самом деле укололи.

Его дети. Еще одно неудобство, от которого Карен удавалось отгородиться, притворяясь, что их не существует. Двойняшкам было по тринадцать лет. Карен видела их фотографии: Бетани и Роза. Красивые дети, которые заслуживали, чтобы их отец находился рядом. Карен поняла, что злится на Майкла из-за его поступка и из-за того, что он позволял делать ей. Она и раньше знала, вероятно, на протяжении длительного времени, что их отношения не смогут долго существовать, но теперь она была в этом уверена и не чувствовала ничего, кроме легкого сожаления. Карен сожалела, что они не встретились при других обстоятельствах, сожалела, что они вели себя так, будто не делают ничего страшного, если об этом не знает его жена. Но это было страшно, и сидевшая напротив нее женщина оказалась жертвой их действий. Про еще одну дочь Карен даже не знала.

– Тогда почему вы пришли сюда? Найти эту Джессику Гамильтон?

– Да. Она – моя пациентка, и я очень беспокоюсь за нее.

– Я не понимаю, как вы здесь оказались, если не знали, где живет Энн.

– Джессика назвала этот адрес, когда подписывала договор на оказание медицинских услуг.

– Это невозможно. Я пять лет не слышала даже упоминания о ней, и она здесь никогда не жила.

– Но вы ее знаете?

– Я знаю о ней. Они дружили с Энн в колледже. Лично я с ней никогда не встречалась.

– А Энн здесь? Я могу с ней поговорить?

– Слава богу, она уехала. Ей не нужно видеть вас здесь. Как вы думаете, откуда я узнала, кто вы? Я нашла фотографию вас с Майклом на каком-то мероприятии, вложенную в книгу, которую Энн дала мне почитать в прошлом году. Ей не нужно встречаться лицом к лицу с любовницей отца, спасибо большое. Плохо уже то, что она знает о вашем существовании. Я никогда не хотела, чтобы она узнала, каков ее отец на самом деле.

Эмили встала.

– Жаль, что я не могу вам помочь найти вашу пациентку. Я понятия не имею, где живет Джессика Гамильтон. Мы от нее ничего не слышали несколько лет. Прощайте.

Встреча лицом к лицу, которую Карен неоднократно рисовала в своем воображении, оказалась совсем не похожа на яростную стычку, которую она ожидала. Жена и любовница вежливо попрощались.

Эмили заговорила снова, когда Карен шла к входной двери, и так робко, словно вообще не хотела произносить ни слова, но знала, что пожалеет, если не скажет то, что собиралась.

– Вы с Майклом…

– Все кончено, – ответила Карен, зная, что это правда. Нельзя притворяться, что вторая жизнь Майкла не существует, после того, как она в нее зашла, пусть всего на минуту. Эмили выдохнула, явно испытав облегчение, и ее маска вернулась на место.

Карен уже опустила руку на дверную ручку машины, когда услышала, как ее зовут.

Она подняла голову и увидела, что Эмили показывает на машину, которая заехала в этот тупиковый переулок и приближалась к ним.

– Похоже, ваше желание все-таки исполнится, – произнесла Эмили. – Это машина Энн.

При виде Карен перед домом Энн резко надавила на тормоз, дала задний ход и стала возвращаться к улице, откуда приехала. Карен распахнула дверь своей машины, с шумом захлопнула ее, плюхнувшись за руль, завела двигатель и включила первую передачу. Эмили что-то ей кричала, но у Карен не было времени останавливаться и объяснять. Она гналась за машиной Энн Лентон, но за рулем сидела Джессика Гамильтон.

Глава 81

Что произошло в тот день, когда вы впервые увидели Джессику Гамильтон?

Ничего. Я считала ее обычной пациенткой, пока не увидела их с Адамом вместе. Именно тогда я поняла, что она представляет опасность для моих друзей.

Но, конечно, не для Би? Как то, что Джессика спала с Адамом, могло представлять угрозу для Би?

Джессика ненавидела Элеонору, как она сама мне сказала. Она хотела принести боль всем, кого любила Элеонора. Мне, Би, Ною.

Она так прямо и сказала? Она произносила их имена вслух?

Конечно, нет. Но это и не понадобилось.

Как вы относитесь к своим подругам, Карен?

Что это за вопрос? Мы как сестры. Я их люблю.

Элеонора и Би были особенно близки, так?

У нас у всех очень близкие отношения. У всех троих.

А связь между двумя другими никогда не вызывала у вас ревности? Вероятно, вам было трудно: они так похожи, а вам приходилось хранить тайну о случившемся с вашей сестрой. Вы же никогда не могли им рассказать о том, как жили дома.

Мы были лучшими подругами. Я же уже сказала вам: мы все. Я никогда не была лишней. Я не была другой. Я была одной из них. Я *любила* их.

Глава 82

Би

– Что, черт побери, натворила Энн?

Майкл продолжал качать головой и что-то бормотать себе под нос, когда они ехали к дому, где жила его дочь. Теперь стало ясно, что Энн вовлечена в дело, возможно, даже была зачинщицей всего происходящего. Би подумала, что у Майкла вполне может случиться нервный срыв от всей той информации, которую он пытался переварить. Его так сильно трясло, что им уже два раза пришлось притормозить. Во время этих остановок Би молча сидела в машине, а он выкуривал по две сигареты подряд. Она пыталась хоть чуть-чуть сочувствовать ему, но не могла заставить себя испытывать к нему ничего, кроме отвращения. Одна ее подруга мертва, вторую подозревают в совершении убийства. В эти минуты Би уверенно во всем винила Майкла. Если б Карен никогда с ним не познакомилась, если б он не был лжецом и предателем… если, если, если. Она не могла придумать ничего конструктивного, чтобы ему высказать, поэтому прикусила нижнюю губу и уставилась в окно.

Они несколько раз пытались дозвониться Энн на мобильный, но там сразу включался автоответчик. Внезапно ожил телефон, вставленный в держатель для стакана, на экране высветилась надпись: «Эмили моб».

– Моя жена, – пояснил Майкл, протягивая руку, чтобы ответить на звонок.

Би почти физически почувствовала отвращение у себя во рту.

– Эмили, что случилось? – Он включил громкую связь, чтобы не пришлось съезжать на обочину.

– Энн. Майкл, она только что приезжала к дому.

Майкл взглянул на Би.

– С ней все в порядке?

– Не знаю, она не заходила в дом. Она один раз взглянула на твою любовницу и уехала.

Би резко вдохнула. Судя по виду Майкла, он собирался отрицать, будто что-то знает про Карен, но, очевидно, понял, что для этого слишком поздно.

– Карен сейчас там? – спросил он. – Пожалуйста, передай ей трубку, Эмили.

– Она помчалась за Энн. Что происходит, Майкл? Эта женщина искала одну из ее старых подруг. У Энн проблемы?

– Да. Позвони в полицию. Сообщи им марку и модель машины Энн и скажи, что она может навредить себе и доставить неприятности другим людям. Ты можешь это сделать? – На другом конце послышалось невнятное бормотание. – Пожалуйста, Эмили, сделай это.

– Я сказала «да», Майкл. Я не совсем бесполезна! Но я хочу, чтобы ты знал: если с ней что-нибудь случится, я никогда не прощу тебе то, что ты затащил эту женщину в нашу жизнь.

– Если с одной из них что-то случится, я сам себя никогда не прощу. Я тебе перезвоню, как только что-то узнаю. – Он отключил связь.

Би с каменным выражением лица смотрела в окно.

– Куда теперь? – спросила она. – Где они?

– Понятия не имею. – Майкл покачал головой. – Я могу предложить только одно – поехать домой. К нам. Или, наверное, мне следует сказать: домой к Карен.

Глава 83

Карен

Серебристый «Фиат» Энн стоял поперек двух парковочных мест на автостоянке у реки. Когда Карен добралась до машины, двигатель продолжал работать, дверь была распахнута, но на водительском месте никто не сидел. Карен поставила свою машину на парковочное место, выключила двигатель и осмотрела пустые берега. Правильно было бы уйти и позвонить в полицию – прекратить всем помогать и решать чужие проблемы. Если ей и следовало вынести какой-то урок из всего случившегося, то она должна была осознать: не нужно пытаться спасти мир. Она захлопнула дверцу машины у себя за спиной, не удосужившись ее запереть, и побежала к берегу реки. Может, она так ничего и не поняла.

Она увидела, что Энн стоит на бетонном выступе под мостом и оглядывает темную воду с таким видом, будто находится в трансе. Она даже не подняла голову, когда Карен приближалась. Карен остановилась и изучающе осмотрела девушку.

Энн Лентон, которую Карен знала как Джессику Гамильтон в последние пять недель, особа, виновная в том, что весь ее мир разрушился, была всего лишь ребенком. Теперь Карен видела нервную девушку, такую же, как при их первой встрече, с густыми вьющимися волосами и розовым лицом без косметики. Как все могло зайти так далеко после того первого дня? Карен следовало раньше понять, какую угрозу представляет собой Энн? Это была еще одна ее ошибка?

Энн подняла голову, увидела, что Карен за ней наблюдает, и робко сделала шаг назад. Ее слегка покачивало. Невозмутимая и спокойная Джессика Гамильтон с козырями на руках, которая держала все под контролем, исчезла. Эта девочка – дочь Майкла, ради всего святого! – выглядела так, словно лишилась жизненных сил. Карен было трудно совместить ее с психопаткой-убийцей, которой она считала ее всего несколько часов назад.

– Не подходите ко мне, – произнесла Энн, когда Карен еще приблизилась. Она вытянула руку, словно могла остановить Карен с помощью какой-то невидимой силы – таким жестом пытаются

остановить движение на дороге. – Держитесь от меня подальше, черт возьми!

Карен остановилась и подняла руки вверх.

– Я не стану подходить ближе, если ты не хочешь. Я просто хочу поговорить.

– Я не желаю с вами разговаривать.

– Джесс… Энн, тебе не нужно меня бояться. – Карен подошла поближе, пытаясь применить все знания, которым научилась за долгие годы. Она никогда раньше не оказывалась в подобной ситуации – в университете не учили, что делать, есть дочь твоего женатого любовника оказывается опасной психопаткой. – Джессика заплатила за пять сеансов, помнишь? Она приходила только на четыре. Давай проведем с тобой последний сеанс здесь.

Карен задержала дыхание. Энн стояла неподвижно, на лице отражалось замешательство.

– О чем вы хотите со мной говорить?

– Теперь я знаю истинную причину твоего обращения ко мне. Поэтому я думаю, нам следует пересмотреть цели сеансов. Чего ты надеешься добиться?

Теперь Карен чувствовала себя более спокойной. Пусть она сейчас и не находилась в знакомой обстановке, в своем кабинете, но один только ритм речи и интонация психиатра вернули ей контроль над ситуацией и поставили их в равные условия. Энн опустила подбородок и изучала бетон под ногами.

– С вами отец был дольше, чем с другими. Он отсутствовал всю неделю и ожидал, что мама поверит, будто он внезапно стал так часто ездить в командировки. Поэтому я за ним проследила, увидела, что он практически живет у вас дома. Я выяснила про вас все, что смогла. Вначале я просто наблюдала за вами двумя, как вы куда-то ходили, возвращались домой, затем… не знаю, что меня заставило… я записалась к вам на прием. Наверное, просто хотела лучше понять, что вы представляете собой. Не знаю, чего я на самом деле ожидала. Затем, когда вы меня не узнали – вы понятия не имели, кто я такая, а я все знала про вас – я начала думать, что, возможно, мне удастся заставить вас понять, какой вред вы приносите. Именно поэтому я придумала историю про женатого мужчину, с которым встречаюсь. Я… я никогда даже… я никогда не ожидала, что все так повернется.

Энн уставилась на реку, а Карен воспользовалась возможностью, чтобы приблизиться к ней еще на полшага. Движение было таким неуловимым, что девушка даже не заметила, что Карен стоит ближе, когда снова повернулась к ней лицом.

– Почему ты просто не сказала мне, кто ты?

– Я думала, вы знали про детей своего любовника. Я видела вас один раз – вы сидели в машине перед маминым и папиным домом. Вы знали, что он женат. А если вы знали, зачем было вам об этом сообщать?

Карен почувствовала, как на нее накатывает волна стыда, когда поняла, сколько вреда принесли они с Майклом. Она всегда говорила ему, что не хочет ничего слышать про его семью, что она не сможет продолжать отношения, если будет знать, от чего его отрывает. Но, по правде говоря, она не могла себя сдержать. Хотя Карен не знала про Энн. На страничке Эмили в «Фейсбуке» было полно фотографий двойняшек, но ни одного снимка Энн.

– Ты права, – сказала она Энн. – Мы вели себя эгоистично, и это было неправильно. Но зачем втягивать моих подруг?

На секунду Карен показалось, что Энн будет это отрицать, но затем девушка ответила:

– Я отправляла им письма по электронной почте, потому что хотела, чтобы они увидели, что вы собой представляете. Я наблюдала за вами, за тем, что вы делаете, когда считаете, что никто не узнает об этом. Я хотела, чтобы они все увидели.

– Сколько времени ты за мной наблюдала?

– Какое-то время. Достаточно. Мне хватило, чтобы понять, кому здесь действительно требуется психиатр.

– Ты могла им просто все рассказать.

– А вы назвали бы меня сумасшедшей. Вы бы вывернулись, сочинив им что-нибудь. Вы прекрасно умеете врать, Карен, надо отдать вам должное.

– А история про твою сестру?

– Я просто хотела вызвать у вас какую-то реакцию. Мне было противно видеть вас каждую неделю такой спокойной и сдержанной, зная, что на самом деле творится у вас внутри, за этим фасадом. Я хотела вывести вас из себя, выбить из колеи.

– Именно поэтому ты вломилась ко мне в дом? Украла мои вещи?

– Я не вламывалась к вам – у отца был ключ. Он даже не подозревал, что я о вас знаю, поэтому у него не было оснований его прятать. Кто станет спрашивать, от каких дверей ключи у него на связке? Мама, как всегда, притворялась, будто ничего не замечает.

– Значит, женщина, про которую ты говорила, – та, которую ты, по твоим словам, винила, ненавидела за ее слабость и за то, что позволяет красть у себя мужа…

– Знаете, она даже никогда не пыталась его остановить. – Теперь в голосе Энн звучала горечь, и Карен впервые подумала, что видит озлобленную девочку, узнает ту, которая приходила к ней на сеансы. – Конечно, я ее люблю. Она моя мать, и она спасла меня – не отдала в детский дом или в чужую семью, когда мне было семь лет. Я всем обязана ей. Но я всегда хотела только одного: крепкую семью. Она могла бы мне это дать, но вместо этого решила позволить ему трахать вас. Вы же видели ее, какая она слабая. Готова поспорить, вы подошли к моему дому, и она впустила вас внутрь. Вероятно, еще и чашку чая предложила.

Странным образом у Карен возникло желание защитить жену своего любовника, но она не смогла этого сделать. Эмили не просила ее прекратить встречаться с мужем. Карен всегда удивляли такие женщины, которые притворяются, будто ничего не видят, но ведь именно так поступила и Элеонора. Откуда Карен знать, что она сама не поступила бы так же?

– Тебе не следует винить свою мать. Ты не знаешь, что это такое.

– Чувствовать, что человек, которого ты любишь, от тебя отказывается? – Энн фыркнула. – Нет, об этом я не имею ни малейшего представления. – Она пнула куски засохшей грязи, прилипшие к бетону. – Так что мы будем делать теперь?

– Не знаю, – ответила Карен. У нее опустились плечи от груза всего случившегося, на нее давила вся боль, которую она принесла другим. – Наверное, нам следует пойти в полицию.

На лице Энн на мгновение появилось замешательство.

– Вы же не хотите этого.

– Они тебя в любом случае найдут, Энн. Лучше сдаться самой. Они уже знают, что ты сделала моим друзьям и мне. Ты оставила отпечатки пальцев в моем доме. Они тебя уже ищут, это только вопрос времени – когда тебя арестуют за убийство Элеоноры.

Это была рискованная ложь, и Карен понятия не имела, поверит ли ей Энн. Глаза девушки округлились от страха, и Карен видела, что от той самоуверенной молодой женщины, которая на сеансах сидела напротив нее и насмехалась над ней, задавая вопросы о нравственности и дразня ее тем, что знала про Карен и ее подруг, не осталось и следа.

– Меня? – До нее стало доходить. – Нет. НЕТ. Вы знаете, что я в этом не виновна, вы знаете, что ее смерть – не моя вина. Вы не можете так со мной поступить! – Энн опустилась на корточки и нагнулась вперед, словно у нее внезапно схватило живот. – Все должно было пойти не так.

Она принялась что-то бормотать, но Карен не могла разобрать, что та говорила. Больше Энн не казалась угрозой. Карен подошла поближе, присела рядом с девушкой, но та, похоже, этого не заметила. Она все продолжала бормотать, снова и снова повторяя одно и то же предложение.

– Послушай, Энн, я уверена, они все примут во внимание. Это был несчастный случай, очевидно. Если ты признаешься, то с тобой будут нормально обращаться.

Девушка подняла голову, в тусклых голубых глазах одновременно отражались страх, вызов и открытое неповиновение, и в эту секунду Карен поняла, что во второй раз недооценила ее. Она недооценила то, на что готов пойти человек в приступе страха.

– Вам это не сойдет с рук, – прошипела Энн, схватила Карен за ворот блузки и потащила ее к коричневому потоку воды.

Глава 84

Би

– Мне это кажется неправильным, – объявила Би, поднимаясь за Майклом по ступеням в доме Карен. – Я чувствую себя взломщицей.

– Мы пытаемся помочь. Кроме того, я здесь живу.

Би нахмурилась.

– Не надо опять об этом. Я просто не понимаю, как это поможет Карен и твоей сумасшедшей дочери. Без обид. Нам следует ездить по окрестностям и выкрикивать ее имя из окна машины, а не ходить украдкой по ее спальне.

– Я надеялся, что она отказалась от погони за Энн и вернулась сюда, но ее здесь нет, и поэтому я хочу тебе кое-что показать.

Он вышел из хозяйской спальни с коробкой из-под обуви и вручил ее Би, которая взяла ее очень аккуратно, словно ожидая, что обожжется. Она уселась на верхнюю ступеньку лестницы и открыла крышку, Майкл шагал взад и вперед у нее за спиной.

– Что это?

– Я нашел ее какое-то время тому назад, спрятанную под вещами Карен. Я ее открыл, увидел ваши с Элеонорой имена и положил на место, решив, что это личное.

Би взяла лежавшую сверху тетрадь.

– Сколько тут всего… Похоже на досье на всех, с кем она когда-то пересекалась по жизни. Здесь я, Элеонора, – тихо произнесла Би и при виде фотографии подруги ее грудь пронзила боль. – Что мы любим, что ненавидим, чего боимся, практически все о нас. Это похоже на дневники, которые девочки ведут в детстве.

– Может, это он и есть. Вдруг она его сохранила, чтобы вспоминать о прошлом.

– Тогда как ты здесь оказался?

Би подняла тетрадь, открыв на странице с фотографией Майкла. Там были все детали его жизни: где живет, имена жены и детей, даже их фотографии.

– Хотя Энн здесь нет, вообще нет, – заметила Би, пролистывая тетрадь. – Похоже, Карен про нее никогда не знала.

– Могла и не знать. Как я тебе говорил, мы удочерили Энн. Нам не разрешали размещать ее фотографии в социальных сетях, и она съехала из дома до того, как я познакомился с Карен. Боже, – выдохнул Майкл. – Я всегда думал, что она ничего не хочет про них знать. Она никогда про них не спрашивала.

– А ей никогда это и не нужно было, правда? У нее здесь все записано. Но зачем?

– Может, это на самом деле способ не забыть ничего о людях, которых она любит. Кто-то составляет списки дней рождений и памятных дат. Может, это что-то подобное, только в экстремальном варианте.

– Здесь Фрэн. И Адам. Полстраницы про Гэри с работы. Едва ли это воспоминания.

Би переворачивала одну страницу за другой, ей в глаза бросались детали ее собственной жизни. С содержимым этой коробки можно было бы снять эпизод «Это ваша жизнь»[40], если б Майкл Эспел и впрямь был сумасшедшим сталкером.

– Видишь вот это? – Би показала на пожелтевшую газетную статью, приклеенную к одной из страниц. – Я знала этого парня. – У нее сдавило грудь при виде его, смотрящего на нее из альбома Карен. – В университете.

Майкл прочитал статью.

– Здесь говорится, что с ним произошел несчастный случай. Почему Карен сохранила эту статью?

– Понятия не имею, – тихо ответила Би. Скорее, она просто не хотела знать.

– Еще есть билет на поезд из Шрусбери в Ливерпуль. Дата – за два дня до публикации статьи.

Би покачала головой.

– Не понимаю. Почему она не сказала мне, что находилась с ним в одном городе, когда это случилось?

– Судя по всему, она много чего не рассказывала ни тебе, ни мне.

Би подняла пачку фотографий, которая не была размещена в альбоме и лежала отдельно.

– Взгляни на них.

Майкл посмотрел на пейзажные фотографии, на каждой из которых было изображено место, куда ездила Карен, когда у нее

возникала необходимость подумать.

– Я, кажется, знаю, куда они отправились.

Глава 85

Мы так крепко держались друг за друга, что не имело значения, кто кого тянет вниз. Значение имела только ледяная грязная вода, которая ждала момента, чтобы затянуть нас под поверхность, как только мы потеряем равновесие.

Она оказалась сильнее меня, даже удивительно сильной для девушки с таким хрупким телосложением. Или, может, она просто не на шутку испугалась. Страх пробуждает в человеке такую же особую силу, какая появляется, когда знаешь, что терять тебе больше нечего. Она следила за мной, она знала, что я сделала, на что способна, и не хотела такой же судьбы, как у Элеоноры. Может, она считала, что ее больше ничего не волнует, но каждый человек сражается в конце, когда чувствует, что жизнь ускользает от него. Независимо от того, как сильно человек желал смерти, даже если шел к ней, словно к старой подруге, в последние минуты жизни он борется хотя бы за еще один вдох.

Я услышала всплеск за секунду до того, как почувствовала, что ледяная вода стала высасывать воздух из моих легких. Тогда Энн меня выпустила, оцепенев на мгновение. Когда ноги выталкивали меня к поверхности, я поняла, что она не хочет бороться. Она собиралась сдаться.

Но ее инстинкт самосохранения оказался сильнее, чем отчаяние, и она всплыла на поверхность через несколько секунд после меня. Река, которая на первый взгляд выглядела такой спокойной, оказалась бурлящей под поверхностью и угрожала затянуть нас обеих вниз, к смерти. Может, так и следовало сделать. Мы обе были виноваты; мы обе сыграли свою роль. Я своими руками лишила Элеонору жизни, но и Энн совершенно точно следовало винить в случившемся, как если бы она находилась там вместе со мной. Мы стали сообщницами в преступлении, которое ни одна из нас никогда не намеревалась совершать. А теперь нам придется понести наказание.

Глава 86

Что вы скажете, если я сообщу вам, что Адам не спал с Энн Лентон?

Спал. Я видела их вместе.

Вы увидели то, что хотели видеть.

Что вы хотите этим сказать? Зачем мне хотеть, чтобы браку моей лучшей подруги пришел конец? Зачем мне хотеть, чтобы ей угрожала опасность? Чтобы мне угрожала опасность?

Вы могли бы исправить ситуацию, когда все начало рушиться. Как вы делали всегда.

Говорите, что хотите, – я знаю, что видела.

Взгляните, пожалуйста, вот на это, Карен.

Это кто?

Это менеджер магазина «Пандора». Видите ее волосы? Как вы считаете: они похожи на волосы Энн? Она узнала Адама: пару месяцев назад он проверял в магазине систему электроснабжения. А вот это кадр с записи с установленной в магазине камеры видеонаблюдения. Вы видите, как она касается его руки, когда уходит? У нее начался обеденный перерыв, именно поэтому вы видели ее не в форме.

Зачем вы это делаете?

У Адама не было романа на стороне.

Был.

Нет. Он помнит, как работал в магазине. Он никогда не видел Энн Лентон.

Врет. То, что он говорит, не может быть правдой.

Почему нет, Карен? Неужели было бы так ужасно, если б вы ошиблись? Если б ваши подруги никогда не оказывались в опасности?

Им угрожала опасность. Я знаю, что угрожала. Все было не просто так. Я пыталась их защитить. Как защищала всегда.

Именно поэтому вы забрали Ноя? Чтобы предупредить?

Я просто хотела, чтобы она поняла. Она не воспринимала мои слова серьезно.

А другие вещи? Крем для депиляции? Свидание Би с мужчиной с сайта знакомств?

Ничто из того, что я делала, не помогало – они не видели, какая опасность им угрожает. На что она способна.

На что была способна Джессика?

Да! Они были в опасности.

Тем не менее Энн Лентон никогда даже не приближалась к вашим подругам, не правда ли? Она соврала по поводу романа с женатым мужчиной, чтобы вам стало стыдно за то, чем вы занимались с ее отцом, но она не сделала ничего, чтобы причинить вред или боль другим. Опасность для ваших подруг исходила только от вас.

Вы врете. Врете. Врете. ВРЕТЕ. ВРЕТЕ.

Глава 87

Би

Они нашли оба автомобиля припаркованными на месте, изображенном на третьей фотографии, но никого вокруг не было видно. Би выпрыгнула из машины до того, как Майкл успел выключить двигатель, и оказалась на берегу у края воды прежде, чем услышала, как хлопнула дверь машины.

– Ты их видишь? – крикнул он, подбегая к ней.

Би оглядывала реку.

– О боже!

Она вытянула руку, чтобы схватиться за него, но Майкл уже сам увидел, как две женщины показались на поверхности воды примерно в пятидесяти ярдах от них, и бросился туда, по пути скидывая куртку.

– Звони в службу спасения! – крикнул он ей через плечо.

Би застыла на месте от страха. Пальцы дрожали и не слушались, когда она доставала телефон из кармана и набирала три девятки. Позже она не могла восстановить в памяти, что сообщила оператору. Би только помнила, какой вопрос крутился у нее в голове – о том, какой ужасный выбор придется сделать Майклу.

Его дочь или любовница. Кого из них он спасет?

Глава 88

И что случилось потом? До того, как Би и Майкл вытащили вас из реки?

Вы знаете, что случилось. Я уже все рассказала полиции. Она схватила меня. Она утянула меня в реку. Она пыталась меня убить.

Ваш любовник…

Он мне не любовник.

Ваш бывший любовник видел, как вы обе всплыли на поверхность, чтобы глотнуть воздуха, а затем, по его словам, вы снова толкнули Энн вниз.

Он ошибся. Откуда кто-то мог знать, что происходило на самом деле? Что происходило под поверхностью? Это был несчастный случай.

Мы все еще говорим про случившееся на реке?

То, что случилось на реке, то, что случилось с Элеонорой, то, что случилось с Эми, – какое это имеет значение? В конце концов, я не могла спасти ни одну из них, разве не так? Она была права насчет этого – все были правы. Нельзя спасти всех. Некоторых людей вообще не спасти. Я пыталась.

Смерть вашей сестры была несчастным случаем.

Я все равно виновата. Я могла бы ее спасти. Она все еще была бы жива, если б я сделала все как надо.

Вы были маленьким ребенком и не могли нести ответственность за сестру в такой ситуации. За нее отвечала ваша мать.

Вы думаете, я этого не знаю? Я посвятила всю свою жизнь помощи людям, у которых было такое же детство, как у меня. Вы можете снова и снова повторять себе, что не виноваты, можете приводить разумные доводы, оправдывать себя, но в итоге всегда услышите голос, который шепчет, что если б вы только внимательнее относились, более ответственно подходили к делу, то ничья жизнь не была бы сломана и разрушена. Ребенок не умер бы. Вы сами не были бы злодейкой.

Вы так считаете? Вы считаете себя плохой?

Большинство людей никого не убивают за всю свою жизнь. Я убила сестру и лучшую подругу. Как вы считаете: я плохая?

Я считаю, что вам нужна помощь.

Вы не можете мне помочь. Никто не может. А теперь отведите меня назад в камеру.

Глава 89

Когда я убила в первый раз, мне было всего четыре года. На протяжении всех этих лет я пыталась убедить себя, что это был несчастный случай – и я не виновата в смерти сестры. Но я и не спасла ее. Я всю жизнь пыталась защищать людей, которых люблю, чтобы искупить вину за маленькую девочку, которую не смогла спасти. Признаю, иногда я заходила слишком далеко, но я всегда хотела только защитить их. Я винила себя за то, что произошло с Би в университете: мне никогда не следовало находиться так далеко от нее. Именно поэтому я установила камеру в ее ноутбук – чтобы присматривать за ней, когда мы не вместе.

Когда мы стали старше, я оказалась вне нашей тройки. Я смотрела на дружбу Би и Элеоноры и следила за тем, чтобы они всегда нуждались во мне. Я старалась, чтобы это было так. Оглядываясь назад, предполагаю, что, наверное, чувствовала, что от меня не откажутся, если я буду незаменима. Когда казалось, что все шло слишком гладко для них, мне нужно было всего лишь приложить немного усилий, чтобы устроить им встряску – небольшую, но требующую моего вмешательства. В школе можно было пустить слух или поймать парня на измене; по мере нашего взросления стало легче быть для них нужной, даже не подкидывая неприятности. Продуманные подарки в тяжелые для них дни и в даты, которые я помнила, а они сами могли забыть. Я гордилась тем, что сделала подруг центром моей вселенной, а они про это даже не знали. В ответ они давали мне возможность почувствовать себя нормальной, одним глазком взглянуть на обычную семейную жизнь, где люди ругаются из-за того, что кто-то взял чужую одежду, а не из-за боли, которая мучает после утраты маленькой девочки.

Когда мы стали взрослыми, я честно думала, что они мои, а я – одна из них. Я так внедрилась в их жизнь, что стала частью механизма, а не третьим колесом.

До того дня.

Я вышла в город в обеденный перерыв, чтобы отправить несколько писем, и увидела их вместе. Без меня. Вам, наверное, это покажется незначительным. Конечно, за тридцать лет дружбы нам

доводилось встречаться не полным составом, но нечасто. Обычно мы собирались втроем, и кто-то отсутствовал только потому, что никак не получалось прийти. Мы приходили друг к другу домой без приглашения, но если вы спросите меня, почему в тот раз все оказалось по-другому, я отвечу, что тогда я просто поняла. В то мгновение все мои страхи подтвердились – у них настоящая дружба, и я начинаю погружаться в одиночество. Понимаете, у меня больше никого не было. Я положила все яйца в одну корзину, их корзину, так сказать, даже Майкл на самом деле не был моим. Мне всегда что-то мешало полностью отдаваться отношениям, и вот результат. Сколько у них было тайных встреч? Сколько взглядов украдкой – *«Не говори Карен, давай встретимся только вдвоем»*.

После того как я их увидела и все поняла, то не могла больше ни о чем думать. Все наши встречи теперь были испорчены и осквернены их предательством. Мое время в солнечных лучах их дружбы заканчивалось.

Джессика Гамильтон вошла в нашу жизнь в самый подходящий или, наоборот, в ужасно неподходящий момент. Стоило мне увидеть ее, как я поняла, что с ней что-то не так – она носит маску, очень похожую на мою собственную, но только после того, как я заметила ее с Адамом, то поняла, насколько опасной она может оказаться для меня и моих подруг. Я не знала, чего она хотела и почему, но понимала, что должна защитить их от нее. Это был мой шанс показать им, как сильно я им нужна. Мой психиатр, Шейла, говорит, что я не могла видеть то, что видела, и Адам появился там по совсем невинному поводу, а Джессики там вообще не было, но я в это не верю. Если все это было зря, что я тогда за человек?

Но они не могли – или не хотели – видеть опасность, которая им угрожала. Она была прямо у них под носом. Я должна была заставить их это понять! Все, что я делала, – переставила машину Элеоноры, организовала свидание Би, чтобы напомнить ей о прошлом, – никогда не ставило их в действительно опасное положение. Я всегда была рядом, готовая подключиться к делу и напомнить им, что я – единственный человек, на которого они могут положиться. Не Адам и не Фрэн. Даже не они сами друг для друга. А когда они поняли бы, какую угрозу для них представляет Джессика Гамильтон, то пришли б

ко мне, признав, что я все это время была права. Они попросили бы меня помочь им.

Полиция говорит, что Джессику или, как теперь выяснилось, Энн Лентон никогда не интересовали мои подруги; она хотела создать проблемы мне, но я знаю, что это неправда. Я их защищала. А когда я в тот день отправилась в дом Элеоноры, то просто хотела, чтобы она все поняла. Я была неосторожна – по старой фотографии она узнала браслет, который я спрятала в машине Адама. Так глупо было использовать мой собственный старый браслет, но я давно его не носила и подумать не могла, что она его вспомнит – а она стала бросать мне в лицо всякие обвинения. Она подумала, что это я кручу роман с ее мужем. Я! Она даже не поверила в существование Джессики. Все происходило совсем не так, как я себе это представляла: я обещаю ей решить все проблемы, а она благодарно падает в мои объятия. Не могу притворяться, будто не разочаровалась и не расстроилась, а когда Элеонора набросилась на меня, я толкнула ее чуть сильнее, чем собиралась. Увидев кровь, я поняла, что наделала.

И вот как оно вышло. Второй человек из тех, кого я любила, умер, потому что я не могла его спасти. Первую от моей матери, вторую от Джессики Гамильтон. Именно она виновата – в этом нет ни малейшего сомнения. Может, она не находилась с нами в одном помещении, но виновата она! Я всегда хотела только любить их, защищать от всего. Я была им нужна. Я просто хотела спасти их всех.

«Вы не сможете меня изменить». Это были первые слова, которые Джессика мне сказала, и я помню, как подумала, что она не права. Я все время меняла людей, это было моей работой. Оказалось, она никогда не хотела меняться. Джессика пришла, чтобы изменить меня, она была моим инспектором, моим призраком Марли[41]. Но я не чувствую себя исправленной. И не думаю, что меня когда-нибудь кто-то исправит.

Итоговое заключение – Карен Браунинг

Психиатр: доктор Шейла Форд

Продолжительность лечения: один год и два месяца

В детстве Карен перенесла тяжелую травму из-за утраты близкого человека, в результате она стала винить себя в смерти сестры. Хотя она понимает, что ответственность за сестру лежала исключительно на их матери, у нее все еще остаются эмоциональные шрамы, вызванные

чувством вины. Эту вину за несчастный случай она пыталась искупить всю свою жизнь, защищая окружающих ее людей. Карен укрепляла созависимость в отношениях с близкими подругами, каждый раз убеждаясь в том, что ей нужно «спасать» этих женщин, а в отсутствие непосредственной угрозы она придумала ее в виде своей пациентки Джессики Гамильтон.

С Карен предстоит еще много работы. Она культивировала в себе комплекс бога с момента смерти ее сестры в детстве, из-за чего теперь не способна адекватно оценить все случившееся и считает причиненный ею вред побочным эффектом масштабного мероприятия по спасению ее подруг от внешней угрозы. Из отчетов полиции я поняла, что Карен давно изобретала способы защитить своих подруг, но события, имевшие место год назад, указывают на ухудшения в ее психическом состоянии. Осознание того, что произошло на самом деле, может снять последний эмоциональный барьер, вследствие чего возможно необратимое ухудшение ее состояния. После того, как Карен перестанет видеть себя защитницей и признает, что только она представляла угрозу для своих подруг, следует ожидать серьезных отрицательных последствий.

Проработав с Карен Браунинг уже больше года, я все еще считаю ее пациенткой из группы высокого риска. Наибольшую опасность она представляет для себя самой. Я рекомендую суду оставить Карен Браунинг под стражей на максимально возможный срок.

---

notes

Примечания

1

21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

2

Генерализованное тревожное расстройство (ГТР) – особое психическое состояние, при котором человек постоянно живет с чувством сильного беспокойства. Со стороны может казаться, что это волнение по пустякам. Но у таких пациентов нервная система всегда напряжена до предела. *(Здесь и далее прим. пер.)*

3

1 дюйм = 2,54 см.

4

«Бешеный пес 20/20» – народное название американского крепленого вина «MD 20/20». На самом деле это «Моген Дэвид» – компания-производитель вин, но в словосочетании Mad Dog (бешеный пес) слова начинаются с тех же букв.

5

«Маленький домик в прериях» – американский телесериал о семье фермеров, которые воспитали четырех своих детей, потом взяли трех приемных – о семейных ценностях, любви, дружбе и вере.

6

«Стеклянный потолок» – метафора для описания ситуации, когда в компании создаются препоны для дальнейшего продвижения женщины по карьерной лестнице исключительно из-за пола.

7

1 ярд = 91,44 см.

8

Использована часть цитаты из Роберта Бернса «Лучшие планы мышей и людей часто идут вкривь и вкось», которая в английском языке стала идиомой. Так говорят, когда что-то заканчивается плохо или иначе, чем ожидалось, несмотря на подготовку.

9

WHSmith – популярная в Великобритании сеть магазинов книг, журналов и канцелярских принадлежностей.

10

1 миля = 1609 м. – *Прим. переводчика.*

11

Поллианна – героиня одноименного романа американской писательницы Э. Портер. Слово может употребляться как нарицательное (как в данном случае) и тогда означает «неисправимая оптимистка, смотрящая сквозь розовые очки».

12

Дэвид Брент – вымышленный персонаж сериала Би-би-си «Офис», менеджер среднего звена, который верит, что он душа компании, хотя на самом деле на работе все его ненавидят.

13

1 пинта = 0,57 л. – *Прим. переводчика.*

14

«Вас подставили!» (*англ.* You’ve Been Framed!) – британское телешоу. Ведущий – Джереми Бидл.

15

Мистер Мотиватор – британский фитнес-инструктор Деррик Эррол Эванс, который проводит занятия фитнесом в прямом эфире, выпускает видеоролики о фитнесе.

16

Эксперимент «Маленький Альберт» заключался в искусственной выработке страха. Психолог Джон Уотсон пытался продемонстрировать возможность запрограммировать человека на то или иное поведение и реакции на какой-то стимул.

17

Тед Банди – американский серийный убийца, насильник, похититель людей и некрофил. Действовал в 1970-е годы.

18

Номер телефона для связи с экстренными службами в Великобритании – 999.

19

В Англии считается, что найти пенни, лежащий орлом вверх, – к удаче.

20

«Белая молния» – марка английского белого сидра крепостью 7,5 % или 8,4 %.

21

«Холлиокс» (*англ.* Hollyoaks) – название британского сериала, герои которого на каждом шагу сталкиваются с испытаниями.

22

Ксанакс – лекарство от бессонницы и успокоительное, отпускается без рецепта.

23

Имеются в виду дюймы. 1 дюйм = 2,54 см, соответственно, размер фотографии составляет примерно 15х10 см.

24

Героиня из романа Дженни Блэкхерст «Как я тебя потеряла».

25

Вустерский (или вустерширский) соус – кисло-сладкий, слегка пикантный соус, названный по названию графства Вустершир, где его впервые приготовили в XIX веке по рецепту, привезенному одним лордом из Бенгалии, хотя не совсем так, как должны были. Подробно легенду можно прочитать в интернете.

26

AOL Mail – бесплатная веб-служба электронной почты в Великобритании.

27

«Хотмэйл» (*англ.* Hotmail) – закрытый сервис электронной почты, один из первых почтовых сервисов. К 2012 году стал одним к крупнейших в мире, к настоящему времени закрыт.

28

В Англии до 2003 года всем пабам и барам предписывалось закрываться в определенное время. «Закрытые пьянки» устраивались после этого. Возможно, предписание продолжает действовать в определенных регионах.

29

«Некст» (*англ.* Next) – фирма-производитель детской одежды, обуви и аксессуаров.

30

Аманда Холден и Филипп Шофилд – ведущие двухчасовой британской телепрограммы «Сегодня утром».

31

Джоуи Греко – американский телеведущий, наиболее известен как ведущий реалити-шоу «Мошенник».

32

Генеральный медицинский совет Великобритании – государственный орган, который ведет реестр всех практикующих врачей в Соединенном Королевстве. В частности, он при необходимости отстраняет от должности и исключает врачей из реестра.

33

Кэтфиш (*англ.* «catfish») – человек, который создает подставной профиль для онлайн-знакомств, чтобы выдать себя за кого-то другого.

34

CBeebies – самый популярный детский телеканал в Великобритании. Мистер Тамбл (настоящее имя Джастин Флетчер) – популярный телеведущий на этом телеканале, которого в Великобритании знают все дети.

35

Дэвид Аттенборо – британский телеведущий и натуралист, который одним из первых начал снимать документальные фильмы о природе.

36

«Девушка с татуировкой дракона» – детективный роман и фильм.

37

Имеются в виду дюймы. Размер фотографии 17,7 на 12,7 см.

38

Пол Маккенна – британский гипнотизер, теле– и радиоведущий, автор книг из серии «Помоги себе сам», в частности, им разработана стратегия снижения веса.

39

Сэр Микс-э-Лот – американский рэпер Энтони Л. Рей, легенда хип-хопа.

40

«Это ваша жизнь» (*англ.* This Is Your Life) – шоу на Би-би-си (1955–2003 гг.), в котором знаменитости читают собственную мини-биографию и вновь встречаются со знакомыми когда-то людьми из своей жизни. Майкл Эспел – один из ведущих.

41

Отсылка к повести Чарльза Диккенса «Рождественская песнь».

Table of Contents

Дженни Блэкхерст Когда я впущу тебя
Благодарности
Часть первая
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30

Часть вторая

Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Глава 60
Глава 61
Глава 62
Глава 63
Глава 64
Глава 65
Глава 66
Глава 67

Глава 68
Глава 69
Глава 70
Глава 71
Глава 72
Часть третья
Глава 73
Глава 74
Глава 75
Глава 76
Глава 77
Глава 78
Глава 79
Глава 80
Глава 81
Глава 82
Глава 83
Глава 84
Глава 85
Глава 86
Глава 87
Глава 88
Глава 89
Примечания
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13

14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41